

РУССКИЙ ЯЗЫК

между интервенцией
и сбережением

С. 8

ЕЩЕ ОДИН «ОКОНЧАТЕЛЬНО РЕШЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС»

МАЛЕНЬКАЯ ЛАТВИЯ ОПЯТЬ ОТЛИЧИЛАСЬ. НА СЕЙ РАЗ «РЕКОМЕНДАЦИЯМИ» Центра госязыка не разговаривать не по-латышски на рабочем месте. Это выдвинутое Центром требование касается почти всех работников, особенно – в сфере обслуживания. Сослались, как водилось в советской и водится в постсоветской традиции, на «пожелания граждан», которые, дескать, страдают от того, что слишком часто слышат русскую речь вокруг себя.

В такой трактовке это сильно напоминает худшие диктаторские традиции самых разных стран, где запрещали языки нацменьшинств. К примеру, генералиссимус Франко именно так держал под запретом использование каталонского языка (чего же теперь удивляться сильным сепаратистским стремлениям испанской Каталонии?). Поднявшаяся волна возмущения вынудила тех, кого даже прозвали «языковым гестапо» за непримиримость к языковым вольностям, оправдываться: мол, речь не идет о том, что по-русски перестанут общаться с туристами или покупателями в магазине, мол, речь идет об общении сотрудников между собой на рабочем месте.

Подобные «оправдания», разумеется, не могут сгладить того факта, что именно Латвия, член Евросоюза, на сегодня остается страной, где представители нацменьшинств подвергаются столь масштабным и изощренным языковым притеснениям. По распространенности русский язык в Латвии на втором месте. Дома на нем разговаривают 34 процента жителей страны (при том что доля этнических русских составляет только 27 процентов, зато родным его считают и большинство проживающих в стране белорусов, украинцев, евреев и поля-

ков). Кроме того, около 300 тысяч русских, проживающих в Латвии, до сих пор не имеют гражданства, официально заклеенные как «неграждане». Недавно посол Латвии в России Астра Курме заявила: «Русский язык в Латвии никогда не станет государственным языком, этот вопрос решен давно и не будет подниматься». Впрочем, в истории уже было немало примеров, когда тот или иной «национальный вопрос» объявлялся «окончательно решенным», но впоследствии сама История оборачивалась против тех, кто претворял в жизнь подобные решения. ■

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Президент открытого акционерного общества «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** Новые
инициативы

РУССКИЙ ЯЗЫК

- 08** «Девушка
с ебитдой»

ИСТОРИЯ

- 12** Земляк, Коротышка
и другие

НАСЛЕДИЕ

- 18** Кто истинно
добрый и счастливый
человек?

- 26** «Руина чти»

ИНТЕРВЬЮ

- 34** «Лавр» – точка находимости

- 40** Земля
российского
владения

- 46** Вирус Антарктиды

ТРАДИЦИИ

- 52** В райском розовом саду

МУЗЕИ

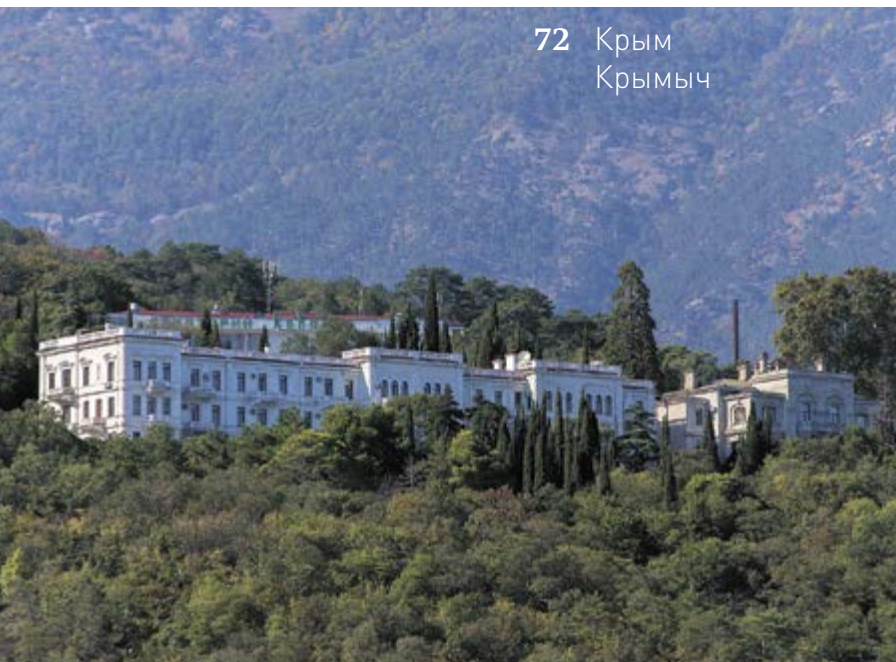
58 Калужская отчина

РЕПОРТАЖ

66 Тропа в дику
природу

72 Крым
Крымыч

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

82 Медвежий угол

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Рыбинск

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Константин КРАВЦОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Александра ПУШКАРЬ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Игорь ФОМЕНКО
Ирина ШЕВЧЕНКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Обложка:
Дмитрий ЖАРОВ

НОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

АВТОР

АННА ЛОЩИХИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В 2015 ГОДУ III РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВСТРЕЧИ СОВПАЛИ С НАЧАЛОМ ПРАЗДНОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ, КРЕСТИВШЕМУ РУСЬ. ПОЭТОМУ ГЛАВНАЯ ТЕМА ФОРУМА – «КНЯЗЬ ВЛАДИМИР. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР РУСИ». И ХОТЯ ВЫБОР СДЕЛАН ДАВНО, ПОЧТИ ВСЕ 15 ТЫСЯЧ УЧАСТНИКОВ ВСТРЕЧ ГОВОРИЛИ О ТРУДНОСТЯХ ПРОДОЛЖЕНИЯ ТРАДИЦИЙ, ОБ УГРОЗЕ ИХ РЕВИЗИИ С ПОМОЩЬЮ НОВЫХ СТАНДАРТОВ ОБРАЗОВАНИЯ.

ПОЛЕМИЧНУЮ НОТУ СЕКЦИОННЫМ чтением «Духовно-нравственное воспитание в российской школе» одним из первых задал архиепископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт. «Есть у нас на Кавказе город Лермонтов, – рассказал архиепископ Феофилакт. – Там родители модуль учебного курса ОРКСЭ [«Основы религиозных культур и светской этики». – Прим. ред.] выбирают очень просто. По просьбе директоров школ они подписывают пустые анкеты. «Так будет всем лучше», – аргументация администраций школ на ропот или возмущение родителей, которые не хотят подписывать пустые анкеты. В итоге курс православия изучают ноль учащихся, курс ислама – ноль учащихся. Все «выбирают» светскую этику. Что это, демократия или произвол?» Как выясняется, основная причина такого подхода к преподаванию

ОРКСЭ – зарплата учителям, которые должны набрать в группу не менее 25 человек. Похожая ситуация сложилась и в Поволжье. Митрополит Казанский и Татарстанский Анастасий рассказал о том, что доступность изучения православия и ислама есть, но «в исключительных случаях, поэтому митрополия сконцентрировалась на воскресных школах при приходах» и выступила с инициативой о создании во всех крупных городах Поволжья централизованных воскресных школ. Однако и тут, как в случае с Северным Кавказом, ситуация упирается в несколько нерешенных проблем: законодательный статус выбранного модуля ОРКСЭ, проблему квалификации педагогических и теологических кадров и, наконец, учет региональных особенностей. Например, где-то нужно больше изучать ислам, где-то – буддизм, где-то – православие. Поэтому, полагает митрополит Казанский и Татарстанский Ана-

стасий, пришло время Минобрнауки «выдавать не рекомендации по образованию», а «конкретные документы, особенно для тех регионов, где большую часть населения представляют мусульмане».

«Сегодня вопросы, связанные с воспитанием и духовностью, снова выходят на первый план, – считает председатель комитета Госдумы по образованию, глава фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов. – Проблема есть: ведь современные дети, получая знания в школе, в храмах и музеях, часто чувствуют себя иностранцами. Надо признать, что в годы реформ произошел культурологический разрыв. С сентября 2012 года его призван ликвидировать курс ОРКСЭ для средней школы, в том числе курс истории православия, в рамках которого дети осознают универсальность десяти заповедей и взаимосвязь духовности и нравственности». Вячеслав Никонов заметил, что один из посылов и смыслов III Рождественских парламентских встреч – совершенствование курса ОРКСЭ. Его поддержал председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации РПЦ митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий. «Получение гражданами качественного образования невозможно в отрыве от духовно-нравственного воспитания, – убежден митрополит Меркурий. – Однако нравственное воспитание воспринимается светским сообществом как максимальная закрытость школы от церкви. В частности, это четко проявляется в процедуре выбора религиозного образовательного курса, когда школы массово стараются преподавать светскую этику, отказывая желающим изучать православие, ислам и другие традиционные религии. Чтобы доступ к изучению религиозных основ был массовым, полагаю, надо принять федеральный регламент и внести изменения в действующее законодательство. Также считаю, что нужна прозрачная общественная экспертиза учебной литературы по этой дисциплине».

Митрополита Меркурия поддержала председатель комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Ирина Яровая. Она подчеркнула, что на эксперти-

зу школьных учебников представителями традиционных конфессий надо направлять «все учебники по гуманитарным предметам», правда, оговорив, что религиозная экспертиза должна быть частью «широкой общественной». «Проблема в том, что усложнение школьного образования направлено на то, чтобы у ребенка формировались не знания, а любознательность, – считает Ирина Яровая. – И в этом смысле требуется жесткая ревизия качества и особенно объема предоставляемых детям знаний. Я против упрощения, но и категорически против искусственного увеличения объема знаний. Это тот случай, когда количество неспособно перерасти в качество. Также общее гуманитарное образование не должно предполагать той коммерческой вариативности учебников, которая есть сегодня. При этом мы не должны упустить главного – качества знаний по русскому языку, литературе и истории». Ирина Яровая, Вячеслав Никонов и митрополит Меркурий выступили с инициативой: концепция духовно-нравственного воспитания должна стать общенациональным документом. «Духовность и нравственность – конкурентные преимущества, это главные фундаментальные ценности, которые сохранят Россию в будущем», – заявил Вячеслав Никонов.

Когда пришло время выступления заместителя министра образования и науки РФ Натальи Третьяк, участники III Рождественских парламентских встреч не скрывали, что станут в будущем следить за тем, как Минобрнауки будет держать удар их критики. «Удар критики придется держать всем вместе, – парировала Наталья Третьяк. – Начну с того, что вопросы морально-нравственного воспитания являются одним из приоритетов государственной политики, и в Минобрнауки это понимают, разделяют такой подход и выполняют. Вопрос в степени общественного заказа. Вот его давайте формировать вместе, не списывая все огрехи на исполнителя этого госзаказа – Минобрнауки». Наталья Третьяк подтвердила, что работа над тем, чтобы концепция духовно-нравственного воспитания стала общенациональным документом, «ведется кропотливая».

В частности, курс преподавания ОРКСЭ распределится с учетом общественного запроса, который Министерство образования и науки «неукоснительно учитывает»: 44–45 процентов родителей предпочитают, чтобы их дети изучали основы религиозных культур в рамках курса светской этики, православие изучают 33 процента, ислам и религии мира – 18 процентов, только ислам – 4 процента, буддизм – до 1 процента. И Минобрнауки впредь намерено учитывать этот общественный расклад, помогая образовательным учреждениям профессиональными кадрами. Так, в рамках этого процесса Высшая аттестационная комиссия РФ впервые утвердила теологию в качестве научной дисциплины. Это решение совпало с тем, что патриарх Русской православной церкви Кирилл на открытии III Рождественских парламентских встреч призвал депутатов «поспособствовать процессу утверждения богословия в качестве научной дисциплины».

«Принято решение, что теология должна рассматриваться и вводиться как специальность с уже существующих десятилетиями подходов, когда присвоение степени кандидатов и докторов наук производится по историческим, философским, социологическим, педагогическим и культурологическим наукам, – сказал председатель ВАК Владимир Филиппов. – Теология как научная специальность вводится в России впервые. При этом студенты изучают ее в вузах, поэтому возведение этого предмета в ранг научной специальности и изучение его в аспирантуре является естественным». Одновременно Наталья Третьяк поспешила развеять слухи о том, что могут быть упразднены педагогические вузы. Но с ней не согласил-

ся академик Российской академии образования, заведующий кафедрой философской антропологии и истории философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Александр Корольков. «Я знаю о том, что Минобрнауки и науки все же рассматривает идею отказа от педагогических вузов, а функцию подготовки учителей для общеобразовательных школ намерено передать университетам, – сказал Александр Корольков. – Это в принципе неверная установка. Университеты дают высокие стандарты знаний, но они вообще не обладают не только высокими или наработанными, но и базовыми педагогическими стандартами. И если мы хотим заниматься не только предоставлением знаний школьникам, но и их духовно-нравственным воспитанием, то упразднить педагогические вузы, мягко говоря, необдуманый шаг».

В итоге дискуссий участники Рождественских встреч выработали несколько рекомендаций. Правительству предложено «рассмотреть вопрос об основах единой государственной политики в области духовно-нравственного воспитания». Также в адрес правительства составлена петиция с просьбой «осуществить государственную поддержку с учетом налоговых льгот и преференций организациям, занимающимся созданием, изданием и распространением детской, учебной и научной литературы в области духовно-нравственного воспитания». Президенту РФ, Госдуме и правительству направлено письмо с просьбой «сделать недопустимым использование эфирного времени в электронных СМИ для показа программ, пропагандирующих насилие и низменность», включая «прерывание рекламными роликами детских телевизионных познавательных передач и фильмов».

Главный итог работы секции «Духовно-нравственное воспитание в российской школе» – участники договорились в 2015 году провести консультации и мероприятия по разработке законодательных инициатив, а также по подготовке, экспертизе и реализации нормативно-правовых актов, которые сделают нормой концепцию духовно-нравственного воспитания детей в системе образования России. ■

«ДЕВУШКА С ЕБИТДОЙ»

АВТОР

АННА ЛОЩИХИНА

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНО ВЕСТИ БОРЬБУ С ЗАСИЛЬЕМ ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НЕДАВНО ВЫСКАЗАЛ СКЛОННЫЙ К ЭПАТАЖУ ГЛАВА ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ. И ПОСЛЕ ЕГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОПЫТКА ДАЖЕ ПРОСТО ЗАИКНУТЬСЯ О ТОМ, ЧТО ПОДОБНАЯ ПРАКТИКА РАСПРОСТРАНЕНА В КИТАЕ, ФРАНЦИИ, ПОЛЬШЕ И В ДЕСЯТКАХ ДРУГИХ СТРАН, НАВЕРНЯКА ОБЕСПЕЧИТ ВАМ РЕПУТАЦИЮ ЖУТКОГО ОРТОДОКСА И РЕТРОГРАДА.

О ДНАКО ПОПРОБУЕМ все же разобраться: должны ли законодательно регулировать «взаимоотношения» русского языка с иностранными? И насколько глубоко законодательные инициативы должны или могут проникать в процессы развития языка? Да и нужны ли они в принципе?

Что касается последнего вопроса, то тут у специалистов нет единства в подходе к решению проблемы. В середине 90-х, когда интервенция, в первую очередь англицизмов, была максимальной, в экспертной среде победил, так сказать, либеральный подход: русский язык без посторонней помощи сам все переварит, а что не переварит –

выплюнет. Кстати, с разговорной речью и интернет-сленгом так и происходит: яркий и почти забытый тому пример – судьба почившего в бозе «олбанского» языка.

ДЕПОЗИТ, СМС, ИПОТЕКА

Но, как признают филологи, намного сложнее обстоят дела с заимствованием терминологических «массивов», особенно тех, что связаны с экономикой и финансами. Ведь если интернет-сленг можно проигнорировать, а мобильную связь освоить и без новых терминов и даже без СМС-переписки, то обойтись без оформления кредитов, без пользования банкоматами и платежными терминалами уже невозможно. А пользование ими сопряжено с подписанием ряда бумаг или выполнением операций, требующих знания новой терминологии.

И вот тут легко впасть в прострацию. Например, когда меняют платежный терминал, с помощью которого вы уже привыкли оплачивать счета ЖКХ, на более, как говорят теперь, «продвинутый». В старом терминале по-русски было написано: «Наберите номер квартиры». Все понятно. В новом – тоже вроде бы

по-русски: «Ваш код РР». Лишь методом тыка и сарафанного радио через день-два удастся разобратся, что «код РР» – это и есть номер квартиры. Но у этого процесса есть неприятный побочный эффект: вам гарантировано длительное погружение в чувство собственной интеллектуальной неполноценности. А в иных случаях столкновение обычного человека с очередным заимствованным новшеством сопоставимо с потрясением Колумба, узнавшего наконец, что в Индию он так и не попал. Помню, как однажды в редакции влиятельного экономического журнала услышала прозвище одной из журналисток – «девушка с ебитдой». Однако, как быстро объяснили мне коллеги, краснеть и опускать глаза при этом – удел маргиналов: EBITDA – это аналитический показатель в финансовых отчетах, равный объему прибыли до уплаты налогов, расходов на амортизацию и процентов по кредитам (от англ. Earnings before Interest, Taxes, Depreciation and Amortization. – Прим. ред.). Это устоявшаяся английская аббревиатура. В русский язык она пришла сначала как элемент узкопрофессионального языка

банкиров, но так и укоренилась – без адаптации. А журналистка получила такое странное прозвище потому, что просто первой «принесла» новую аббревиатуру в редакцию...

Мы теперь живем, ориентируясь на курсы валют и цены на баррель нефти. Мы следим за такими вещами, которые раньше нас вовсе не касались. Раньше, но не теперь! Теперь каждый из нас заключает договоры, берет кредиты и рассрочки, оформляет ипотеку, регистрирует ИЧП и ООО. При этом большинство из нас по-прежнему не знает, что такое, к примеру, дериватив или фьючерс. Финансовая и экономическая грамотность населения России, как, впрочем, и подавляющего большинства стран, оставляет желать лучшего.

Когда давит такой вал терминологии, хочется спросить: а нельзя ли быть проще? Может, логичнее найти замену иностранным лексемам с помощью слов родного языка? Ведь игра в «умные» термины зашла так далеко, что, например, большинство людей понятия не имеют, что значит такое «простое русское слово», как «депозит». Не проще ли его заменить обычным русским словом «вклад»? Но, как заметили в свое время французские и китайские филологи, отказаться от англоязычного термина deposit в их языках тоже не так уж просто, потому как это невыгодно. Трепет обывателя перед непонятными терминами автоматически вынуждает его быть гораздо стоворчивее при заключении договоров вкладов, договоров по кредитам и ипотекам, сделок с недвижимостью. И вот тут регулировать общественные и языковые отношения вполне способен закон, требующий не калькировать, а адаптировать языковые интервенции, а в идеале – заменять сложные иностранные термины родными и понятными словами.

Кстати, это одна из идей директора Института мировой литературы Шанхайского университета Чжэна Тиу. Китаец Тиу поражен некритичным заим-

ствованием русскими иностранными терминами.

– У китайского общие проблемы с русским: поток заимствований сильно влияет на оба языка. Как правило, это английские слова, – признает Чжэн Тиу. – Но китайский язык гораздо осторожнее, нежели русский, перенимает иностранные слова. Мы чаще переводим иностранное заимствование, а у вас их слишком много. Особенно это касается интернет-терминологии и всего того, что связано с мобильной связью, – «смайл», «имейл», «эсэмэс» – трудно все упомянуть. Меня это часто напрягает. Я даже спрашивал: «Как это переводится на русский язык?» Мне отвечали: «Это и есть по-русски». Как? Я это откладываюсь понимать.

Что же касается англоязычной экономической терминологии, проникающей в китайский язык, Тиу убежден: принятое в Китае ее законодательное регулирование – гарантия развития и сбережения китайского языка и равновесия общества, не всегда способного разобратся в сложных терминах. И он не единственный, кто считает, что речь в данном случае идет не только о заимствованиях, что полезно для развития любого языка, но и о некритичной, иногда бездумной, кальке чужих слов, которая вредит языку и вносит психологический дискомфорт в общество.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ «ИНТЕРВЕНТАМ»

Китайцы далеко не первые, кто, столкнувшись с этой проблемой, решает ее с помощью законодательства. Еще с 60-х годов XX века противостоянием интервенции иностранных слов на законодательном уровне занимались немцы, австрийцы, венгры, французы, поляки. В этих странах тоже сложилась ситуация, при которой обычные люди стали чувствовать себя неудобно, все больше сталкиваясь с англоязычной специализированной терминологией. И, как и в России, вслед за самоирони-

ей по отношению к инструкциям, перенасыщенным терминами, пришло чувство ущемления собственных языковых прав.

Первой за решение проблемы на законодательном уровне взялась Франция. С конца 60-х годов французские терминологические комиссии предписывают употребление франкоязычного термина, а не заимствованного английского в том случае, когда у этого термина есть аналог во французском языке. В 1972 году был издан список терминов, специально созданных с использованием французских слов. Параллельно были введены штрафные санкции за использование в документообороте англицизмов, которые имеют аналоги во французском языке. Чуть позже такие же законы заработали в Германии, Норвегии и Италии, а в конце 80-х годов – в Польше, Венгрии и ряде других стран Восточной и Южной Европы. Правда, эта борьба велась и ведется с переменным успехом, и ее итог пока не очевиден.

У России тоже есть свой опыт противостояния языковым интервентам. И тоже – с переменным успехом. Борьбу с засорением русского языка вел еще активный приверженец заимствований Петр I, требуя от чиновников и дворян говорить ясно и понятно. В XIX веке, когда русский язык испытывал колоссальное давление французских, немецких и английских заимствований, эта борьба приняла изоляционистский характер. Министр просвещения России славянофил Александр Шишков предложил вообще отказаться от иностранных слов. В результате появились анекдотичные замены: «мокроступы» вместо «галош», «трупоразъятие» вместо «анатомии», «шарокат» вместо «бильярда». Несмотря на провал такой политики сохранения русского языка, еще одна попытка его изоляции от глобальных тенденций была предпринята в 50-е годы XX века – в рамках борьбы с «космополитизмом». Тогда запрещали говорить «о'кей»,

«мерси», «хеппи-энд», изживали футбольные термины «бек», «хавбек» и «корнер» и даже превратили в «ругательное» слово «генетика», что, как известно, похоронило в СССР целую отрасль науки. Однако по мере ослабления репрессий, а затем либерализации общества многие запретные слова вернулись, а какие-то стигнули сами собой, не принятые русским языком.

И реформатор-западник Петр I, и языковой новатор Александр Пушкин, и либерал Александр Солженицын настаивали на закономерности проникновения в русский язык иностранных заимствований, но и боролись с бездумной модой на них. Так, Солженицын в 1990-м создал «Русский словарь языкового расширения». Правда, он ставил перед собой в общедоступном максималистскую задачу: не просто поиск русских аналогов иностранным словам, а «восстановление за века накопленных, а потом утерянных богатств русского языка». Причем не просто восстановление, а возвращение в речевой обиход. Солженицын пытался вернуть в русскую обиходную речь удивительные по красоте и звучанию забытые диалекты – «дерзословить», «взабыль», «вредослов», «заимчивый», «можнѣхонько», «мокрозимье». Однако, несмотря на интеллектуальный авторитет Солженицына, эти слова в современном русском языке так и остаются экзотическими «штучками», которые используются разве что специалистами.

ДВА МЕХАНИЗМА

Как мировой, так и отечественный опыт противостояния иностранным заимствованиям учит тому, что нельзя бросать язык на произвол судьбы, но и пытаться управлять его развитием с помощью законодательных ограничений, а тем более репрессий – это не самая лучшая идея. Она может привести к результату, обратному поставленной цели.

Сегодня Россия, похоже, учится извлекать уроки как из своего, так и чужого исторического

опыта. В законе «О государственном языке Российской Федерации» есть статья 1, параграф 6, которые можно условно считать «запретительными» по отношению к некритичному использованию иностранных слов. Параграф 6 четко задает параметры использования иностранных заимствований: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». То есть и без китайского и французского законодательного опыта в области языкового регулирования языковой аналог этого опыта, как и закон, в России есть. Другое дело, что и в такой относительно либеральной редакции этот запрет никак не работает и никем не соблюдается.

– Можно бесконечно спорить о том, нужен ли для решения проблемы заимствований так называемый «языковой закон» по примеру Франции или Китая, – говорит главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Леонид Крысин. – Тут нужен разумный подход. Русские

ДМИТРИЙ ЖУРОВ

аналоги заимствованиям искать надо. Возможно, законодательные ограничения совсем уж одиозным заимствованиям стоит вводить. Однако при этом не надо забывать закономерность развития родной речи. Ведь у заимствований есть причины – как внутренние, так и внешние. Внутренние причины идут от развития самого языка. Он не может не развиваться. Часто заимствования выглядят завуалированно. Слово кажется нам русским, но корневая часть является заимствованной, а уже потом мы прибавляем к ней наши суффиксы, приставки, окончания. А заимствуется слово тогда, когда работает внешняя причина. Для наглядности Крысин приводит понятные каждому примеры со словами «евро», «суши», «ролл». Однако любой лингвист заметит, что еще больше можно привести «непонятных» примеров: это когда слово звучит и считается «абсолютно» русским, а по факту является заимствованным. К примеру, из немецкого – бант, гильза, грунт, пихта, шайба, рама. Из французского – жилет, костюм, желе, кулинар. Из английского – вокзал, спорт, лифт, клоун, трусы, хулиган. Еще именно поэтому и социолингвист Крысин, и почти все лингвисты рекомендуют не переусердствовать с зако-

нодательным регулированием иностранных заимствований. – Важно не наличие или отсутствие аналогий, а освоенность слова, его встроенность в речь, – считает директор Института лингвистики РГТУ Максим Кронгауз. – Сегодня слово «компьютер» ни у кого не вызывает протеста, а какой-нибудь «сейлз-менеджер» или «трендсеттер» кажутся данью моде. Само по себе заимствование слов не означает слабости языка, его порчи и уж точно не приводит к его исчезновению. Надо признать, что сегодня мы живем в условиях трансляции глобальной культуры. В этой ситуации активное освоение чужой лексики оказывается для языка эффективной защитой. Когда чужеродное слово произносится по-русски, склоняется или спрягается, обрывается родственными однокоренными словами, оно, по существу, становится русским. Это похоже на вакцинацию: нас заражают болезнью в слабой форме, чтобы мы выработали к ней иммунитет. Как считают ученые Института русского языка РАН и Института лингвистики РГТУ, в русском языке работает естественный – письменный и устный – механизм вытеснения англицизмов, которые не хотят «обрусевать». Они взаимодопол-

няемы, поскольку не дают языку перенимать не только чужую лексику, но и грамматику. А вот когда носители языка в науке, экономике или финансах частично или полностью переходят сначала на иностранную терминологию, а потом на иностранный язык как способ документации, то может возникнуть языковой дисбаланс. Например, если ученые перестают писать статьи на родном языке и пользуются английским, то научная терминология в родном языке через поколение-другое умирает. Именно этим в первую очередь вызван китайский и французский опыт законодательного языкового регулирования в этих странах.

В России, как считают эксперты Института русского языка РАН и Института лингвистики РГТУ, есть своя «подушка безопасности»: русский язык – язык грамматической формы. В нем слова приспосабливаются друг к другу в высказывании. Если заимствованное слово вообще не может изменяться, то оно со временем уходит. Как, например, та же ЕБИТДА. Ему приделывают и окончания, и предлоги, а оно не звучит, а если звучит, то неприемлемо. Но аббревиатура остается в экономическом словаре. И вот тут, как полагают ученые, есть два механизма противостояния иностранным заимствованиям. Первый – их естественная смерть. Что с точки зрения науки идеальный способ развития русского языка. Второй механизм – совершенствование закона «О государственном языке». Точнее, его более активное применение, вплоть до введения санкций и солидных штрафов за использование непонятных обывателю иностранных терминов в экономике и финансах с целью запутать или навязать свои условия потребителю. Так, может, во втором случае имеет смысл иностранные слова законодательно выводить из использования и находить им русские аналоги? Как мечтали об этом Петр I, Пушкин и Солженицын. ■

Британский
почтовый
голубь

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЗЕМЛЯК, КОРОТЫШКА И ДРУГИЕ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

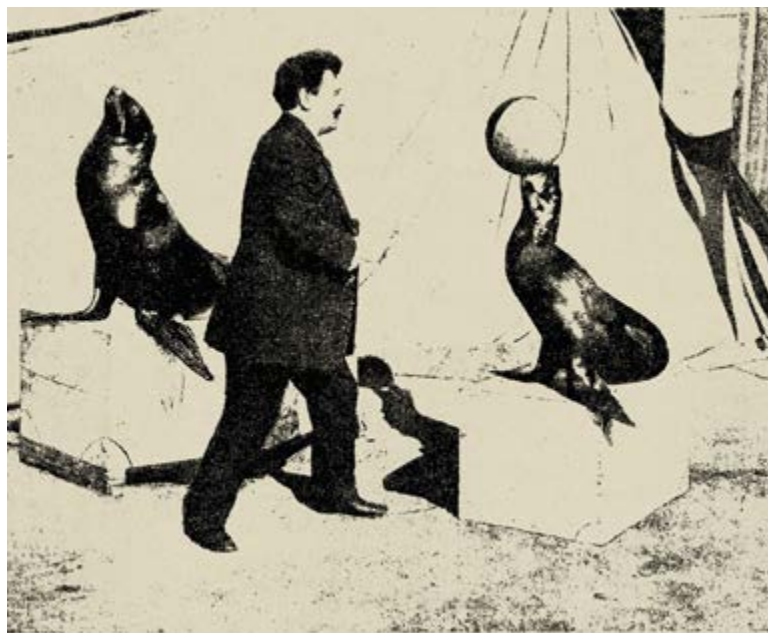
ОНИ УХОДИЛИ ИЗ ЖИЗНИ ПО-РАЗНОМУ. КТО-ТО ПОГИБ В БОЮ, КТО-ТО СКОНЧАЛСЯ ОТ ТЯЖЕЛЫХ РАН, КТО-ТО, БУДУЧИ ВОЕННЫМ ПЕНСИОНЕРОМ, УМЕР ОТ СТАРОСТИ. СКАЖЕМ, ЗЕМЛЯК, ДЕМОБИЛИЗОВАВШИСЬ ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕГИОНА ЧЕСТИ, ПОЛУЧИЛ ПАНСИОН В ПАРИЖСКОМ ЗООПАРКЕ, ГДЕ И ЖИЛ СЕБЕ ДО СМЕРТИ В 1933 ГОДУ.

ПРОСТЕНЬКИЕ ВОПРОСЫ предполагают очевидные ответы. Например, каких животных человек использовал на войне? Лошадей, разумеется. Мулов с ишаками. После легкого напряжения всплывут в памяти слоны карфагенского полководца Ганнибала и верблюды персидского царя Кира. И все? Как бы не так! Нет предела человеческой фантазии. Особенно когда дело касается войны. Например, такой, как Первая мировая. Да, были в строю воюющих армий лошади. Какая же без них кавалерия? Имелись верховые верблюды в рядах британской армии в Месопотамии. Таскали тяжелые грузы ослики на кавказском театре военных действий. Но среди призванных в строй оказались еще и собаки, кошки, мыши, обезьяны, слоны, голуби, ястребы, соколы, дельфины, медведи, черепахи, петухи. И даже светлячки. О последних известно мало. И кличек им, понятно, не давали. Но пользовали русские господа офицеры это чудо природы в избах и блиндажах в качестве ночного освещения. Дабы не демаскировать позиции.

Куда больше информации сохранилось о других представителях фауны, в той или иной степени сражавшихся на фронтах Первой мировой войны.

ТЮЛЕНИ ДУРОВЫХ

Великий русский дрессировщик Владимир Дуров в цирк поступил 16 лет от роду, хотя и мечтал об этом с раннего детства. А до цирка учился в военной гимназии. Кто знает, может быть, этот отроческий опыт привел его к мысли обратиться в Морское министерство империи с крайне неожиданным предложением. Случилось сие в 1915 году, когда Первая мировая уже набрала ход и останавливаться не собиралась. Казалось бы, адмиралам не до дрессировщика. Но имя Дурова гремело по всей России, и к нему прислушались.

Владимир Дуров с морскими львами во время репетиции. 1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А предложение было такое: с помощью отработанных братьями Дуровыми методик дрессировки обучить морских животных, можно сказать, саперному делу. Материалы на эту тему скупы, в одних случаях говорится о том, что Владимир Леонидович предлагал использовать дельфинов, в других – что речь шла о тюленях и морских котиках. Как бы ни было, но, судя по архивам флота, проект получил название «О тюленях». Об этом же пишет и исследователь жизни братьев Дуровых Алексей Павлов.

После одобрения проекта мужами Адмиралтейства Дуров занялся его реализацией в Балаклаве. Довольно скоро было подготовлено до 20 морских животных, способных обнаруживать мины в море, а также поднимать предметы с весьма солидных глубин – до 120 метров. На проверочных испытаниях питомцы дрессировщика показали отменные результаты. Уже появились конкретные планы использования спецотряда против германцев и турок на Черном море. Однако в результате диверсии, осуществленной германской разведкой, весь отряд был погублен. Предположительно отравлен. Как – до сих пор остается секретом.

МИЛЫЙ ДРУГ

Это сейчас многие думают, что любимое занятие голубей – гадить на памятники. Впрочем, вырождение свойственно не только людской натуре. Возможно, и с известными некогда своей полезностью птицами произошло что-то нехорошее. Перестал человек интересоваться их лучшими качествами, вот и полезли из них худшие.

А самым лучшим качеством голубей испокон веку считалась их инстинктивная привычка возвращаться на постоянное место жительства. Конечно, ордынское изобретение, названное почтой, заметно облегчило жизнь людям, но и почтой голубиной мы продолжали пользоваться до самого недавнего времени. Даже во Второй мировой войне существовали голубиные отряды почтарей, среди которых имелись истинные герои: британские Бе-

Балаклава.

1913 год.

В бухте стоит боевой корабль Черноморского флота – канонерская лодка «Кубанец»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лое Видение и Пэдди, Вильям Оранжевый, американский Солдат Джо... Что уж тогда говорить о Первой мировой!

Не только в Британии и США, но и в России существовала целая система военно-голубиных станций. Так, в начале войны станции располагались во всех русских крепостях на западных границах: Ковно, Новогеоргиевске, Осовце, Ивангороде, Усть-Двинске, Брест-Литовске. Имелись они также в Варшаве, Барановичах, порту Либавы. А на восточных рубежах – во Владивостоке. Это не являлось неким «ноу-хау». Русские войска применяли голубиную почту издревле. Известно, что она сослужила хорошую службу во время последней русско-турецкой войны, в 1877–1878 годах. В системе же превратилась в 1884-м по приказу тогдашнего военного министра, Ванновского. Одним из первых системных практиков стал поручик Туркестанского военного округа Григорий Лалекин. В стрелковой бригаде, где он служил, усилиями офицера возникло полноценное голубиное подразделение. Во время русско-японской войны голубиные части стали абсолютной нормой. Только в осажденном Порт-Артуре служило более 70 птиц.

Любопытно, что перед Первой мировой войной в Европе пытались подключить к делу чаек, а в России – соколов, но эксперименты закончились не в пользу этих пернатых. Если они в скорости и превосходили голубей, то по части надежности сильно уступали.

Германцы, в свою очередь, пытались расширить сферу применения пернатых. В 1908 году аптекар Нойброннер из Франкфурта получил патент на изобретение микрофотокамеры для аэрофотосъемки с помощью голубей. Но во время войны все закончилось на стадии экспериментов. Нашлись другие люди, додумавшиеся до воздушной разведки с использованием аэропланов.

К сожалению, история русской голубиной почты не сохранила имен птиц-героев Великой вой-

ны. Иная традиция у британцев и американцев. Самым известным голубем-воином принято считать птицу Шер Ами, почтового голубя сигнального корпуса армии США, состоявшего из 600 почтарей. Милый Друг служил долго. Во время Верденского сражения в начале 1917 года доставил 12 депеш с передовой в штабы. Был награжден за это французской медалью «Военный крест». Главный подвиг Шер Ами совершил под самый занавес войны – осенью 1918 года во время Мёз-Аргонского сражения. Батальон американцев попал в окружение. Друга успели снабдить запиской с просьбой о помощи и отправили в тыл. Над позициями голубей

попал под обстрел, потерял глаз и ногу, но капсулу с запиской, висевшую на одних связках, доставил вовремя.

77-й пехотный батальон числом в 194 человека спасли. Милый Друг умер через год после войны. А спустя двенадцать лет Американское общество почтовых голубей посмертно наградило боевую птицу золотой медалью. Другой знаменитой птицей стал британский голубь-почтарь, вместо клички носивший номер – 888. «Три восьмерки» совершил сотни боевых вылетов и погиб, выполняя очередное задание. Посмертно получил чин полковника британской армии. Похоронен был с отданием всех воинских почестей.

Барановичи. Военно-голубиная станция железно-дорожной бригады

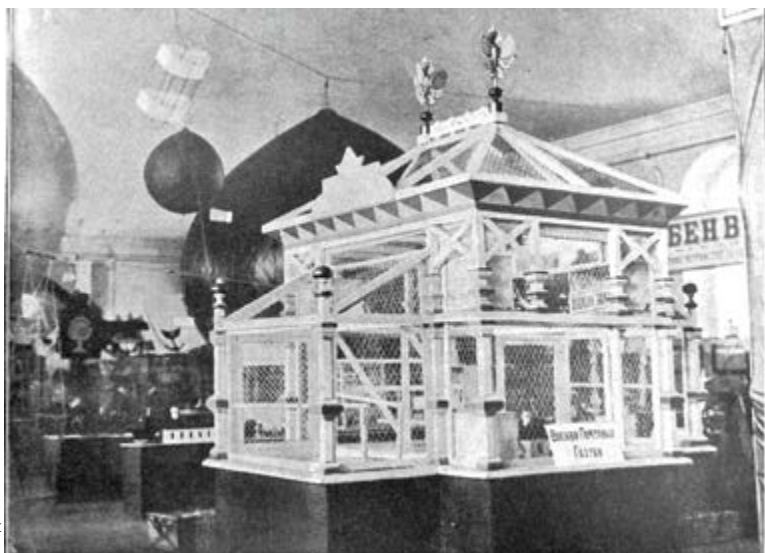
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Голубиный автомобиль французской армии в Первую мировую войну. Осень 1916 года

БОЕВОЙ МЕТИС

Предположительно родителями сержанта армии США Стабби (Коротышка) были питбультерьер и бостон-терьерша. Или – наоборот, что, в сущности, значения не имеет. Главное – была на свете такая удивительная собака, на славу повоевавшая и знакомая аж с тремя президентами Америки. Правда, «рукопожатия» с руководителями США состоялись уже после того, как Германия и ее союзники признали себя побежденными в Первой мировой войне. В конце 1918 года Стабби был представлен президенту Вудро Вильсону. Спустя три года следующий президент, Уоррен Хардинг, пригласил пса в Белый дом. Еще через несколько лет Стабби встретился с Джоном Кулиджем – тридцатым президентом США.

А вот во время войны Коротышке было не до президентов. Его история началась с банального знакомства в 1917 году со студентом Робертом Конроем на территории общаги Йельского университета в штате Коннектикут. Познакомились, подружились – и все вроде славно складывалось, но вскоре Конрой оказался в армии, в 102-м пехотном полку 26-й дивизии. В учебном лагере Стабби дурака не валял: учился строевому шагу, реагировал на команды полкового горниста, даже начал прикла-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Витрина военно-почтовых голубей на выставке предметов спорта. Санкт-Петербург. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Санитарные
собаки
38-й дивизии.
Конец мая
1915 года

дывать правую лапу к виску при встрече с офицером. Несмотря на то, что присутствие собак в армии США было запрещено, солдатам полка удалось погрузить Коротышку на корабль, отправившийся на войну в Европу. Первоначально миссия Стабби заключалась в том, чтобы оказывать моральную поддержку солдатам, одним своим присутствием напоминая о том, что жизнь – прекрасная штука и за нее стоит бороться. Постепенно задача усложнилась. Во время газовой атаки Стабби сильно пострадал, но когда пришел в себя, в полку заметили, что пес стал очень чувствительным к опасным запахам. И в случае опасности метался по окопам, предупреждая о приближении удушающих газов. Одновременно Стабби продемонстрировал способность разыскивать на поле боя раненых, которых не находил человеческий глаз. И что совсем удивительно, начал активно

Действующая армия. Русские солдаты перевязывают раненую Мушку – собачка была ранена шрапнельной пулей на батарее. 1916 год

Собака-санитар находит раненого. 1915 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

реагировать на языки, отличающиеся от английского. Именно это собачье свойство помогло Коротышке взять в плен германца-разведчика. За этот подвиг пес получил вполне человеческую награду – звание сержанта армии США. Любопытно, что по части званий и боевых наград Стабби значительно опередил своего хозяина – рядового Конроя. Одну из медалей к специально сшитой для пса собачьей попоне военного образца прикрепил лично командующий американскими силами на европейском театре военных действий генерал Джон Першинг.

В общей сложности Стабби участвовал в 17 боях, но в апреле 1918-го был тяжело ранен и попал в госпиталь. Вылечившись, пес на передовую не вернулся, но оставался в тыловых частях до самого конца войны. В мирной жизни, перестав быть живым талисманом 102-го пехотного полка, в той же ипостаси продолжил служить студенческому спортивному клубу университета, где продолжил учебу Конрой.

Интенсивное использование собак на войне в Русской армии началось раньше, чем в Штатах призвался Стабби. В начале 1915 года во Львове статский советник Лебедев открыл «Школу военных сторожевых и санитарных собак». После сдачи города австрийцам школа переехала в Киев и сменила руководителя. Теперь процессом стал заправлять кадровый военный – гвардии штабс-ротмистр князь Щербатов. Человеческий штат школы в 1916 году состоял из

115 офицеров и нижних чинов, собак – из 97 овчарок, доберманов, эрдельтерьеров, гончих и дворняг. Первый выпуск состоялся осенью 1915 года. Боевые собаки отправились служить не только в пехотные полки, но даже в знаменитый Ахтырский гусарский. И даже – в гвардию. Так, в начале 1916 года командир лейб-гвардии 3-го стрелкового Его Величества полка испрашивал о пополнении собачьего состава части в количестве шести голов. Поясняя, что необходимость вызвана как большой пользой, так и потерями в личном собачьем составе. Позже, когда эффективность четвероногих солдат была подтверждена во многих частях, Ставка Главковерха приняла решение о создании целой собачьей армии в количестве 2 тысяч голов из расчета: шесть собак на каждый пехотный полк, восемь – на кавалерийский. За дрессированных и подготовленных псов платили очень серьезные деньги, сопоставимые с ценой за добрую кавалерийскую лошадь.

Сохранилась кличка одного пса, служившего в 71-м пехотном Бельском полку, – Вольф. Видать, отменно себя зарекомендовал. А чем, собственно, занимались? Служили собаками связи, вытаскивали раненых с поля боя, охраняли военные объекты – много было всякой работы.

КАПРАЛ ДЖЕКИ

О большом поголовье обезьян на фронтах Первой мировой рассуждать было бы опрометчиво. Не было никакого поголовья. Но одна голова – павиана Джеки – заслуживает того, чтобы о ней рассказать.

В 1915 году в Южной Африке призвался в ряды британской армии местный уроженец Альберт Марр. Довольно быстро Берти оказался в действующей армии в Европе. Вместе с ним угодил в пекло и Джеки. Хотя, узнав про эту историю, один, видимо, компетентный в зоологии специалист уверен, что Джеки, скорее, представительница вида. Аргументация проста: павианы-самцы крайне агрессивны и мало способны к контактам с человеком. У самок характер совершенно иной. Кроме того, английское написание Джеки – от полного имени Жаклин, а не от мужского Джек. Так что выберем нейтральное: угодила в пекло обезьяна по кличке Джеки, в течение трех лет превратившись в ветерана боевых действий. Позади остались бои в Египте, на германском фронте, десант на турецкий полуостров Галлиполи.

Первоначально присутствие Джеки на фронте воспринимали, скорее, как развлечение. Обезьяна умело отдавала честь, при приеме пищи использовала нож и вилку, могла прикурить сигарету соседу по окопу. Но со временем солдаты заметили, что Джеки незаменим(а) в наблюдении за противником, так как зрение обезьяны заметно превосходит человеческое. В 1916 году, когда Берти был ранен, Джеки проявил(а) санитарные навыки, зализывая рану хозяину до тех пор, пока не прибыла медицинская помощь. В 1918-м Марр и Джеки были ранены почти одновременно. Обезьяну осколки поразили в тот момент, когда она, спасаясь от обстрела, строила себе укрытие из попавшихся под руку камней. Не успела. Поражение шрапнелью в правую ногу оказалось столь серьезным, что привело к ампутации.

Перевозка грузов на волах через реку. Кавказский фронт. 1915 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Западная пресса времен Первой мировой и позже писала о Джеки довольно часто. Подробно рассказывалась история про то, как прошла эта операция. Хирург ломал голову, как заставить обезьяну принять анестезирующий препарат. Джеки удалось справиться с проблемой самостоятельно. Пузырек, что был в руках у доктора Вудсенда, был ловко выхвачен и мгновенно выпит до дна. А был в нем не апельсиновый сок – жидкий хлороформ!

26 апреля 1918 года павиана официально уволили из состава вооруженных сил. Помимо медали на мундире красовались четыре нашивки: золотая – за ранение, три синих – за каждый год службы. Полагалась, само собой, и военная пенсия. Капрал Джеки – единственное существо на свете нечеловеческого происхождения, участвовавшее в двух военных парадах в качестве почетного гостя. Сначала – в Лондоне, затем – в Претории. Смерть настигла героическую обезьяну почти в бою – Джеки не стало на пожаре в доме ее бессменного хозяина Альберта Марра в 1921 году.

Использование верблюдов в качестве военного транспорта на Кавказском фронте. 1915 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БОЛЬШАЯ ЛИЗЗИ И РЕБЯТА ПОМЕНЬШЕ

Об остальных представителях воинственной фауны – пунктиром. В городе Шеффилде на тыловых работах сражалась слониха местного зоопарка Лиззи. Ее привлекали к тяжелым погрузочно-разгрузочным работам на предприятии военного назначения.

В британских колониальных войсках в Египте проходил службу петух Джек. В его обязанности входила охрана территории части и боевое кукареканье при приближении противника. Не зная, как бороться с голубиной почтой британцев и американцев во Франции, германцы попробовали выпускать в небо ястребов, натасканных на пернатых почтальонов. Тут же было найдено противоядие: к голубиным хвостам привязывали специальные трубки-свистки, которые в полете издавали крайне беспокоящий небесных хищников звук.

Ослиное племя оставило двух героев столетней давности: Джимми Сержанта и Данкли Симпсона. Первый из войны выкарабкался и потом служил в армии США. А второй погиб вместе с хозяином – санитаром Симпсом – во время печально знаменитого для британцев десанта на турецком полуострове Галлиполи. Но прежде успел вытащить с поля боя множество раненых. Мыши, понятное дело, остались безмянными. Но и они свое дело знали. Их охотно использовали моряки-подводники, так как грызуны чутко реагировали на изменение атмосферы на

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

субмаринах. А кошек держали в окопах пехотинцы. Они были главными защитниками от нападения тех самых мышей, рвущихся по ночам к мешкам с продовольствием.

На уже упомянутом Галлипольском полуострове отметились на передовой даже две черепахи: Блейк и Али-Паша. Непосредственного участия в боевых действиях они, правда, не принимали. Уж больно медленные. Зато служили талисманами для британских солдат. Обе благополучно вернулись с фронта домой.

Лошади? А что тут нового скажешь. Кто-кто, а лошади сражались всюду. По различным оценкам, в ходе Первой мировой войны их погибло не менее 8 миллионов. И тех, что служили под кавалерийским седлом, и тех, что таскали на себе пушки, пулеметы, провиант, раненых и убитых.

ЗЕМЛЯК, ОН ЖЕ МИШКА

Служба бурого медвежонка началась в Екатеринбурге, где в 1916 году из запасных батальонов формировался 5-й Особый пехотный полк. Этот полк наряду с другими частями составил 1-ю Русскую бригаду Экспедиционного корпуса, предназначенную для отправки во Францию на помощь союзникам. Само собой, предстояло сражаться. Но на солдат отборных частей возлагалась и другая миссия: продемонстри-

ровать Европе, что есть русский солдат. Потому и людей в полку подбирали рослых и красивых, и форму выдали с иголочки. Задумались офицеры и о дополнительных – особых – символах. Долго голову не ломали, решили купить на базаре медвежонка. Что и исполнили. Кличку дали – Земляк. Солдаты прозвали его на свой лад – Мишкой.

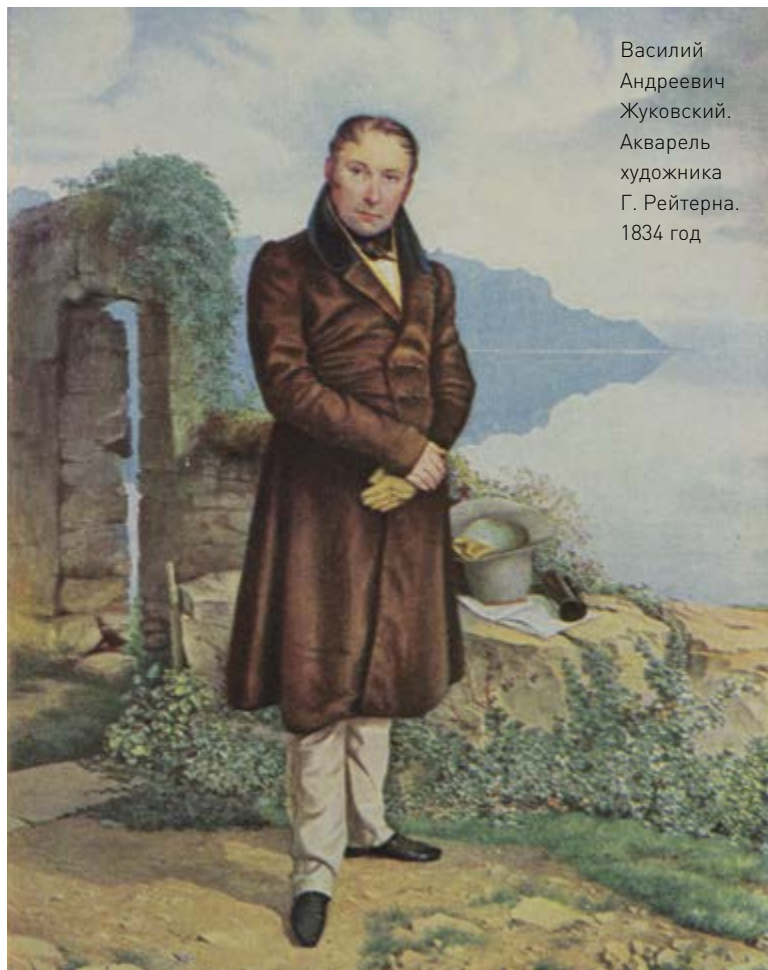
Вместе с полком медвежонок железной дорогой добрался до Архангельска, оттуда морем до южного берега Франции. А далее – на фронт, в провинцию Шампань, где всюду крутилась верденская мясорубка. Пока добирались с Урала в центр Европы, Земляк изрядно подрос на солдатском пайке, что лишний раз подтверждает: русский солдат питался достойно. К тому же доставалось Мишке и с офицерского стола. Особенно юный топтыгин жаловал почему-то мандарины. А уж в Шампани лакомился еще и тем, что передавали из французских окопов. Довольно быстро в полку подметили одну особенность лохматого новобранца: он был добродушен только к людям в форме цвета хаки, то есть к русским солдатам. На синий цвет французских гимнастеров реагировал нервно. Решили использовать это качество в караульной службе. Земляка ставили в паре с солдатом в охранение на задней линии обороны, и он, хоть и на цепи, но вполне успешно справлялся с делом.

Перевозка
продуктов
на осле
к передовым
позициям.
Кавказский
фронт. 1915 год

В начале 1917 года Земляк чуть не погиб. Во время германской газовой атаки ветер отнес отравленное облако за передовую, и оно накрыло дальнюю линию обороны, где с солдатами находился и Мишка. Спасли зверя чудом.

Второй раз Земляк пострадал от рук своих же солдат. После Октябрьского переворота в Петрограде волнения начались и в Особых бригадах. Офицеры и часть солдат сохранили готовность выполнять воинский долг, а вот другая солдатская половина сражаться отказывалась, требуя немедленной отправки в Россию. Оно и понятно, дома – новая власть, новые порядки, а служивые в стороне... Во время солдатского восстания в сентябре 1917 года в лагере Ла-Куртин под Лиможем, куда остатки двух бригад отвели на отдых, революционные солдаты в пику офицерам облили медведя ведром кипятка. Революционность – она всегда звериную сущность имеет. Земляк справился и с этой напастью, хотя долго мучился.

После всяческих перипетий несколько сотен солдат бывшего Экспедиционного корпуса вступили в Русский легион чести, сформированный в составе Марокканской пехотной дивизии, и продолжили воевать за Антанту. Бились под Парижем, в провинциях Эльзас и Лотарингия, брали Реймс. И Земляк – тоже. При зачислении в Легион чести, правда, возникла заминка. Французский генерал на смотре новоприбывших русских солдат несколько напрягся при виде медведя, стоящего в строю наравне с людьми. Земляк с проблемой справился самостоятельно – встал по стойке смирно и замер, как положено солдату перед генералом. Мишку зачислили в штат части и определили паек. Точно такой, какой был в 1918 году у всякого рядового французской армии. Мяса, конечно, маловато. Всего 300 граммов в день. Зато кофе и сахар. Только вот про положенную по уставу бутылку красного сухого вина ничего не известно. ❧

Василий
Андреевич
Жуковский.
Акварель
художника
Г. Рейтерна.
1834 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КТО ИСТИННО ДОБРЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК?

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

В 1808 ГОДУ ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ НАПЕЧАТАЛ В «ВЕСТНИКЕ ЕВРОПЫ» РАССУЖДЕНИЕ, В КОТОРОМ ЗАДАВАЛСЯ ВОПРОСОМ «КТО ИСТИННО ДОБРЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК?». ОТВЕЧАЛ ОН НА ЭТО ПРОСТО: СЕМЬЯНИН. «ГДЕ ЖЕ С ИЕЩАСТИЕ, КАК НЕ В СЕМЕЙСТВЕ? И ЧТО ЕГО ИСТОЧНИК, КАК НЕ СПОКОЙНОЕ, НЕВИННОЕ, ДОБРОЕ СЕРДЦЕ?» – ПИСАЛ ЖУКОВСКИЙ.

С АМОМУ ЕМУ СЕМЕЙ-ное «счастье» досталось только на склоне лет, и то было отравлено болезнью жены. Но вся жизнь Жуковского – и есть жизнь истинно доброго и, может быть, счастливого человека, хотя счастье это горькое, терпеливое, мудрое, самоотверженное...

БАРИН И ТУРЧАНКА

Афанасий Бунин, многодетный отец и настоящий екатерининский вельможа, был уже немолод, когда в 1770 году по его просьбе ему привезли с русско-турецкой войны 16-летнюю пленную турчанку Сальху. Она горько тосковала по родине, но потом выучилась говорить по-русски, стала носить русское платье, получила официальные документы «к свободному в России жительству» и крестилась с именем Елизавета. Отчество «Дементьевна» досталось ей по имени крестного, а фамилия «Турчанинова» говорит сама за себя. Крестной матерью Сальхи стала жена Афанасия Бунина Марья Григорьевна.

Елизавета Дементьевна с почтением относилась к хозяевам усадьбы, нянчила их младших детей, потом стала домоправительницей. Ей отвели отдельный домик в поместье – туда-то, в этот домик, скоро перебрался от живой жены Афанасий Иванович. Сальха-Елизавета была уверена, что обычай позволяет ее барину взять вторую жену. Одна за другой у нее родились и умерли во младенчестве три дочери, а потом, в январе 1783 года, родился мальчик. Марья Григорьевна велела Елизавету Дементьевну в дом не пускать, дочерям запретила с ней общаться. Бунин попросил жившего в доме бедного беспоместного дворянина Андрея Григорьевича Жуковского стать мальчику крестным отцом и усыновить его – так мальчик получил отчество и фамилию, которую впоследствии прославил.

Елизавета Дементьевна однажды вошла в дом, куда ей было

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Афанасий
Иванович
Бунин,
отец писателя

Марья
Григорьевна
Булнина, жена Афанасия
Ивановича

запрещено входить, и молча положила мальчика к ногам Марьи Григорьевны. Та двумя годами ранее потеряла единственного сына, Ивана, – и малыш Васенька стал ей утешением и примирил ее с крестницей. Марья Григорьевна обещала воспитать мальчика как родного. Афанасий Иванович записал его в полк, как полагалось: к 6 годам Вася Жуковский дослужился до прапорщика, получил вместе с офицерством дворянство и был записан в родословную книгу тульских дворян. Приемный отец Андрей Жуковский любил крестника и сам учил его. Мальчик был окружен любящими и заботливыми людьми – но писал потом о детстве, что настоящей любви не знал.

Васе наняли учителя-немца, который оказался шарлатаном, настоящим «Вральманом», – портным-подмастерьем. Андрей Григорьевич, услышав однажды, как немец строго наказывает плачущего мальчика, вмешался; немца прогнали, а Васю стал учить он сам.

Детство Жуковского прошло в старой богатой усадьбе Мишенское – с прудами, цветника-

В.А. Жуковский.
Портрет матери

Сельцо
Мишенское
Белёвского
уезда Тульской
области. Родина
писателя

ми, оранжереей, библиотекой; были и речка, и лес, и церковь вдали на горке. Когда Бунина по службе перевели в Тулу, вся семья переехала туда. В Туле мальчика отдали в пансион Христофора Роде. Афанасий Бунин умер, когда сыну его было 8 лет. Ни Василию, ни Елизавете Дементьевне он ничего не оставил – только попросил жену позаботиться о них. Жена обещала, и обещание сдержала: взяла из денег, выделенных каждой из четырех дочерей, по равной доле, всего 10 тысяч, и отдала Елизавете Дементьевне для Васи.

ПАНСИОНЕР

После смерти Афанасия Ивановича Марья Григорьевна вернулась в Мишенское, а Вася Жуковский остался жить и учиться в пансионе; присматривали за ним в Туле Юшковы – семья его сестры по отцу и крестной, Варвары Афанасьевны. Семья была шумная, веселая, дружелюбная; в доме был театр, для которого мальчик написал две трагедии. Пансион через год закрылся, Вася поступил в Главное народное училище, но оттуда его скоро исключили «за неспособность». Встал вопрос о том, где ему дальше учиться; он пытался

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

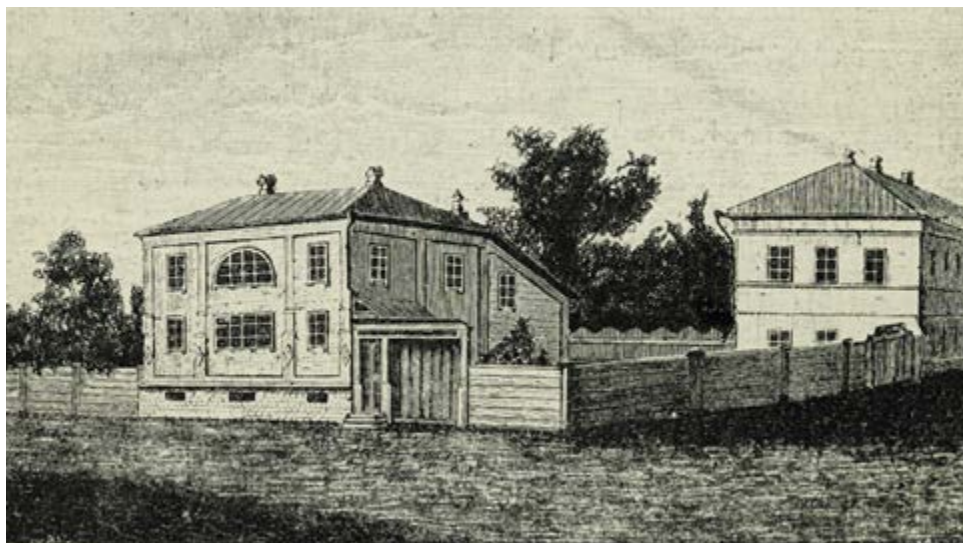
поступить в полк прапорщиком, но ничего не вышло. Он еще год прожил у Юшковых, а затем его, уже 14-летнего, отвезли в Москву и отдали в Университетский Благородный пансион.

В пансионе можно было выбирать дисциплины для изучения; юноша Жуковский избрал русскую словесность, два иностранных языка – французский и немецкий, историю и рисование. Именно в пансионе сложился его круг чтения и определились литературные пристрастия; в пансионе появились первые друзья – Александр Тургенев, будущий историк и государственный деятель, и брат его Андрей.

В эти же годы Василий испытал первую тяжелую утрату: умерла его крестная Варвара Афанасьевна. Любимое Мишенское, ее доля наследства, теперь стало принадлежать ее мужу Петру Юшкову. Он не стал ничего менять: в имении все так же жили Марья Григорьевна с Елизаветой Деметьевной, здесь все так же были рады Василию.

На каникулах в Мишенском он написал свое первое стихотворение, «Майское утро», и прозаический отрывок «Мысли при гробнице»; оба этих опыта он показал своему учителю-словеснику Баккаревичу, тот одобрил – и отдал редактору «Приятного и полезного препровождения времени» – литературного издания при «Московских ведомостях». Так состоялся дебют Жуковского-стихотворца. Василий стал много писать и много переводить; к серьезной переводческой работе привлек его Андрей Тургенев: он с кружком друзей переводил современных европейских поэтов. В этот кружок входили среди прочих поэты Алексей Мерзляков и Александр Воейков, будущий член общества «Арзамас». Потом из этой компании выросло целое литературное общество, где читали новинки иностранной литературы, делали доклады на волнующие темы и обсуждали будущее русской словесности.

Жуковский выпустился из пансиона летом 1800 года, получил серебряную медаль. Никаких ши-

Дом
В.А. Жуковского
в Белёве

роких дорог перед ним не открывалось: еще до выпуска его распределили в Главную соляную контору приказным. Служба в этой конторе его мучила и выводила из себя; коллег своих он однажды в сердцах обозвал в письме «соляными анчоусами» и «мундирной сволочью». Кончилась эта служба скоро и бесславно: начальник конторы Мясоедов сделал Жуковскому грубый выговор, тот ответил какой-то резкостью и отказался извиняться. Его поместили под домашний арест, ему грозил суд.

Жуковский отказался возвращаться на службу и подал в отставку. Чем зарабатывать на жизнь? Переводами. Он попросил родных разрешить ему жить в Мишенском и взялся за работу. За его плечами уже были переводы Коцебу и Флориана; те-

перь он приступил к Сервантесу в переводе все того же Флориана. Работа над «Дон Кишотом» заняла несколько лет, последний том книги в переводе Жуковского вышел в 1807 году.

И МЕЛАНХОЛИЯ ЗНАКИ СВОИ НА НЕГО ПОЛОЖИЛА

Здесь же, в Мишенском, он перевел элегию Грея «Сельское кладбище» – стихотворение, которое, собственно, и сделало его знаменитым. Может быть, с него и начался русский сентиментализм. Элегия была необыкновенно созвучна всему душевному строю Жуковского, который так ценил сельское уединение, так внимательно вслушивался в тихое журчание речки, голос ласточки, так много печальных мыслей передумал над могилами отца и Варвары Афанасьевны. Много лет

Училище имени
Жуковского
в Белёве

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

спустя уже постаревший Жуковский снова вернулся к «Сельскому кладбищу» и заново его перевел – уже не александрийским стихом, а гекзаметром, в котором находил необыкновенную пластичность и выразительность – будто снова вернулся к себе молодому, к дорогим могилам, которых за прошедшие годы стало больше, и подвел итог уходящей жизни, словно себе самому слабая эпитафию:

*Но при рожденье он был небесною
музой присвоен,*

*И меланхолия знаки свои на него
положила.*

*Был он душой откровенен и добр,
и его наградило*

*Небо: несчастным давал, что имел
он, – слезу; и в награду*

*Он получил от неба самое
лучшее – друга.*

Элегию он сочинял, сидя на горе, с которой был виден Белёв; вдали сияли золотые купола монастыря над Окой. Там по его чертежу выстроили беседку, которую обитатели Мишенского скоро прозвали «Греевой элегией»; там он писал и рисовал. Рисовальщиком он был отличным, сохранилось множество его пейзажных зарисовок и портретов: твердая рука, безукоризненно прямые и четкие линии, строгая композиция.

В Мишенском он обрел и счастье свое, и горе на много лет вперед. Летом в усадьбе жили дочери его старших сводных сестер – Вельяминовы, Юшковы, Протасовы.

К Саше и Маше Протасовым Жуковский очень привязался: учил девочек разным наукам, читал им, уговорил Машу вести дневник – это занятие он считал очень важным для самоанализа и самосовершенствования. Девочки тоже привязались к Базилу, особенно Маша, для которой он был не просто наставником и дядей, но и сердечным другом. Маша подрастала – и становилась все ближе и все дороже Жуковскому, который скоро стал понимать, что любит Машу и только в союзе с ней видит свое счастье. Не заставило себя ждать и горе: лучший его друг, Андрей Тургенев, внезапно умер от простуды совсем молодым. Отсюда в лирике Жуковского – с самой молодости – вечная тема могилы, безвременно унесшей любимых людей, вечная печаль и размышления о тайне смерти. Элегия идеально соответствует его душевному строю – и Жуковский становится мастером русской элегии. Его влечет и немецкая баллада – своим таинственным мрачным сиянием, потусторонним ужасом, от которого перехватывает дыхание. Жуковский сказал однажды о своем таланте, что он всегда зажигается от чужого; поэзия Жуковского – это дивная прививка европейской культуры к русскому стволу. Получилось дерево крепкое, жизнестойкое и плодоносящее. Жуковский-переводчик – это не просто переводчик, это совершенно самостоя-

Муратово,
имение
сводной сестры
В.А. Жуковского
Екатерины
Афанасьевны
Протасовой.
Рисунок
В.А. Жуковского.
1810-е годы

тельный поэт, воссоздающий на русском заново – другую Ленору, другого Лесного царя, о чем так точно сказала Цветаева: страшного Лесного царя Жуковский увидел «из глади своих карих, добрых, разумных глаз» – и оказался милосерднее Гёте: нет никакого царя, есть морок, сон, страх, и страх убийственный, – но ребенок умирает от собственного страха, а не от реально существующего зла. Жуковского и Бюргерова «Ленора» заставила искать выхода из безысходности: пусть все ужасы окажутся сном, а мир, если проснуться, будет хорош и дружелюбен, пусть в стихах существует и такая реальность – и вот появилась «Светлана».

Он наезжал в Москву по издательским делам; свел здесь знакомство с Карамзиным, подружился с Василием Львовичем Пушкиным. Много думал о работе, о призвании своем – и со временем сформулировал для себя, что дело его – служить обществу словом. В 1808 году он стал редактировать «Вестник Европы», сменив на этом посту Карамзина. И как редактор задумался прежде всего о том, чтобы воспитывать и просвещать общество. Журнал читателям понравился, но Жуковского из редакции вскоре вытеснил второй редактор, Каченовский.

Кажется, его преследуют неудачи. Он мечтает о собственном доме, где будет жить своей семьей с матерью, а потом, может быть, с женой. Дом построили в Белёве, но мать все время возвращалась в Мишенское к Марье Григорьевне, и никакого смысла в этом доме не было, со временем его продали. В 1810 году он купил деревню Холх – через пруд от Муратова, где жили Саша и Маша Протасовы с матерью, – и можно было часто с ними видеться.

В холховском доме семейного счастья тоже не получилось. В 1811 году умерли и Марья Григорьевна, и Елизавета Дементьевна; Жуковский осиротел. Потом началась война. А потом и мечта о женитьбе была разрушена самым жестоким образом.

ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ

Во время войны 1812 года Жуковский, имеющий чин поручика, отправился в ополчение. 1-й пехотный полк Московского ополчения, в который он вступил, должен был принять участие в Бородинском сражении, но простоял все время битвы в резерве, теряя людей под пушечным обстрелом.

Потом он получил назначение в штаб – и вот в штабе-то Жуковский, воевать толком не умеющий, обрел свое место. Гибель людей, отступление, сожженная Москва, раненые (он занимался устройством госпиталей)... наконец, бегство французов... Военный опыт, пропущенный через чистое и доброе сердце Жуковского, через страстное его желание служить Родине словом, подсказал ему «Певца во стане русских воинов». Стихи стремительно разбежались в списках. Их читали вслух и учили наизусть. Жуковского теперь знали все и везде – слава догнала его. Война для него окончилась в Вильне, где он слег в горячке. А когда встал на ноги – получил чин штабс-капитана, орден Святой Анны и отпуск для выздоровления. После отпуска он в армию не вернулся: врага гнали уже за границами России, и Жуковский счел, что может сойти с дороги, которая ему противна и которую он избрал по необходимости.

МАША

Послевоенное, победное время, полное надежд, стало для него временем творческого расцвета: молодой, влюбленный, овеянный славой Жуковский писал много и удачно. Его позвала в гости в село Долбино недавно овдовевшая племянница Авдотья Киреевская – и в «Долбинскую осень» он написал около 60 стихотворений. Толчком для творческого взлета стало, конечно, полученное от Екатерины Афанасьевны разрешение поселиться вместе с ней и дочками в Дерпте. Почему в Дерпте? Потому что Саша Протасова собралась замуж за Воейкова, а он получил

Маша Протасова.
Гравюра
с рисунка
В.А. Жуковского.
1811 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

кафедру в Дерптском университете. Протасовы уезжали в Дерпт. Свое имение Холх Жуковский продал, чтобы дать Саше недостающее приданое, – и добавил еще чудесную балладу «Светлана»; Саша Протасова-Воейкова так и осталась в истории русской литературы Светланой. О своей любви к Маше Жуковский давно уже сказал Екатерине Афанасьевне. Та возмутилась, объявила эту любовь противной всем законам божеским и человеческим – и отказала. По документам, правда, Жуковский вообще не считался родственником Протасовым, браки между дядями и племянницами вообще были обычным делом; что касается законов божеских – то церковное право запрещает браки до четвертой степени родства включительно. Что за степень родства у дяди и сводной племянницы – поди сосчитай. Екатерина Афанасьевна считала родство непреодолимой пре-

градой, как ни убеждал ее Василий Андреевич. После одного жесткого объяснения он сказал ей: ваше сердце для меня ужасная загадка. Другой бы, может быть, на его месте украл невесту, женился увозом – но не таковы были Базиль и Маша, воспитанные на сентиментальной прозе, где возлюбленных разлучает злая судьба, где они страдают и утешаются благородными мыслями и прекрасной возвышенной дружбой. Когда Екатерина Афанасьевна в очередной раз отказалась даже обсуждать вопрос об этом «ужасном браке» и стало понятно, что это навсегда, что вместе им не быть, – он убеждал Машу в письмах: «Моя привязанность к тебе теперь точно без примеси собственного и от этого она живее и лучше. <...> у тебя есть добрый товарищ: твоя смиренная покорность Провидению». Екатерину Афанасьевну не удовлетворило обещание Жуковского отказаться от Маши – она требовала, чтобы он уехал, не общался с нею, чтобы не компрометировать. К Маше посватался дерптский доктор Мойер, человек добрый и порядочный, замечательный хирург, бесребреник. Маша спросила согласия Жуковского на замужество, тот возмутился: «Ты бросаешься в руки Мойеру потому, что тебе другого нечего делать! Тебя тащут туда насильно, и еще ты же должна говорить, что ты счастлива!» Маша все равно вышла замуж за Мойера. Жуковский поста-

Дом, в котором
жил писатель
во время своего
пребывания
в Дерпте в 1815–
1816 годах

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вил крест на самой возможности того самого семейного «счастья», которое с юности казалось ему единственно настоящим. Маша стала помогать мужу, изучать акушерское дело, солила капусту и пекла пироги для больных в общественной больнице... Родила дочку Катю... И все это время была тихо, смиренно, невыразимо несчастна. Она писала Жуковскому: «Когда мне случится без ума грустно, то я заберусь в свою горницу и скажу громко: «Жуковский!» – И всегда станет легче...»

Им казалось, что они все сделали правильно: раз уж нельзя быть вместе, он будет хорошим братом Екатерине Афанасьевне, Маша будет примерной дочерью и утешит мать, выйдет замуж за прекрасного, любящего человека и сможет уехать из дома пьяницы Воейкова, который мучил жену безобразными сценами, а то и побоями... Из этой вымученной идиллии ничего не вышло. Маша в 1823 году умерла от чахотки, а Жуковский остался в горьком и беспросветном одиночестве и такой тоске, какой, кажется, и названия на человеческом языке не придумано.

ФИАЛКИН, ИЛИ СВЕТЛАНА

Вернемся назад, в 1815 год, отнявший у Жуковского всякую надежду на счастье. Он уехал из Дерпта в Петербург. Радостно встреченный друзьями, он влился в литературную жизнь – и познакомился с молоденьким Пушкиным, еще лицеистом, которого сразу назвал «молодым чудотворцем». Вместе с друзьями сходил на премьеру «Липецких вод», комедию князя Шаховского, где в образе поэта Фиалкина был ядовито изображен он сам. Фиалкин – это еще особенно гадко потому, что образ фиалки у Жуковского почти всегда связан с Машей. Но добрый Жуковский не обиделся – весело смеялся даже там, где Шаховской метил точно в него.

За Жуковского обиделись друзья. Посыпались эпиграммы на Шаховского и его литературных

Г. Чернецов.
Писатели
в Летнем саду
(И.А. Крылов,
А.С. Пушкин,
В.А. Жуковский,
Н.И. Гнедич).
1832 год

союзников – «Беседу любителей русского слова»; появился свой кружок, в пик «Беседы», – изначально пародийный, созданный для дурачества – «Арзамас», с его знаменитыми «гусями», «шубными прениями», стихотворными протоколами, которые исправно писал хорошим гексаметром Жуковский (протоколы были полны самого густого абсурда). Все члены кружка получили прозвища, взятые из стихов Жуковского, общепризнанного мэтра, а сам Жуковский стал Светланой. Разумеется, «Арзамас» не только глумился над «Беседой»: вопрос о новом литературном

русском языке, на котором образованный и культурный человек может говорить на все интересные его темы, был абсолютно насущным. Жуковский здесь отворил двери, показал, каким гибким, таинственным, точным, музыкальным может быть русский язык и русский стих, – но арзамасский Сверчок пошел дальше. Друзья все требовали от Жуковского большой русской эпической поэмы; тот готовился, собирал материалы – и не писал. А Сверчок написал, да еще и передал в «Руслане и Людмиле» поэтический привет Жуковскому, включив в поэму пародию на «Двенадцать спящих дев». Жуковский не ревновал – он был счастлив. «Победителю-ученику от побежденного учителя», все мы помним со школы.

УЧИТЕЛЬ

Не только поэты признавали Жуковского первым стихотворцем; заслуги его были признаны и императором, который назначил ему прижизненную пенсию «для доставления нужной при его занятиях независимости состояния».

А потом Жуковского пригласили ко двору учить русскому языку молодую супругу великого князя Николая – будущего Николая I.

Жуковский всегда интересовался педагогикой: внимательно и вдумчиво учил Машу и Сашу, и получалось у него замечательно. Он и для своей взрослой ученицы старательно подбирал материал, чертил грамматические таблицы, отбирал стихи – фактически создал для нее целую хрестоматию хороших русских стихотворений. Ученица его через год родила мальчика, а когда мальчику исполнилось 6 лет, в 1824 году, Жуковскому предложили стать его учителем. Прошел еще год – и бывшая ученица стала императрицей, мальчик – наследником-цесаревичем, а Жуковский – наставником цесаревича.

О педагогической деятельности Василия Андреевича народная память сохранила разве что анекдот о повелительном накло-

Цесаревич
Александр
Николаевич

нении глагола «ховать», а ведь деятельность эта была многолетней и очень серьезной: Жуковский почти забросил все свои занятия и отдался педагогике. Рисовал карты, составлял пособия, вычерчивал, иллюстрировал, объяснял... Он не был воспитателем цесаревича, он был его учителем – и печалился, что не имеет влияния на нравственное развитие ученика. Когда цесаревич вошел в подростковый возраст, учитель жаловался, что тот увлекся фрунтом и маршировкой, а к учебе относится невнимательно. Да и в наивные просветительские идеалы, в воспитание мудрого государя Жуковский все меньше верил, все меньше смысла находил в своей работе, все больше ею тяготился. Но кто знает, если бы к этому цесаревичу, будущему Александру II, взяли другого учителя – то когда Россия дожидая до отмены крепостного права и какой кровью она бы далась?

1825 год, когда ученик стал цесаревичем, для всей России был годом восстания декабристов и его поражения. Жуковский, пользуясь близостью ко двору, много лет подряд просил царя об облегчении участи декабристов. И пять лет спустя, и десять лет спустя, и двадцать лет спустя. Иногда ему удавалось чего-то добиться – так, во время поездки с наследником по стране он встречался с декабристами в Тобольской губернии; некоторым было разрешено выехать из ссылки и поступить в армию солдатами – а это давало возможность дослужиться до офицерского звания и вернуть дворянство.

Жуковский заступался за Ивана Киреевского, когда закрыли его журнал «Европеец», – и тут между ним и царем вышла настоящая ссора: Жуковский поручился за Киреевского, а царь спросил: а за тебя кто поручится? Жуковский вышел из себя и пообещал царю, что если он будет доверять одним доносчикам, то между ним и страной разверзнется бездна.

Жуковский вытащил из Вятки сосланного Герцена, заступал-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Г. Михайлов, А. Мокрицкий и другие художники школы Венецианова. Субботнее собрание у В.А. Жуковского. 1834–1836 годы. На картине изображен большой кабинет Жуковского в Шепелевском дворце

ся за Лермонтова, просил назначить пенсию вдове Рылеева, печатал стихи Кюхельбекера. Портрет Жуковского, написанный Брюлловым и разыгранный в лотерею, собрал деньги, чтобы выкупить у помещика Энгельгардта Тараса Шевченко, за которого хозяин затребовал 2 тысячи рублей. Царская семья, купив лотерейные билеты, дала всего тысячу; остальное добавили Жуковский с Брюлловым. Гоголь, уехав за границу, постоянно слал Жуковскому просьбы о материальной помощи. Жуковский помогал – и не только просил царя о помощи, но и сам, когда Гоголь попросил собрать по друзьям 4 тысячи рублей, чтобы ему еще на год остаться в Италии, занял эти деньги для себя и отослал другу. Он возил на лечение сходящего с ума Батюшкова – и единственный мог с ним справиться, никого другого Батюшков не слушал.

Жуковский по-отечески заботился о Пушкине, не раз выручал его. Часто был первым читателем или первым слушателем, к которому Пушкин неизменно прислушивался. Берег его, старался предотвратить дуэль – почему-то уверен был, что Пушкин убьет Дантеса, и уговаривал его отказаться от замысла, уберечь себя от преступления, а жену от позора. Жуковский был с Пушкиным все последние дни его жизни – не только прощаясь и плача, но и успевая обо всем позаботиться, поддерживать жену, опечатать бумаги,

побеспокоиться об их сохранении. Его письма царю и Бенкендорфу, написанные после пушкинской смерти, необычайно резкие и гневные для тихого, кроткого Жуковского: он фактически обвиняет в гибели поэта царя и Третье отделение, он с негодованием спрашивает, почему при выносе тела комнату оцепили жандармы... Жуковский взял на себя заботы о публикации наследия Пушкина и помощь Наталье Николаевне. Смерть Пушкина – самое тяжелое горе после смерти Маши.

СТАРЫЙ ЛЕБЕДЬ

А ему пришлось пережить многих – и Сашу Воейкову, и Гоголя. Он застал любимое Мишенское уничтоженным: дом снесен, «Греева элегия» разрушена... Но при всем этом – он сохранил в душе достаточно света, чтобы сказать самое мудрое, самое главное, самое целительное для обремененной безысходным горем человеческой души: «Не говори с тоской – их нет, но с благодарностью – были».

Он много путешествовал: объехал всю Европу, видел Шильонский замок и оставил свой автограф под автографом Байрона в подземелье, виделся с Гёте. Вместе с Гоголем радовался Италии. Вместе с учеником своим, наследником, объехал всю Россию. Постоянно читал все новинки европейской литературы, отбирая самое интересное, самое со звуное для перевода. Километры строчек, годы кропотливой

работы. Друзья все требовали от него русского эпоса – а он дал русского Гёте, русского Шиллера, русского Гомера, Поупа, Байрона, Вальтера Скотта... Он научил русскую литературу полутонам и оттенкам, тонкости чувств и ощущению иномирного... Гибкости научил литературу, нежности, мягкой силе, которой так не хватало ей после Ломоносова и Державина – титанов, которые умеют разговаривать с вечностью, но не найдут слов для тоскующей девушки или ребенка. Он первым задумался о точности слова, о том, что ему не поддается, – о несказанном, невыразимом: «лишь молчание понятно говорит».

Счастье, о котором он уже перестал мечтать, вдруг поманило его на склоне лет теплым предзакатным лучом. В Дюссельдорфе, в доме у друга, художника Рейтерна, он встретил его дочь, молоденькую, тихую, ангельски кроткую, – и увидел в ней доверчивую любовь, и боялся поверить тому, что может быть счастлив. Рейтерн сказал: если она согласна, я не возражаю. И 58-летний Жуковский женился на 19-летней Елизавете Рейтерн. С любовью и радостью он обставлял свой дом, но счастье в этом доме было мучительным и недолгим. Он и сам был болен, и жена стала болеть, чахнуть, тосковать, худеть; мучительная тревога о ней, ее здоровье, о сыне и до-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

чери, невозможность поехать в Россию, куда он давно рвался, груз ответственности за своих любимых, беспомощных и слабых, – вот каким оказалось его выстраданное счастье.

Отъезд его в Россию все откладывался: у него болели глаза, на один он совсем ослеп. Жуковский изобрел трафарет для письма и писал с помощью камердинера. Последние месяцы жизни он просиживал в полной темноте, чтобы не потерять остатки зрения, – какие уж тут дальние поездки. Он понимал, что скоро умрет, что оставит жену и малых детей, – и это тоже была обратная сторона его позднего счастья.

Он взялся писать «Вечного жид», страшную и недооцененную читателями историю Агасфера:

Что днем в моей душе кипело:

ярость

Баден-Баден.
Дом, в котором
жил в последние
годы и умер
В.А. Жуковский

Елизавета Алексеевна
Жуковская
(урожденная Рейтерн),
жена писателя

*На жизнь, богопроклятие, вражда
С людьми, раздор с собою, и вины –
Непризнаваемой, но беспрестанно
Грызущей сердце – боль,
то в темноте
Ночной, вокруг изголовья моего
Толпою привидений стоя, сон
От головы измученной моей
Неумолимо отгоняло...*

Но последнее его стихотворение, итог жизни, – не о страшном жребии Агасфера, а о белом лебеде.

О необычном лебеде – старом, «хилом», пережившем всех своих спутников, чужом среди резвящейся молодежи – и все равно взлетающем вверх, хоть и в последний раз.

Проследуйте за Жуковским – как писал он в «Вестнике Европы» о добром семьянине – «и в свет, где исполняет он обязанности гражданина, и в дом его, где он представляется вам супругом, отцом, хозяином, и в уединенный кабинет, где он остается один с собою, и к смертному одру, на котором он ожидает конца» – и везде он один и тот же: «спокойный, уверенный в бытии Божества, неотрицаемого для сердца, насладившегося истинным счастьем, уповающий на бессмертие, которое ощутительно для сердца, испытывавшего прямую любовь» – везде он «истинно добрый и счастливый человек». Да, и такое бывает счастье. ■

Надгробный
памятник
В.А. Жуковскому
на кладбище
Александро-
Невской лавры.
Фотография
К. Буллы

«РУИНА ЧТИ»

АВТОР

ИГОРЬ ФОМЕНКО

ЗА ТРИ ДНЯ ДО СМЕРТИ ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН НАПИСАЛ СВОЕ ПОСЛЕДНЕЕ, ОЧЕНЬ ИЗВЕСТНОЕ И ЗАГАДОЧНОЕ ВОСЬМИСТИШЕ «РЕКА ВРЕМЕН...».

* * *

Река времен в своем стремлении
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

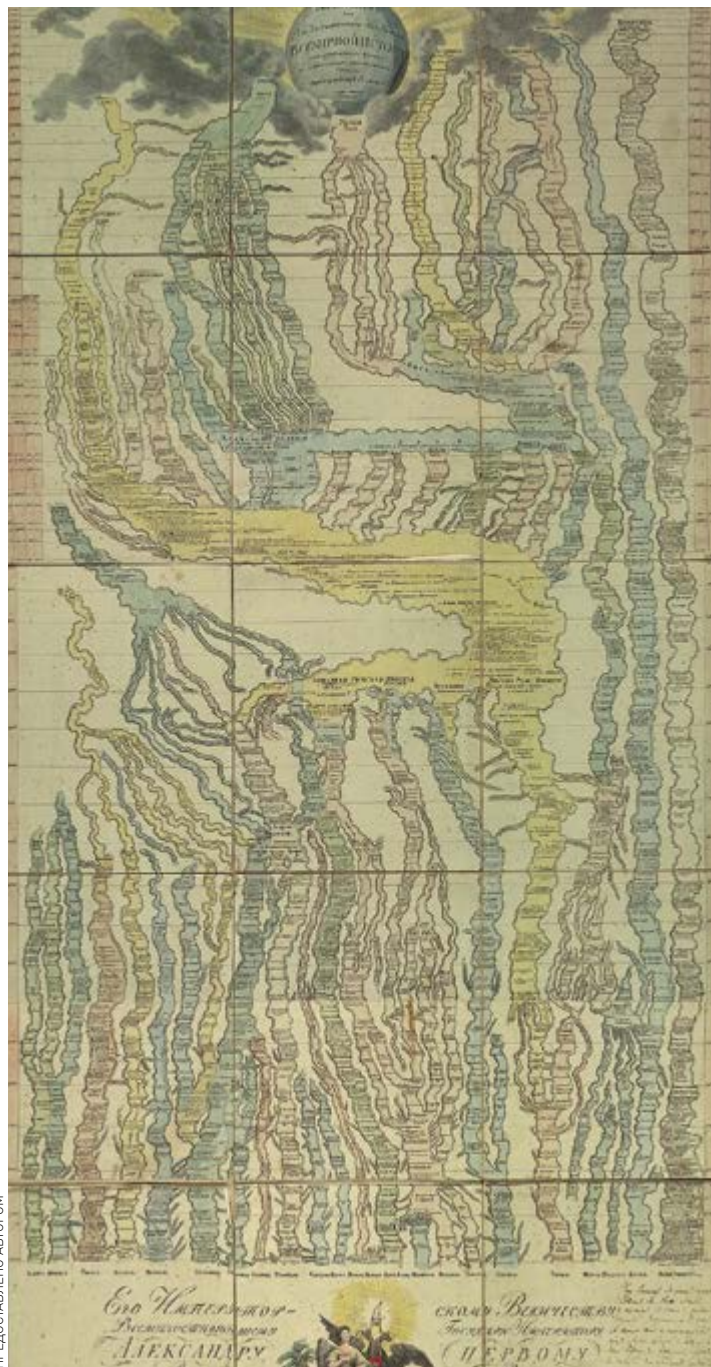
ЭТИ СТИХИ БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ в «Сыне отчества», где их сопровождали такие слова: «За три дня до кончины своей, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту «Река Времен», начал он стихотворение «На тленность» и успел написать первый куплет... Сии строки написаны были им не на бумаге, а на аспидной доске (как он всегда писал начерно)...» Еще в середине XX века американский лингвист Морис Халле обратил внимание на то, что эта последняя автоэпитафия – акrostих «Руина чти». Как предполагают многие исследователи, это начало оды, которая не была завершена Державиным из-за смерти...

Сколько времени в новгородском имении Званка на стене в кабинете Державина висела синхронистическая таблица-карта «Река Времен или Эмблематическое Изображение Всемирной Истории...», созданная Фридрихом Штрассом, переведенная Алексеем Варенцовым и изданная в Санкт-Петербурге в 1805 году, неизвестно. Но струящиеся с небес «исторические потоки», подобно водопаду «Реки

Времен», очень созвучны творчеству русского Горация, ибо на полях эмблематы есть струи и реки, моря и водопады, народы и их история, а последней пристанью в последнем потоке (крайний правый на карте) под грифом «Изобретения, Открытия, Успехи Просвещения. Славные мужи» стоит имя «Державин», венчающее собой череду русских Платонов и Ньютонов, а заодно и век XVIII.

«РЕКА ВРЕМЕН»

...На дворе стояло 8 июля 1816 года, и до уха умирающего поэта уже долетал тихий плеск весла Харона в водах Стикса, сиречь Волхова, через который его и повезут через три дня на лодке для захоронения в Варлаамовом монастыре. В роли харонов будут выступать русские мужики, ибо лодка «пойдет бечевой» к последней пристани Гаврилы Романовича. Проследуем и мы вверх по Реке времен, к XIX и XVIII столетиям и дальше, к истокам российской истории, к временам Игоря и Рюрика, и приобщимся к «изображению времен и судьбы народов человеческих». А плыть мы будем совместно с Benevolence Lectoris (благожелательный читатель. – Лат.) по многоцветным рекам, по которым уходил в «историческое плавание» двести лет тому назад сам Гаврила Романович, сиречь по карте из его кабинета, в чем мы не сомневаемся. Нас приглашает в плавание «Река Времен...» из Государственного Исторического музея... Итак, ad fonts (к истокам. – Лат.).

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Река Времен или Эмблематическое Изображение Всемирной Истории от древнейших времен по Конечному наделять столетия. Сочинено Фридрихом Штрассом. Переведено в Санкт-Петербурге. 1805». Иллюминированная гравюра

«Никакая история не может так поразить внимание человека, как сия карта. Никакая история не возродит в душе чувствительного человека того неизъяснимого чувства скорби при виде быстрого полета всеразрушающего времени, которое рождается при воззрении вдруг на все перемены мира. История народов и жребий царств поражают всякого». Так пишет о том впечатлении, которое произвело на читателя стихотворение «Река времен», первый аноним-

ный рецензент в литературном ежемесячном «Журнале российской словесности», издававшемся писателем Николаем Брусиловым.

Мы подошли к берегам русской Реки времен, которая по сравнению с протографом – «сочинением Фридерика Штрасса» – стала гораздо полноводнее, ибо переводчик Алексей Варенцов дополнил ее лицами и событиями русской истории.

Карта «Река Времен...» ныне хранится в отделе картографии Государственного Исторического музея. Она была передана в дар музею Ольгой Шереметевой в декабре 1928 года. В первой половине XX века Ольга Геннадьевна входила в круг «Общества друзей Исторического музея», а в 30-е годы работала в Отделе письменных источников ГИМ.

На титуле карты можно прочитать: «Река Времен или Эмблематическое Изображение Всемирной Истории от древнейших времен по конец осьмого надесяти столетия. Сочинено Фридериком Штрассом. Переведено в Санктпетербурге. 1805. Гравир(овал) И. Майр. Рис(овал) К.Ф. Кнаппе».

Посвящение Александру I обволакивает аллегорией Времени: «Его Императорскому Величеству Всемиловитейшему Государю Императору Александру Первому Всея России Спешествователю Просвещения и Покровителю Наук и Художеств Сие изображение времен и судьбы народов, человеческих усилий и успехов и всех драгоценных памятников прошедших веков посвящает со всеподданнейшим благоговением трудившийся в переводе Александр Варенцов».

Не обойдем вниманием и создателей «Эмблематического Изображения Всемирной Истории». Ее составитель, Фридрих Штрасс, родившийся в 1766 году, учился в школе в Кенигсберге, затем поступил в университет в Галле, где изучал теологию и филологию. В 1803 году он стал директором Педагогического училища в мона-

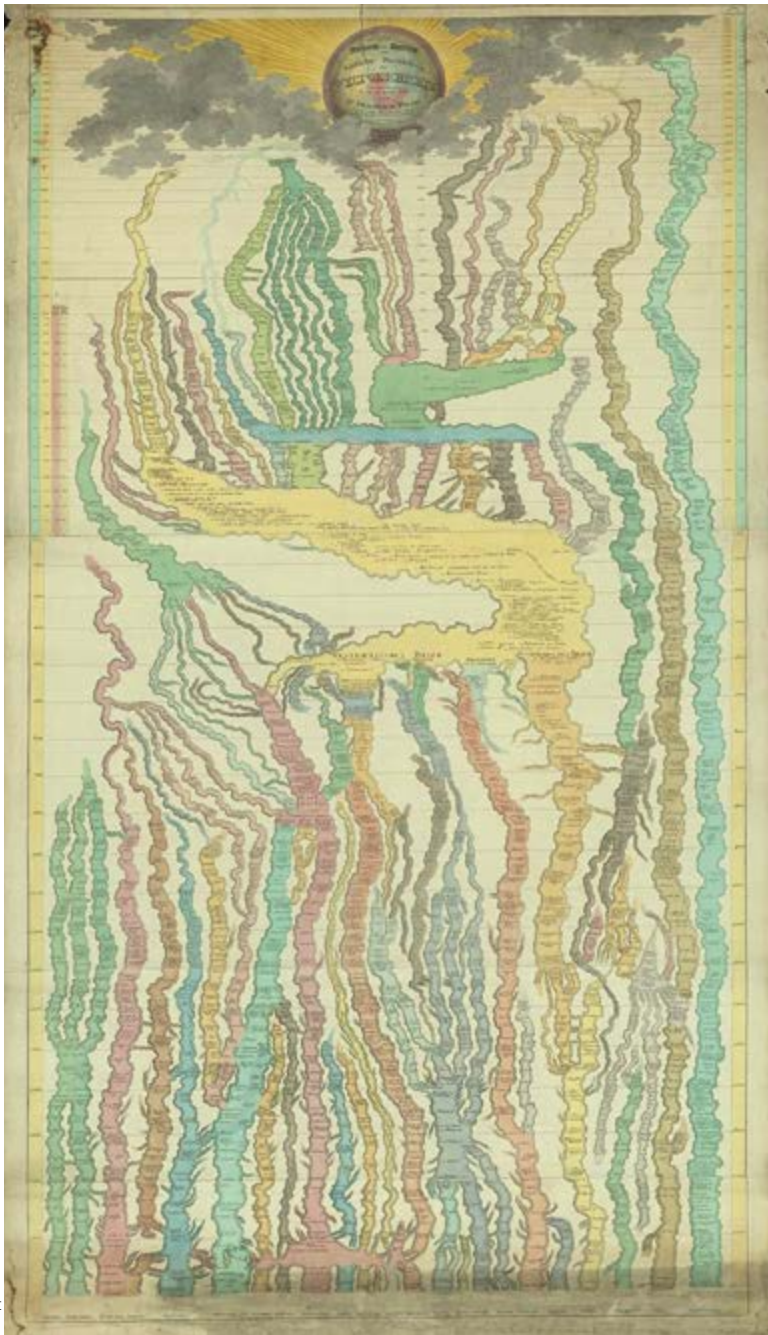
стыре близ Магдебурга. С 1812 по 1820 год Штрасс заведовал гимназией в Нордхаузе, а после отставки с дочерью и внуком переехал в Берлин, где и умер в 1845 году. Протограф Штрасса Der Strom der Zeiten oder bildliche Darstellung der Weltgeschichte von den ältesten bis auf die neuesten Zeiten («Река Времен...») датируется 1803 годом. Впервые он появился в Берлине и имел большой успех, о чем свиде-

тельствует множество переводов карты на различные европейские языки, в том числе и на русский в 1805 году.

Рисовал «Реку Времен...» гравер и картограф Иоганн Кристоф де Майр. Он родился в Нюрнберге в 1764 году. В 1785-м приехал в Петербург по приглашению Академии наук. После 1794 года он изготовил портрет Екатерины Яковлевны – «Плениры», первой жены Державина, скопировав его с картины Вла-

Титул карты
«Река Времен...».
Санкт-Петербург.
1805 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

димира Боровиковского. Умер Майр в 1812 году. Еще один художник, работавший над картой, – Карл Фридрих Кнаппе, работавший в Петербурге живописец, ученик Ивана Гроta. В 1774 году Императорская Академия художеств присвоила Кнаппе звание академика. Переводчик «Реки Времен...» Алексей (на карте стоит имя «Александр», что не точно) Варенцов – обер-провиантмейстер, журналист и переводчик начала XIX века. Он также перевел с немецкого языка «Обозре-

ние всемирной истории», вышедшее в свет в 1805 году. В верхнем поле карты из огромного голубого, сияющего золотыми лучами шара, маркированного титулом «Река Времен...» и парящего в небесах среди голубых облаков, низвергаются подобно водопаду красочные потоки «историй» народов и государств (см. таблицу «От истоков до эстуария»). Фланкируют «народные потоки» четыре хронологические шкалы – две справа и две слева: «Летоисчисление от Сотвор(ения)

Оригинальная карта Фридриха Штрасса. Иллюминированная гравюра. 1828 год

Мира 1 г.» и «от Рождества Христова 3984 г.» до 1800 года. Для античного Рима и Греции даты приводятся от основания Рима и по годам Олимпиад. Картуш карты насыщен символикой, и его сюжет, несомненно, очень близок Державину. Вспомним строки из стихотворения поэта «Ключ», написанного в 1779 году: «Седящ, увенчан осокою, // В тени развесистых деревьев, // На урну облегшись рукою, // Являющий лице небес // Прекрасный вижу я источник». В тени двуглавого российского орла, увенчанного императорскими коронами, в лавровом венке – символе доблести и бла-

От истоков до эстуария

ИСТОКИ	ЭСТУАРИЙ
«Норвегцы», «Датчане»	«Дания»
«Шведы»	«Швеция»
«Сарматы»	«Россия»
	«Польша»
«Галлы»	«Франция»
«Италианцы»	«Сардин(ия)»
«Сицилия»	«Гертру(рия)» (Этрурия. – Прим. авт.)
«Карфагенцы»	«Венец(ия)»
«Македоняне»	«Цизалп(ийская Галлия)»
«Фракия»	«Церк(овные) владения»
«Греки»	«Неапол(итанское королевство)»
	«Испания»
	«Португ(алия)»
	«Англия»
«Малая Азия»	«Турция»
«Трояне»	«Персия»
«Лидяне»	
«Фригияне»	
«Персы»	
«Ассирияне»	«Турция»
«Сирияне»	«Персия»
«Финикияне»	
«Иудеи»	
«Египтяне»	
«Турки»	
«Аравитяне»	
«Монголы»	«Индост(ан)»
«Китайцы»	«Китай»
«Изобретения, Открытия, Успехи Просвещения. Славные мужи»	«Изобр(етения). Ученость и пр.»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

городства – восседает на высоком берегу Реки времен богиня истории Клио. Занимается она своим прямым делом: пишет гусиным пером в книге всемирную историю. Кстати, лавровому венку и тому «Всемирной энциклопедии» на миниатюре богиня обязана «Иконологии» 1593 года итальянского писателя и прославленного повара Чезаре Рипа. До этого Клио изображалась без венка, а «исторические записки» заносились в папирусный свиток, так что Клио перешла на кодекс лишь в конце Чинквеченто (XVI век), что свидетельствует о традиционалистском подходе богини истории к своему инструментарию.

Светильником Клио служит монограмма российского императора Александра, которую крепко держит в клювах российский орел. Светильник горит ослепительно ярко, значит, карта была создана до 20 ноября 1805 года, и тень от поражения при Аустерлице его еще не приглушила. В одной орлиной лапе – держава, вторую орел подставил под спину богине. Орлиную грудь украшает цепь ордена Святого Андрея Первозванного и красная эгида, в которой угадывается святой Георгий Змееборец.

Подставкой для «Книги истории человечества», которая на две трети уже написана, служит опрокинутая урна, из которой стремительным потоком убегает

ет время. На «Сосуде Времени» установлены песочные часы. Внушительного размера коса, придавленная «вечности жерлом», нависла над именем художника Кнаппе, которого, между прочим, не станет через три года после выхода карты в свет. Время, изливающееся из сосуда, песок, отсчитывающий века, не властен над музой Истории – она молода и прекрасна, несмотря на прошедшие 5789 лет от Сотворения мира.

Но, несмотря на необратимость времени, косу и прочее, за спиной Клио зеленеет пальма, усеянная плодами, – главный символ победы и триумфа, Спасения. Именно пальма была принята ранними христианами в качестве символа победы Бога, Спаса, Христа над смертью. Вспомним оду Державина «Бог» 1784 года, которая созвучна учению Отцов Церкви: «Твоей то правде нужно было, // Чтоб смертную бездну преходило // Мое бессмертно бытие; // Чтоб дух мой в смертность облачился // И чтоб чрез смерть я возвратился, // Отец! В бессмертие твое».

АВТОГРАФ

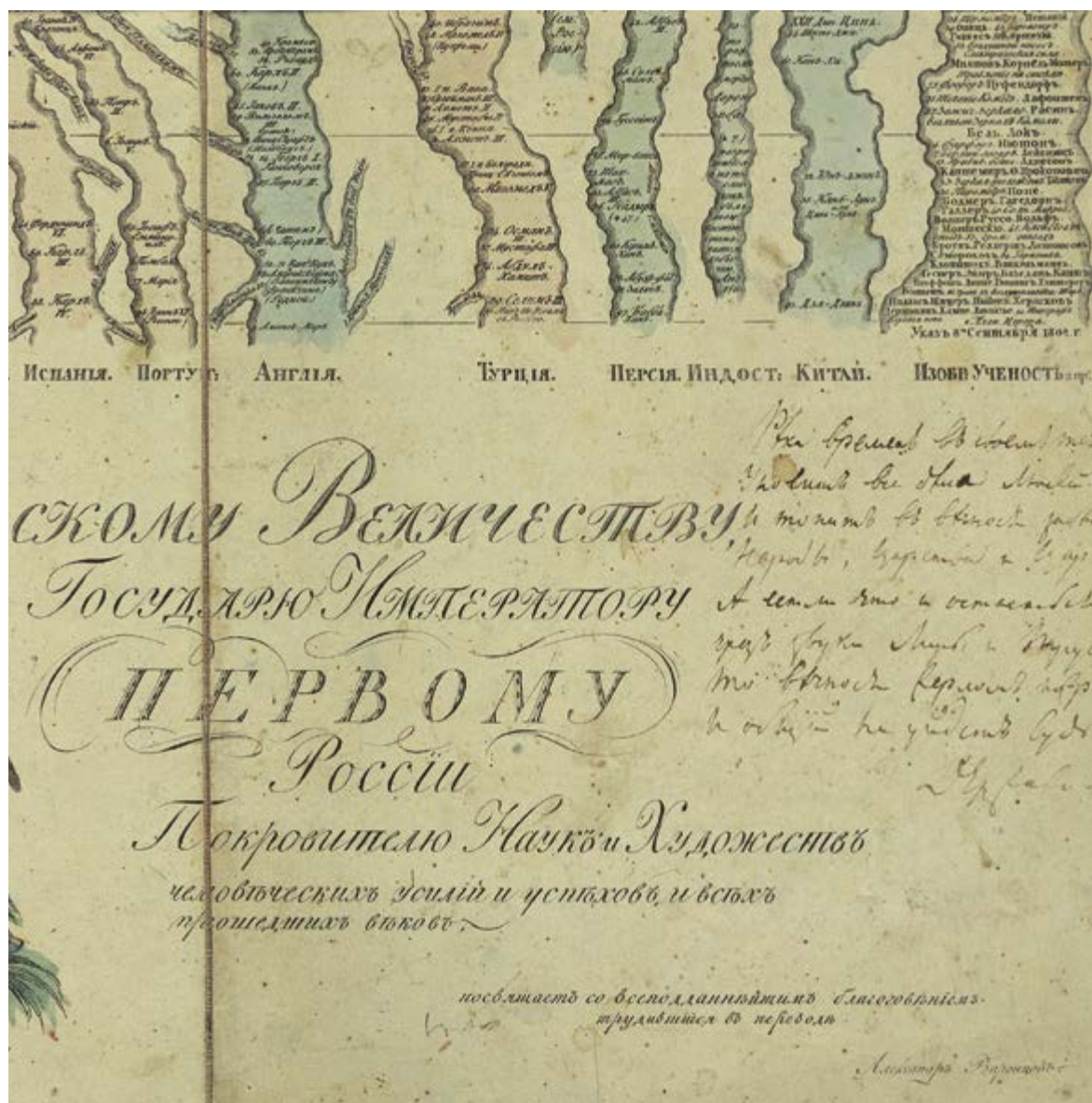
Приведем свидетельство о дне кончины Державина племянницы его второй жены, Дарьи Алексеевны, – Елизаветы Николаевны Львовой: «Там все еще дышало его присутствием: еще горела свечка, которую он сам зажег; молитвенник был раскрыт на той странице, где оста-

Художественный картуш карты «Река Времен...». Санкт-Петербург. 1805 год

новилось его чтение; тут лежало еще платье, которое он недавно скинул. Мы увидели аспидную доску, на которой он за два дня перед смертью (6-го июля) начал оду о быстроте времени; первая строфа была ясно написана, и он сам читал ее Семену Васильевичу. За нею следовали два стиха второй строфы, и которую смерть помешала ему кончить...»

Автограф восьмистишия на аспидной (грифельной) доске из кабинета Державина, которая ныне хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, поддается прочтению лишь на треть. О плохой сохранности текста уже в середине XIX века говорил Яков Карлович Грот: «Вскоре доска с последними стихами Державина была подарена его родственниками Императорской Публичной библиотеке по усиленной просьбе директора А.Н. Оленина. Там хранится она и поныне: ее всякий может видеть на стене в отделении русских книг; но от начертанных на ней строк почти ничего не осталось».

Дальше о судьбе эпитафии, которая, как и вода, «текла и изменялась» (не забудем сослаться на Гераклита), читаем у того же Якова Карловича Грота: «За три дни до кончины своей, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту Река времен, начал он стихо-

Автограф с карты
«Река Времен...».
Санкт-Петербург.
1805 год

творение «На тленность» и успел написать первый куплет. Сии строки написаны были им не на бумаге, а еще на аспидной доске (как он всегда писал на черном) и уже после смерти его положены на бумагу одним родственником».

Кто был этим родственником? Могу предположить, что это был кто-то из любимых племянников Гаврилы Романовича (вторая жена Державина, Дарья Алексеевна, урожденная Дьякова, доводилась им теткой): Александр Николаевич Львов, которому Державины хотели даже подарить имение Званка, или Семен Васильевич Капнист. Софья Васильевна Капнист в своих воспоминаниях пишет, что

Гаврила Романович Державин «до того любил их всех, и в особенности, старшего брата моего Семена, что, не имея детей, некоторое время имел намерение его усыновить».

Дружба Державина с Семеном Капнистом продолжалась до самой смерти поэта. К сожалению, я не смог добыть образцы почерка ни Александра Львова, ни Семена Капниста, но, надеюсь, коллеги, прочитав статью, смогут восполнить данный пробел и сравнить автографы в бумагах и на нашей табуле.

Следует упомянуть здесь о совпадении последней автоэпиграфии Державина со строками из важнейшего памятника исторической литературы Ви-

зантии – «Алексиады», написанной в 1148–1155 годах. Еще Петр Паламарчук в своей повести «Един Державин» обратил внимание на сходство первых четырех строчек последнего восьмистишия поэта с начальными фразами из введения к «Алексиаде», где византийская принцесса Анна, старшая дочь императора Алексея I Комнина, со скорбью пишет о кончине горячо любимого отца. «Поток времени в своем неудержимом и вечном течении влечет за собою все сущее. Он ввергает в пучину забвения как незначительные события, так и великие, достойные памяти... Однако историческое повествование служит надеж-

ной защитой от потока времени и как бы сдерживает его неукротимое течение; оно вбирает в себя то, о чем сохранилась память, и не дает этому погибнуть в глубинах забвения!» Сходство, как видим, очень сильное. Но повлияли ли строки «Алексиады», где Анна пишет, что смерть отца – это вообще «крушение счастья на земле», на автоэпитафию Гаврилы Романовича, мы точно не знаем. Первые девять книг «Алексиады» на русский язык были переведены в 1859 году, но Державин вполне мог читать ее на французском – в труде Шарля Дюканжа, одного из основоположников научной византистики в Европе, или на немецком языке. К примеру, одно из первых изданий «Алексиады» было осуществлено Гешелем в Аугсбурге в 1610 году. Автограф последнего стихотворения Державина с подписью «Державин» на карте из ГИМ, сделанный чернилами на основе дубовых орешков, присутствует в правом нижнем углу под полноводной «молочной» рекой с «китайским» и «русским» берегами с перечнем «Славных мужей». Почерк явно мужской. Выше автографа по всему левому полю карты имеются небольшие чернильные пятна того же состава, что и автограф, что свидетельствует о том, что стих писался в спешке, в волнении; об этом говорит и «нервный» почерк, каким сделана запись. Можно также упомянуть рукописный вариант восьмистишия Державина из альбома Александра Григорьевича Небольсина под грифом «Почерпнутая Разн. 1817». В четвертой строке слово «Царей» написано с прописной буквы, как и на гимновской карте 1805 года. Следует сказать несколько слов о художественном картуше, украшающем карту 1818 года, который весь пронизан эсхатологией и без спасительного древа, в отличие от сюжета на карте 1805 года, где есть намек на спасение в виде зеленой пальмы.

Сравнительная таблица двух «Рек Времен»:
полноводной «русской» (Варенцов, несомненно, вдохнул в немецкую форму русский дух) и «американской», у истоков которых стоял Фридрих Штрасс

Века	«Река времен или Эмблематическое Изображение Всемирной Истории от древнейших времен по Концу осьмого надесять столетия. Сочинено Фридериком Страссом. Переведено в Санктпетербурге. 1805. Александр Варенцов»	«Река Времен, или Карта Всеобщей Истории, изготовленная с оригинала немца Страсса. Обзор сделал Д. Хаскел. Нью-Йорк, 1842»	«Река Времен или Эмблематическое Изображение Всемирной Истории от древнейших времен по Концу осьмого надесять столетия. Сочинено Фридериком Страссом. Переведено в Санктпетербурге. 1805. Александр Варенцов». «Изобретения, Открытия, Успехи Просвещения. Славные мужи»
100	Происхождение (русских) от сарматов	Сарматы – Язиги – Склавины – затем племена раз- делились в V в.	
800	РОССИЯНЕ Варяги Года: 62. Рюрик. Сино и Трувор 79. Игор. Олег	Года: 62. Рюрик. Синеус и Трувор 79. Игор. Олег	
900	13. Игор Первый 45. Ольга 64. Святослав 73. Ярополк 80. Владимир великий 88. Крещение	Святослав 75. Владимир Великий 88. Крещение	
1000	15. Святополк I 15–32 (XII в.). Раздел и междоусобные войны 16. Ярослав I Влад. (в Киеве) 54. Изяслав I Ярослав. 73. Святослав II Ярослав. 78. Всеволод I Ярослав. 93. Святополк II Изяс. Нестор Летописец	15. Святополк I 16. Ярослав захватил Киевию 54. Изяслав 78. Всеволод 98. Святополк II	
1100	14. Влад. II Моном. 25. Мстисл. Влад. 32. Яроп. II Влад. 38. Всевол. II Ольгов. 46. Изясл. II Мстисл. 55. Юрий I Влад. Долгор. 58. Андрей I Юрь. Богол. Во Владим. 77. Димитрий Всеволод III Юрьевич	Нестор Хронист 14. Владимир II 25. Мстислав 32. Ярополк 38. Всеволод II 46. Изяслав II 56. Юрий I 58. Андрей II во Владимире 77. Дмитрий Всеволодович III	Нестор Походы на Половцев. Отрывок древ. Российск. Литературы
1200	13. Юрий II Всев. 16. Константин Всев. † 18 38. Ярослав II Всев. 38–81 (XV в.). Хан Батый. Под Вла- дычеством монголов 46. Святосл. Всев. III 48. Михаил I Яр. 49. Андрей II Яр. 52. Александр I Ярослав. Невский 64. Ярослав III Ярославич 71. Василий I Ярослав. 76. Димитрий I Александрович 94. Андрей III Александрович 96. Даниил Алек.	13. Юрий II 16. Константин II 36. Ярослав II 52. Александр I Невский 64. Ярослав III 71. Василий I 76. Деметрий I 81. Андрет 96. Дандо	

1300	05. Михаил II Яр. 20. Юрий III Дан. 23. Димитрий II Мих. 25. Алексан. II Мих. 28. Иоанн I Дан. Калита в Москве 40. Симеон I Иоанн. Гордый 53. Иоанн II Иоаннович 59. Димитрий III Кон. 62. Димитрий IV Иоанн. Донской. Кремль в Москве 80. Поб. на Дону 89. Василий II Димитр.	04. Михаил 17. Юрий III 26. Александр II 28. Иван I 40. Симеон 53. Иван I 52. Деметрий Донской 89. Василий II	
1400	25. Василий III Васильев. Темный 62. Иоанн III (I) Васильевич 77. Уничтож. Новгород. Вечи. (Марфа Посад.) 81. Освобож. России от Татар. влад. 85. Единовластие в России 87. Завоевание Казани	25. Василий III 62. Иван Васильевич I 77. Независимость от татар	
1500	ЦАРИ 5. Василий IV Иоаннович 14. Иоанн (IV, II, I) Вас. Грозный. Гос. начало к поправ(лению) внут(реннего) сост(ояния) 52. Казань 53. Откр(ытие) Морс(кого) Пут(и) к гор. Архангельску. Ермак 54. Астрахань 84. Феодор I Иоаннович 98. Борис Феод. Годунов	3. Василий Иванович 33. Иван Васильевич II 52. Казань 54. Астрахань 81. Сибирь 84. Феодор I 98. Борис Годунов	
1600	5. Феодор II Бор. 6. Василий Иоанн. Шуйский 13. Михаил Феод. Романов. Минин. Пожарск(ий) 16. Мир в Столбове 45. Алексей Михайлович. Уложение 54–67. Украина 76. Феод. III Алек. и Император Петр I Великий	5. Феодор II 8. Василий Зуйский 13. Михаил Федорович Романов 45. Алексей Михайлович 67. Украина 76. Феодор III Александрович 82–89. Иван. Петр I Алексеевич	
1700	ВОЙНА 3. Основ(ание) С. Петербурга 9. Поб(еда) п(од) Полтавою 11. Учрежд. Сената 21. Мир в Нистате. Остерм(ан). Меншик(ов) 25. Екатерина I 27. Петр II 30. Анна I 41. Елисавета I 43. Азовск(ий) Мир 61. Петр III 62. Екатерина II 70. Поб(еда) п(ри) Кагуле и пр(и) Чесме 72. Раздел Польши между Пруссией и Россией 90. Мир в Верее 93. Раздел Польши между Пруссией, Россией и Австрией 95. Раздел Польши между Пруссией, Россией и Австрией 96. Павел I	ВОЙНА 9. Б(итва) Пуллавская 21. Петр становится Czar 25. Катерина 27. Петр II 30. Анна 40. Иван III Minor 40. Elixabeth Petrowna 62. Петр III 62. Катерина II 72. Россия, Пруссия и Австрия разделяют Польшу 96. Павел I заключает союз с Францией	Ф. Прокопович 23. Татищев 53. Ломоносов. Сумароков 83. Паллас. Шлецер. Платон (Левшин – Прим. авт.) Херасков Державин
1800	Александр	1. Александр I...	

В верхней части карты 1818 года свиток с картой-эмблематой «Река Времен» закогтил мрачного вида двуглавый орел, который заслонил собой все небо и солнце. Черная птица или просто держит свиток, или сворачивает его, как ангел – небо в день светопреставления; второй вариант кажется более уместным.

Восьмистишие разделено на две части и находится внизу табулы по сторонам художественного картуша. Написано оно каллиграфическим почерком. Сюжет картуша достаточно зловещ, вполне согласуясь со словом «мрачность», вместо «вечность», в третьей строке эпитафии. Угрюмый бородатый Харон правит ладьей с помощью весла, а заодно и ловко управляется с парусом. На заднем плане среди черно-зеленых, мертвых волн, которые никак не назвать «виноцветными», виднеется Остров мертвых. Как не вспомнить в связи с этим картину швейцарского символиста Арнольда Бёклина «Остров мертвых», написанную в 1883 году? Харон, как видим, отправился «по серьезному вызову» (парус наполнен «мертвым воздухом»), так как вся ладья заполнена всеразличнейшими психопомпами – «проводниками душ». Помимо самого Перевозчика под парусом сидит мрачный крылатый и бородатый ангел смерти Танатос. В одной руке он держит песочные часы, а в другой длинного аспиды, хвост которого полощется в самом что ни на есть «Мертвом море». Еще в ладье зеленоватого-черная русалка, которая общается с Хароном. Над лодкой кружит обнаженная фигура – видимо, Гермес, вооруженный луком и стрелами, также психопомп со стажем. На дне возлежит полуобнаженная богиня преисподней Геката. За чьей душой отправилась эта команда? Может быть, за Гаврилой Романовичем, ведь именно его последний стих, автоэпитафия, окружает этот картуш...

Несколько вариантов «Реки времен...» в хронологическом порядке

Полужирным шрифтом выделены места, которые отличаются от классического текста академического издания

Карта-таблица из ГИМ (Отдел картографии): ГИМ 65829; ГО-4030. После 8 июля 1816 г.	Из статьи Н. Греча (Обозрение русской литературы 1815–1816 годов) // Сын отечества. 1817. Ч. 34. № II. С. 67. В своей статье Греч ссылается на восьмистишие Державина с аспидной доски из Императорской Публичной библиотеки, приобретенной в 1816 г.	Экземпляр «Река времен» из ГИМ (Отдел письменных источников). Ф. 281. Оп. 1. Ед. хр. 155. ГИМ 47417. Издание карты 1818 г., Москва	Утерянный автограф А.С. Пушкина «Реки времен» Г.Р. Державина, сделанный по просьбе Б.А. Олсуфьева в альбоме в Болдине 26 ноября 1830 г. Г. Гуковский. Литературное наследство Державина // Литературное наследство. №9–10. М. 1933. С. 385	Академический текст. Державин Г.Р. Стихотворения. Л. 1957
Манускрипт (чернила)	Печать	Манускрипт (тушь)	Печать	Печать
«Река времен в своем течении // Уносит все дела Людей // И топит в вечности забвенья // Народы, Царства и Царей . // А ест ли что и остается // Чрез звуки Лиры и Трубы , // То вечности жерлом пожрется // И общей не уйдет Судьбы . Державин»	«Река времен в своем теченье // Уносит все дела Людей // И топит в пропасти забвенья // Народы, царства и царей. // А ест ли что и остается // Чрез звуки лиры и трубы, // То вечности жерлом пожрется // И общей не уйдет Судьбы »	«Река времен в своем стремление // Уносит все дела людей, // И топит в мрачности , забвенья // Народы, Царства и Царей . // А ест ли что и остается // От звуков Лиры иль Трубы , // То вечности жерлом пожрется, // И общей не уйдет Судьбы . Державин»	«Река времен в своем теченье // Уносит все дела людей // И топит в пропасти забвенья // Народы, царства и царей. // А если что и остается // Чрез звуки лиры и трубы, // То вечности жерлом пожрется // И общей не уйдет Судьбы »	«Река времен в своем стремлении // Уносит все дела людей // И топит в пропасти забвенья // Народы, царства и царей. // А если что и остается // Чрез звуки лиры и трубы, // То вечности жерлом пожрется // И общей не уйдет судьбы»

СУДЬБЫ ВЕЩЕЙ

Какие свидетельства остались о вещах, принадлежавших Державину, нам поведает российский филолог и академик Российской академии наук Яков Карлович Грот. В «Жизни Державина» он пишет: «Из собственности, лично принадлежавшей Гавриле Романовичу, так сказать, кабинетной его собственности, библиотека его, вместе с книгами Дарьи Алексеевны, отдана была Бороздину (Константин Матвеевич Бороздин – попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, историк, литератор, муж Прасковьи Николаевны, дочери Н.А. Львова и племянницы Д.А. Державиной. – Прим. авт.), главному душеприказчику покойной. Эта библиотека не отличалась богатством... Поэтому разбиравшие эту библиотеку, А.А. Воейков (Алексей Алексеевич Воейков, сын В.Н. Воейковой, дочери Н.А. Львова и племянницы Дарьи Алексеевны Дьяковой-Державиной. – Прим. авт.) и Д.В. Поленов (женатый на

сестре его), решили сбыть большую часть книг Державиных букинистам... Бумаги Державина разделены были между теми из родственников, которые ими наиболее дорожили. По завещанию вдовы, рукописи стихотворений, как изданных, так и не изданных... достались старшему племяннику ея, Леониду Николаевичу Львову...» Куда утекла графическая «Река Времен» неведомо... Чем дальше уносит Река времен свои цветные воды с нашей бумажной реки в вечность, тем больше тускнеют чернила автографа на ее берегах, и тем больше отличий от манускрипта-протографа у разных вариантов восьмистишия «На тленность». Но об этом поэт нас предупредил, «если что и остается... то вечности жерлом пожрется и общей не уйдет судьбы». «Река Времен...», которая струилась по стенам кабинета поэта и навевала мысли о бренности человеческого бытия и о бессмертии творческого наследия,

а ныне хранится в депозитарии ГИМ, теперь будит мысли о судьбах вещей, которые, как и судьбы людей, бывают удивительными и интересными. Цветная многоструйная Река объединила в своем графическом потоке имя самого Державина, которое является последним своего рода «берегом», (помещено в крайнем правом «культурном ручье» карты, именуемом «Славные мужи»), а также имя мастера-гравера Иоганна Майра, резец которого не только высекал струящиеся потоки времени, но и десятилетиями ранее изготовил замечательную гравюру с портретом любимой первой жены поэта – Екатерины Державиной, его «Плениры». И получается, что «если что и остается», то это наша «Река Времен», которая «в своем течении» соединила и унесла в историю и Державина, и «Плениру», и Иоганна Майра, которые «чрез звуки лиры и трубы» не избежали общей судьбы, но, несомненно, остались в памяти потомков...

«ЛАВР» – ТОЧКА НАХОДИМОСТИ

БЕСЕДОВАЛ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ИЗВЕСТНЫЙ КРИТИК ЛЕВ ДАНИЛКИН, ВЕСЬМА ОПТИМИСТИЧНО ХАРАКТЕРИЗУЯ СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ПОСЕТОВАЛ, ЧТО ЕЙ НЕ ХВАТАЕТ ОДНОГО – ГРОМКОГО РОМАНА, КОТОРЫЙ ПРОЗВУЧАЛ БЫ НА ВЕСЬ МИР.

ДОВОЛЬНО НЕОЖИДАННО ИСКЛЮЧЕНИЕМ ИЗ ЭТОГО ПРАВИЛА СТАЛ РОМАН Евгения Водолазкина «Лавр». Неожиданно – потому что роман в каком-то смысле построен по канонам древнерусской житийной литературы. Роман о святом. При этом по тональности негромкий. Скорее, даже тихий. Тем не менее в 2013 году он завоевал две престижные премии – «Большую книгу» и «Ясную Поляну». После чего его вдруг стали перево-

дить. Сейчас он переведен (или переводится) на 19 языков: итальянский, французский, немецкий, шведский, норвежский, латышский, литовский, армянский, албанский, македонский, словенский... и в конце концов (о чем ниже) даже на английский. Можно по-разному относиться к роману, но сам факт его удивительного прорыва в мировую литературу невозможно отрицать. Об этом – и не только – корреспондент журнала «Русский мир.ru» беседует с автором – Евгением Водолазкиным.

– Женя, я принадлежу к числу тех, кому роман понравился. В каком-то смысле он мне больше, чем понравился, – он меня обрадовал. Ибо что такое возвращение в литературу святого? Это правильная поляризация мира. Есть верх – где святость, где Бог, – куда человеку и должно стремиться. И есть низ – с особой любовью, в тонкостях изученный и талантливо описанный многими популярными писателями. И даже читающей публикой любимый: ведь это наш, родной низ, никуда от него не денешься... А оказалось – можно оторваться. Выйти совсем в другое измерение бытия. И, возможно, говорить надо было бы о том, как вам это удалось – написать «Лавра» и не засу-

шить все, не залить елеем, удержаться от морализаторства – роман-то получился динамичный, жесткий. Но очень многое невозможно понять, не зная, что вы выросли в Киеве, что сейчас работаете в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома, о роли покойного Дмитрия Сергеевича Лихачева в вашей судьбе...

– В Киеве после Гражданской войны остался мой прадед. Он воевал за белых и выбрал Киев просто потому, что его там никто не знал. Потом он даже выступал перед школьниками как ветеран Гражданской – не уточняя, за кого он, собственно, воевал. По утрам мурлыкал себе под нос: «Вставай, проклятьем заклейменный». Вообще, не лишен был чувства юмора. А я в Киеве вырос, потом поступил в университет... Киев тогда поражал, как писал Солженицын, «дремотным неразличением наций» и культур – во что сейчас так трудно поверить. И я занимался Лесковым, через него пришел к древнерусской литературе и поступать в аспирантуру поехал в Петербург, тогда еще Ленинград, в Пушкинский Дом, в Отдел древнерусской литературы, который и возглавлял Дмитрий Сергеевич Лихачев. Вот это и сыграло в моей судьбе определяющую роль. Потому что Пушкинский Дом, как сейчас, так и в советские времена, был как бы вне той действительности, которая его окружала. И люди там занимались если не вечностью – поскольку литература все-таки не вечна, – то, по крайней мере, не сиюминутными проблемами. В годы, когда Отделом древнерусской литературы руководил Лихачев, институт был такой удивительной научной республикой: прежде всего потому, что сам Лихачев был замечательным ученым, великолепным мастером исследования. Но наука была для него не игрой в бисер, а своего рода духовным движением, за которым стоял колоссальный и жуткий опыт. У него была очень страшная жизнь: Соловки, блокада, проработки. Это был человек, который прекрасно знал жизнь в ее реальном – и даже в ужасном – измерении. Поэтому что делается за окнами, он знал прекрасно и принимал в этом участие, но другое дело, что он принимал его не в форме прямой борьбы. И я это особенно ценю. Он был не против власти – он был вне ее. Это высшая оппозиция, на мой взгляд. Потому что тот, кто против чего-то, сам становится этим чем-то, просто с обратным знаком, и сгорает в этом.

Лихачев старался жить так, как будто советской власти не существует, и пространство для этого оказалось, как ни странно, довольно большим. Причем то не была позиция над схваткой – это высокомерная позиция, – но вне схватки. И он четко знал границы, где «вне» уже недопустимо. Когда, к примеру, ему предложили подписать письмо против Сахарова, он отказался, за что его на следующий день избили и сломали ему два ребра. Ему за семьдесят было тогда уже. То есть у него были очень четкие границы того, что можно, а чего нельзя.

Потому что это был человек, не просто очень хорошо работающий с текстами, это был человек, очень сильно поработавший с жизнью.

У Бахтина есть понятие «точка вневходимости». Когда человек смеется над собой, он находится в точке вневходимости по отношению к себе. Это очень важно для духовного здоровья. И очень важно для здоровья общества, чтобы были точки, которые не очень в общество вписываются, которые занимают в известном смысле позицию вневходимости. Если угодно, Пушкинский Дом и есть одна из таких точек. В конце концов люди там занимаются временем, которое очень отличается от нынешнего, и вся их деятельность есть другой способ мысли, другой способ жизни. И когда я писал «Лавра», я хотел сказать, что есть другие ценности, о которых сейчас, может быть, говорят меньше, но которые гораздо важнее того, что мы каждодневно слышим и видим. Так что «Лавр» – это точка вневходимости по отношению к современной литературе. Когда роман был закончен, я не думал, что его прочтет кто-нибудь, кроме круга моих друзей и знакомых. Это слишком далеко от мейнстрима. А то, что слишком далеко, не читается обычно. Так что для меня было большой неожиданностью, что «Лавр» вызвал такой широкий резонанс.

– Тема святости возвращает нас к другой теме, вполне как бы забытой, – теме личной ответственности каждого человека за все. К тому, что внутри у нас – то будет и снаружи. В личной жизни, в семье, в обществе, в мире. Любой священный текст на этом стоит. Но где-то на границе XIX и XX веков произошел переворот: ответственность стала перелagаться на других – классы, народы, социальные группы. И что мы в результате имеем в начале века XXI? Какое-то невообразимое размывание понятия ответственности, невероятную агрессивность и своего рода бесчувственность...

– Я довольно непросто пришел к идее главенства персонального над всем остальным в нашей жизни. Скажем, в советское время я был тайным и страстным противником советской власти. Тайным, потому что я хотел сохранять известное благополучие, а страстным, потому что мне казалось, что коммунизм – это что-то на нас наброшенное, на нас, прекрасных, и вот когда это уйдет – тогда мы и заживем. Но когда я увидел, как развивалось дело после падения коммунизма, я утвердился в той мысли, к которой при более глубоком отношении к действительности мог бы прийти раньше, – что все в человеке, все то дерьмо, которое кажется упавшим на нас с Марса, это наше собственное, так сказать, произведение, и надо исправлять нас – я имею в виду каждому – себя, а не пытаться исправлять человечество.

Да, влияние твоё на мир весьма ограничено. Влияние каждого из нас на ситуацию, допустим, в России нужно поделить на число жителей,

и твоя доля – какая-то там 145-миллионная. Вот твой вклад в процветание твоей страны, если рассуждать социально.

Но есть объект, который зависит от тебя если не целиком, то очень во многом, – это ты сам. И мне кажется, вот именно с ним и нужно работать. Это звучит довольно странно, но я абсолютно убежден в том, что говорю, потому что когда ты пытаешься с кем-то вместе делать какое-то дело и тебе кажется, что вы заодно на сто процентов – ты собираешь какую-то компанию и устраиваешь митинг, революцию, флешмоб, – но только вдруг выясняется, что большинство людей пришли в общедом с совершенно другими идеями, общий слоган каждый понимал по-своему, и стремитесь вы к разному. Так произошла революция 1917 года, так случилось в сегодняшней Украине... Я говорил об этом в одном из интервью в самом начале Майдана, когда никто не предвидел тех ужасов, которые случились потом. Я говорил, что революция – локомотив истории – обязательно пойдет не туда. И, главное, что он так устроен, что с него не соскочить. Если уж ты ввязался в эту историю, ты будешь ехать до конечной станции, которая обычно ничего хорошего не сулит.

У истины всегда много уровней. Истина не одномерна. Есть политический уровень. Он заключается в том, что существует борьба двух основных центров силы: России и Америки. Я говорю общеизвестные вещи, но от того, что они общеизвестны, они не перестают быть истиной. Причем, более того, Россию я не считаю атакующей стороной в этом противостоянии, и в чем-то, вероятно, такая борьба неизбежна, потому что между полюсами – а мир, кажется, снова становится двуполлярным – всегда начинает искривляться.

Но это уровень геополитической истины – скажем, не самый высокий. Самый значимый, как мне кажется, уровень – это возникновение агрессии, какой-то темной энергии в каждой конкретной душе. Видите ли, на мой взгляд, ни народ, ни государство тем более не являются субъектом нравственности. Субъектом нравственности является только личность. И поэтому я опять возвращаюсь к мысли, что ответ надо искать в людях. Когда на личностном уровне скапливается агрессия – она резонирует (такие вещи хорошо резонируют) с созвучными чувствами у другого человека – и так начинаются войны, революции...

– Я бы сейчас ушел от разговора об Украине, как бы своевременно и больно он ни звучал, и вернулся к роману: как возник такой замысел? Это как-то связано с вашей научной деятельностью, с житийной литературой?

– Моя главная тема – не агиография, а хронография, историческое повествование – в частности, генеалогия этих текстов. Хотя и агиографией я тоже занимался. Не могу сказать, что давал себе обещание не писать на профессиональные темы, но установка такая у меня определенно была.

Мне казалось, что не нужно писать о том, чем ты занимаешься, что называется, с десяти до шести. Но, знаете, часто бывает, что Савл превращается в Павла. Я вдруг подумал: а почему бы не написать что-то из того мира, который является моей повседневностью? У меня довольно странная повседневность и странный опыт. Такого опыта не то чтобы ни у кого нет – он есть у многих, но это люди, как правило, не пишущие. Это исследователи. Я имею в виду полное погружение в Древнюю Русь. Бывало, что, прочитав текст десяток раз, я заучивал его наизусть. И, конечно, в своей жизни по-древнерусски я прочел больше, чем по-русски. Просто потому, что на современное чтение у меня отводится час-полтора перед сном. А весь предшествующий день занят анализом древнерусских текстов. Что это значит? Я устанавливаю происхождение текстов. Древнерусские тексты – да и не только древнерусские, но и средневековые тексты вообще, особенно исторические, – на 90 процентов состояли из текстов предшественников в разных комбинациях. И чтобы установить, кто были эти предшественники и какие тексты использовались, нужно проводить довольно большую кропотливую работу. Это своего рода маленький детектив: пройти вглубь времени, вглубь текста, выяснить источники заимствования. Выражается это в конечном счете в виде стеммы, то есть схемы взаимоотношений текстов. Это почти математика. Но есть и другая сторона вопроса: в Средневековье была особая поэтика, которую я использовал, работая над «Лавром». Эта поэтика очень интересна. Дело в том, что это поэтика не литературы. В Средневековье – мы должны это осознать – не было литературы в нашем понимании. Была письменность. Эта литература была внелитературной. В частности, один из элементов художественности – это вымысел. А в средневековой литературе не было вымысла. С точки зрения человека средневекового, вымысел – это ложь. Так что это была особая литература, строившаяся по особым законам.

А сейчас – и в этом пафос того, что я часто пишу и говорю в интервью, – настал момент, когда развитие литературы Нового времени привело нас опять к очень многим элементам средневековой поэтики. И вот эти элементы я использовал в «Лавре».

– Вы хотите сказать, что ничего не выдумывали, а просто использовали Жития святых, для того чтобы построить столь необычную биографию вашего героя? Ведь он проживает четыре жизни – целитель-травник, юродивый, паломник и монах-схимник – и, сообразно этим внешним переменам, меняет четыре имени, как бы самую суть, которая все же остается в конце концов неизменной...

– Да, так примерно и есть. Выдуманного там очень мало. В основных позициях все это соответствует древнерусским реалиям. Я жил в этих

вещах тридцать лет. С одной стороны, я показываю разные типы русской святости. Но с другой – я просто пытаюсь понять, что связывает меня, нынешнего, и меня, скажем, двадцатилетнего, если ученые установили, что за семь лет меняются все клетки человеческого тела. В романе общее – это верность любви, верность тем заповедям, которые герой юношей воспринял от своего учителя, верность тому опыту, который в процессе жизни приобретался... У Толстого в «Исповеди» есть замечание, что, уходя в мир иной, человек не возьмет жизнь во всей ее конкретике и не унесет с собой деталей. Толстому казалось, что человек уходит просто с некой общей идеей жизни, с некоторым общим опытом, который уже не может быть разделен на эпизоды. Просто с каким-то ощущением добра и зла, к которому он приходит. А травник, юродивый, паломник – это все огранка целостного опыта жизни...

– Да, вспоминаю, как в Иерусалиме в конце паломничества Лавр-Арсений слышит от старца слова о том, что не стоит увлекаться движением по горизонтали... И спрашивает: «А чем же следует увлекаться?» – «Движением по вертикали» – то есть получает наставление, которое он и на Руси мог услышать в любом монастыре...

– В чистом виде вертикаль – это последняя, четвертая жизнь Лавра, исполненная самоотречения. Понимание людей и вместе с тем понимание своей уже неизбежной миссии: ведь святость – это прежде всего испытание. Понимание своего долга.

– Именно поэтому ощущение от романа такое светлое...

– Средневековые тоже считало, что человек – это мера всех вещей, но осознавало, что эта мера дана Богом. В этом разница между Средними веками и современностью. Вероятно, она временна. История напоминает маятник, и есть вещи, которые возвращаются. Собственно говоря, человечество не открыло ничего, что отрицало бы Бога. Абсолютно ничего. Искушение последних ста лет состояло в том, что колоссальные научные открытия, которые были за это время сделаны, создали иллюзию того, что все понятно. Но на самом деле человек – это божья коровка, которая ползет по шоссе, и даже какую-то дистанцию она проползла удачно: но она не знает, ни где начинается шоссе, ни где оно кончается...

– Ваш исторический оптимизм заключается в том, что количество зла в каждую эпоху примерно одинаково. И действительно, заглянешь в Средневековье: а там Столетняя война, чума, разбойники, политическая нестабильность. Но и сегодня: непрекращающиеся войны, лихорадка Эбола, террористы, политическая нестабильность...

– Я довольно давно пришел к этому: нельзя говорить, что какая-то эпоха была лучше, другая – хуже. Перед каждой эпохой встают новые, небывалые прежде вопросы. В каждую эпоху зло по-новому проявляло себя. Сейчас это проявляется в отсутствии разницы между реальностью и игрой. И это действительно страшно. Я читал – не знаю, правда это или нет, – что человек, бомбивший Хиросиму, сошел с ума. Сейчас это невозможно. Никто не сходит с ума. Бомбят что хотят. На цивилизационном этапе, когда бомбили Хиросиму, у человека присутствовала еще грань между реальностью и вымыслом. То есть вымысла не было. А сейчас эта грань потеряна, и, когда бомбили Сербию, спрашивали, по-моему, у американских летчиков, что они чувствуют. Они отвечали: «Ничего. Это как на компьютере». Delete. И какие тут уж проблемы Раскольникова и старушки? Тут вообще микробы какие-то на экране...

– В третьей жизни Лавра-Арсения появляется Амброджо Флеккиа – из-под Милана он отправляется на Русь в связи с известиями, на Руси циркулирующими, о конце света, и так возникает тема Западной Европы и паломничества в Святую землю. Реальны ли были такие визиты на Русь? И вообще, во всей этой крепкой дружбе с Лавром-Арсением и совместном паломничестве в Святую землю тоже ведь таится иносказание. О чем оно?

– Во-первых, во всяком правильно сделанном романе должна быть дружба, должны быть какие-то, если угодно, персонажи, которые двигают действие вперед. Но если говорить в иносказательном смысле – а есть и это измерение у большинства событий и героев романа, – то мне хотелось сказать, что как Западная церковь, так и Восточная – это действительно два крыла одной птицы, и об этом не надо забывать, надо помнить о единстве христиан, между нами очень немного различий – я имею в виду католическую церковь и православную. И это призыв к тому, чтобы внимательнее относиться друг к другу. Я писал образ Амброджо, имея в виду мое доброе отношение к католической церкви – притом что я человек православный. Но поездки мои в Италию – кажется, почти нет или очень немного описанных в романе мест, где я не был сам, – очень обогатили меня в понимании православия, как вообще изучение чужого помогает лучше понять свое. Считаю себя европейцем – вслед за Лихачевым, который говорил, что Россия – это неотъемлемая и очень важная часть Европы, – я бы хотел сказать, что европейцы сейчас, отторгая нас, пытаются отторгнуть очень важную часть самих себя. Может быть, на нынешнем этапе ожесточения вокруг украинской проблемы уже не нужно выяснять, кто прав и кто не прав. Нужно, условно говоря, пользуясь банальными определениями, переходить от «кто виноват» к «что делать». А для «что делать» нужно искать общий язык. Если хотите, нужно искать общие слова. Общие слова, которые объеди-

нили бы нас и Европу. Западную Европу. Лихачев всегда поправлял: «Западную Европу», потому что мы – тоже Европа. Я очень надеюсь, что маятник отношений между Западной Европой и Россией качнется в другую сторону. Мне кажется, сейчас мы уже прошли пик охлаждения, и сейчас все пойдет в обратную сторону, потому что мы очень нужны друг другу. Ибо мы – проявления одной цивилизации, которая не так уж прочна сейчас в мире.

– Не так уж. Я, кстати, думал вот о чем: что Европа в принципе должна бы беречь Россию, потому что если бы Польша или Германия завтра бы проснулись и узнали, что граничат теперь с Китаем, то они впали бы в цивилизационную кому. Но мы их предохраняем от такой вероятности. И пусть у нас нет такой демократии, как в Голландии, и такого порядка, как в Голландии: на такой территории, вероятно, и такой порядок невозможен, и такая демократия не нужна. У нас все будет жестче.

– Да, Россия жестче. Но она такая страна, где другие формы не работают. Мы видели попытку внедрения демократии западного типа в 90-е годы и чем все это кончилось... Мне нравится западная демократия, но я отдаю себе отчет в том, что она хороша лишь там, где способна регулировать общественные отношения.

– Паломничество из Руси в Святую землю действительно шло через Европу?

– Да. Существовал караванный путь Киев – Венеция. Был и другой – через Византию. Но более распространенным был путь через Венецию, накатанная дорога вообще всей Европы. Из Венеции паломники отплывали на корабле к берегам Святой земли.

Что касается путешествия Лавра, то оно во многом основано на описании, очень подробном, такого паломничества, предпринятого Николаем Радзивиллом – человеком XVI века, который все в деталях описал. Хроника этого путешествия на Руси была переведена с польского, она была известна. Просто потому, что нужны были травелоги, нужны были путеводители к Святой земле. Это было важно, поэтому такого рода книги переводились. Есть в Пушкинском Доме замечательный специалист по «хожениям» – Ирина Владимировна Федорова, она знает в этой сфере все – она меня консультировала, когда я писал третью книгу романа, «Книгу пути», я у нее интересовался деталями таких путешествий, и она мне очень помогла...

– Для русского читателя я сделал бы короткое пояснение о языке «Лавра»...

– Над стилем я думал долго. После того как у меня уже был сюжет, предмет повествования, я примерно полгода думал над языком, которым все это будет излагаться, потому что это была довольно сложная задача, поставленная, может быть, впервые в такой форме – создать роман в виде Жития или, иначе говоря, дать Житие современными литературными средствами. Около полугода думал, не начиная писать. Просто ждал, когда мне придет в голову, как это можно выразить. Ведь в литературе, я бы сказал, форма – это содержание. И если бы я отразил только церковнославянскую или древнерусскую стихию, роман мог бы превратиться в такую дешевую стилизацию. Он был бы пафосным и, я думаю, в конечном счете убогим.

И я решил использовать самые разные пласты русского языка, в том числе и современные. Это была стилистическая задача: средствами стиля приблизить роман к нам, XXI веку, оставляя его в то же время в XV веке... Интересно, что во многих наших стилизациях под Древнюю Русь используются не древнерусские слова, а хотя и старые, но слова XVIII, XIX веков... Поэтому если кто-то предполагает, что в «серьезных» исторических романах использование старых слов и одного стиля отражает некую древнюю реальность, то это тоже ошибка. Те древнерусские тексты, которые я использую, аутентичны. Но, давая древнерусские фрагменты, составляя их или цитируя что-то, я пытался использовать только те слова, которые понятны современному читателю, и не использовал слов, которые сильно изменили свое значение, потому что очень много таких слов. Допустим, «опасно» – это «прилежно» в Древней Руси. Есть вещи, которые ты в тексте как бы узнаешь, но они значат совершенно не то...

– Знаете, Женя, что больше всего меня воодушевляет? Как живо откликнулся мир на этот роман, который не обладает ни единым признаком «успешного»...

– Повторюсь, я не ожидал, что «Лавр» будет популярен даже в России. Но, знаете, то, как отреагировали за границей, с одной стороны, удивило, с другой – я все-таки, мне кажется, нашел этому какое-то объяснение. Запад – неоднородное понятие. Допустим, в Германии переводят много. Там около 40 процентов книжного рынка занимает переводная литература. Примерно так же во Франции. А в Америке или в Англии – на англоязычном рынке – переводная литература занимает 3 процента. Англосаксонская культура в каком-то смысле сейчас самодостаточна. И когда я спросил у английских издателей, почему такая ситуация, они мне ответили, что какая бы тема ни была интересна тамошнему читателю, есть обязательно в англоязычной литературе человек, который уже об этом написал по-английски. То есть хочешь про Японию – есть пишущие по-английски японцы, хочешь о проблемах сердечной хирургии – пишут. Сейчас весь мир пишет на английском, поэтому они сказали так: мы интересуемся тем, о чем по-английски не пишут.

– Тогда, выходит, роман «Лавр», который вы считали «точкой вневходимости» в современной словесности, оказался точкой находимости, сходимости, пересечения каких-то неожиданно важных смыслов. О которых по-английски не пишут.

– Видимо, о юродивых и святых по-английски пишут немного, раз уж меня решили перевести...

– Давно не писали. Века, наверно, с XIII.

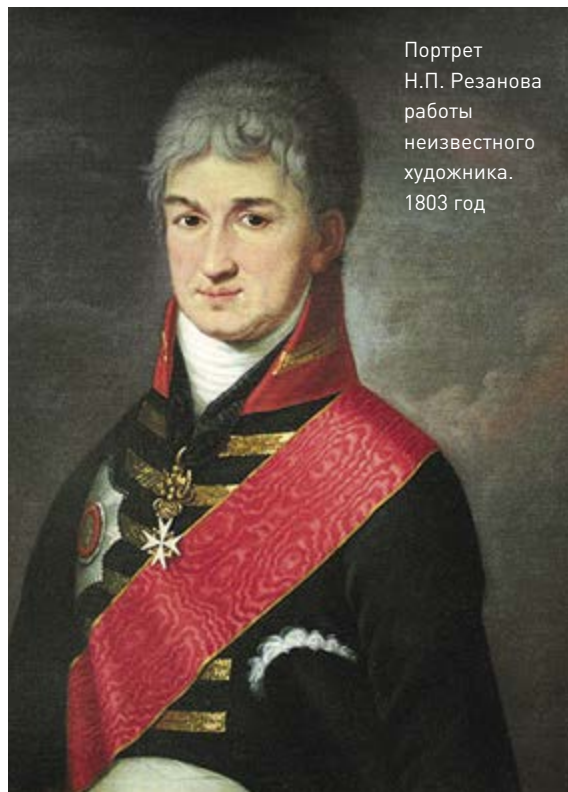
– Примерно так. Но на самом деле, когда я задаюсь вопросом, почему эта тема интересует в особенности, допустим, англичан и американцев, которые, я повторю, имеют 3 процента переводной литературы на книжном рынке, я как раз и думаю о том, что «Лавр» оказался современным. Просто современность можно описывать двумя способами: говоря о том, что в ней есть, или о том, чего в ней нет. И вот на то, чего в ней нет, она, современность, реагирует очень внимательно и жадно. Она это начинает впитывать. Потому что если у нас не пишут о преданности, о святых, о вечной любви, это не значит, что это не востребовано. То, что сейчас доминирует тип культуры, который по тем или иным причинам об этих вещах не упоминает, не значит, что такие вещи не нужны. Мне кажется, мы идем к тому, что эти ценности вновь появятся на авансцене. Я убежден, сейчас меняется не только тип культуры, но и тип цивилизации. Мировой цивилизации. И ценности, которые еще вчера были «устаревшими» и ненужными, неожиданно могут стать остро востребованными... ■

ЗЕМЛЯ РОССИЙСКОГО ВЛАДЕНИЯ

БЕСЕДОВАЛА

АЛЕКСАНДРА ПУШКАРЬ

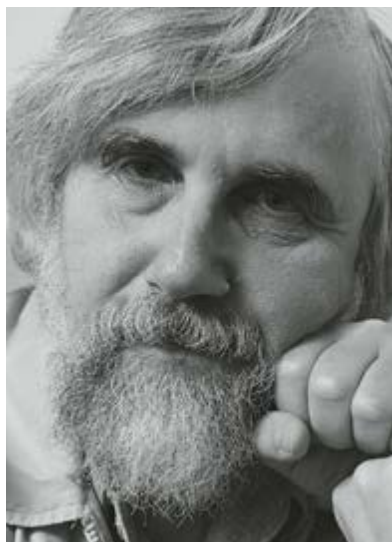
КУРАЖ ДАЛЕКО ЗАВЕЛ КАМЕРГЕРА РЕЗАНОВА. ДЕЯТЕЛЬНЫЙ ЧИНОВНИК – ПРИБЛИЖЕННЫЙ ДВОРОВ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА, ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПОСЛАННИК В ЯПОНИИ, ДИРЕКТОР И ОСНОВАТЕЛЬ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ, ОН НЕ ЗНАЛ СЛОВА «НЕЛЬЗЯ». ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ АМЕРИКАНСКОГО АДМИРАЛА ВАН ДЕРСА, «ПРОЖИВИ РЕЗАНОВ НА ДЕСЯТЬ ЛЕТ ДОЛЬШЕ, И ТО, ЧТО МЫ НАЗЫВАЕМ КАЛИФОРНИЕЙ И БРИТАНСКОЙ КОЛУМБИЕЙ, БЫЛО БЫ РУССКОЙ ТЕРРИТОРИЕЙ».

Портрет
Н.П. Резанова
работы
неизвестного
художника.
1803 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ПАТРИОТИЗМ ЗАСТАВИЛ меня изнурить все силы мои... я плавал по морям, как утка; страдал от голода, холода, в то же время от обиды и еще вдвое от сердечных ран моих», – вспоминал в одном из писем Николай Петрович Резанов. О славном соотечественнике в год 190-летия вхождения Аляски в состав России мы беседуем с ведущим научным сотрудником Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН Алексеем Александровичем Истоминим.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

– В минувшем году отметили 250 лет со дня рождения Николая Петровича Резанова. Торжества были скромные, особого резонанса не получили. Резанов вообще может претендовать на место в русской истории? Что он в нее привнес, чего до него не было?

– Если говорить кратко, во-первых, Резанов стоял у истоков Российско-американской компании (РАК), он один из ее создателей. Ну а во-вторых, он первым из русских дал подробное описание Калифорнии и выдвинул идею ее присоединения к России.

Алексей
Александрович
Истомин

– Он действовал один или была целая плеяда людей, работавших в этом направлении?

– Это была группа, в которую входили торговцы пушниной во главе с Шелиховым и его наследниками. С конца 80-х годов XVIII века они выдвигали и осуществляли идею колонизации Америки. То есть речь шла не просто о плавании к ее берегам для добычи калана, а о создании постоянных поселений и распространении прав России на эти земли. Но до Резанова не удавалось добиться создания такой монополии, а Резанову удалось. Под его непосредственным влиянием созданы базовые документы – «Привилегии» и «Правила» РАК. Такое соединение торгово-промышленной монополии с административной властью, пожалуй, беспрецедентно.

– РАК – наша первая государственная монополия?

– Первая полугосударственная. Но есть другая аналогия, более ранняя. Иван Грозный передал огромные территории Предуралья семейству Строгановых, и они создавали свои поселения, держали войско, имели полномочия колонизовать новые земли и так далее. Ведь не государство, а Строгановы послали Ермака в Сибирь.

– И это было не феодальное образование, а именно капиталистическое?

– Скажем так, владение принадлежало купцам, а не дворянам, хотя со временем Строгановы вошли в состав дворянского сословия. А Россий-

ско-американская компания была создана и купцами, и дворянами, и на подвластных ей землях утвердились отношения, близкие к крепостническим. Русским нужны были шкурки морской выдры (калана) для продажи в Китай. Лучше всего справлялись с ее добычей местные жители – алеуты, кадыакские эскимосы. Сама социально-экономическая логика побуждала русских проводить колониальную политику, основанную на эксплуатации коренного населения Аляски.

– Эти территории были ничейными? Звездно-полосатый там не стоял?

– Ни звездно-полосатый флаг, ни «Юнион Джек». Но эти земли я не могу назвать ничейными. У них уже были свои хозяева, аборигены, и об этом забывать нельзя. После экспедиции Кука – а это конец 70-х годов XVIII века – сюда в поисках калана приплывали сначала английские, а потом и американские капитаны. Но территориальных претензий заявлено не было.

– Резанов вышел из обедневшей дворянской семьи. Родился в Петербурге, рос в Иркутске. Каким был Иркутск второй половины XVIII века?

– Знаете, как называли Иркутск в XIX веке? «Париж Сибири». Иркутск был одним из крупнейших экономических центров региона и столицей Иркутского губернаторства уже в XVIII веке. Именно здесь начинает действовать рыльский купец Григорий Шелихов, здесь зарождается клан, ставший основой Российско-американской компании. Но если брать в целом Россию, этот город, конечно, несопоставим с Москвой и Петербургом. Вместе с тем его географическое и административное положение привлекало купеческие капиталы. Именно Иркутск еще со времен губернатора Соймонова стал точкой, из которой исходили государственные импульсы по освоению островов и земель Тихого океана.

– Это была старообрядческая среда?

– Старообрядцами ни Шелихов, ни Резанов не были.

– А масонами?

– Резанов, конечно, был рыцарем Мальтийского ордена, как все окружение Павла, но упоминаний о его принадлежности к масонам я не встречал. Оба они, и Шелихов, и Резанов, были для своей эпохи достаточно типичны и по вероисповеданию, и по воспитанию. У одного воспитание купца, у другого – дворянина... Читая знаменитое письмо Резанова министру коммерции Николаю Петровичу Румянцеву, которое стало основой для мюзикла и многих исследований, понимаешь, что это человек образованный, эрудированный и, пожалуй, среди деятелей Русской Америки до Фердинанда Петровича Врангеля лучше всех владеющий русским литературным языком.

– В 1778 году 14-летний Резанов возвращается в Петербург и делает стремительную карьеру. Только ли таланты были тому причиной?

– Я думаю, он был очень эффективен, умел работать, был коммуникабелен и обаятелен, знал, что сказать в нужное время нужному человеку. Ну, и конечно, момент случая тоже значим. Говорят, путешествуя по Крыму, императрица обратила внимание на молодого офицера в службе сопровождения. И вроде бы это дало импульс его карьере... В свое время я расспрашивал нашего первого резановеда, ныне уже покойного филолога Владимира Иосифовича Безъязычного. Он написал всего одну статью о Резанове, но знал о нем очень много. Я спросил его напрямую: было ли у Резанова что-то с Екатериной. Он ответил просто, я цитирую дословно по памяти: «Екатерина была уже старуха. Зубов не побрезговал, а Резанов побрезговал». Кстати, Зубов был приятелем Резанова, что влияло на его карьеру. Но у Резанова был еще один сильный покровитель, Гаврила Державин, более известный как поэт, но бывший также государственным деятелем. Впоследствии ему оказывал содействие и Николай Петрович Румянцев, который очень заинтересованно относился к освоению севера Тихого океана, Русской Америки. Здесь его интересы пересекались с интересами РАК.

– В какой момент движение русских на восток обрело системный характер?

– Государство с самого начала не упускало эти плаванья из виду. Оно брало пошлину с ввозимых с островов и Аляски товаров, получало с этого хороший доход. Еще при Елизавете петровский сподвижник Федор Соймонов, став из недавних каторжников сибирским губернатором, оказывал покровительство таким плаваньям и сообщал о них государыне. То есть индивидуальная активность и интерес государства шли параллельно, но пересекались только в определенные моменты. Например, при Екатерине группа сибирских купцов привезла в Петербург меха черных лисиц. Это стало сенсацией, такого меха еще не видали. Императрица заинтересовалась. Одновременно стало известно, что якобы у аборигенов Аляски есть чернильницы и палаши. Последнее напугало русских чиновников – что бы это могло быть? Откуда? Из Европы?! И в Петербурге срочно снаряжают экспедицию на Аляску по приказу Екатерины II, которая хотела подчеркнуть свою роль продолжательницы дел Петра I. Петр послал Беринга – она в 1764 году посылает Петра Креницына и Михаила Левашова. Проходит время, Кук совершает свою третью экспедицию. Испытывая некоторую ревность к успеху Англии, в 1785 году Екатерина организует новую экспедицию, Биллингса и Сарычева, тоже правительственную, под эгидой Адмиралтейств-коллегии. Обе расширяют знания об Аляске.

Можно утверждать, что происходило зондирование государством ситуации к востоку от Камчат-

ки с посильным закреплением этих территорий за Россией. Немалую роль здесь играл и престиж. Особенно когда это касается экспедиции Крузенштерна – Лисянского. Потому что все морские европейские державы уже совершили свои кругосветные путешествия, а мы нет. Нужно было продемонстрировать, что и Россия – передовая страна своего времени.

– Когда мы поняли, что хотим не просто получать пошлины, а включить Аляску в состав России?

– Как сферу влияния Российской империи эту территорию воспринимали со времен открытия Беринга и Чирикова. Последующие плавание это представление укрепляли. При Екатерине II Аляска уже считается российской. Идея создания там поселений принадлежит Шелихову. Именно с 80-х годов XVIII века начинается ее колонизация русскими. Создаются постоянные поселения – сначала на Кадьяке, потом на материке.

Со времен Шелихова освоению Америки придавалось значение национальное, это – подвиг России на востоке. Ну а когда была создана Российско-американская компания, в том, что это российские владения, сомнений ни у кого уже не осталось. Реально никакой границы с другими державами до 1824–1825 годов проведено не было. Но земли, где действовали русские, начали закрепляться за Россией. Кроме того, уже при правителе русских колоний Баранове, продвигаясь вдоль побережья, участники экспедиций клали так называемые «закладные доски». Номерные, изготовленные из чугуна и латуни, с надписью «Земля русского владения». И англичане так поступали, зарывая английские монеты. Застолбить пытались все.

– Резанов – современник Казановы и Дидро. Он был, скорее, первым или, скорее, вторым?

– В нем смешалось все. Что-то диктовалось расчетом, что-то эмоциями. Человек он был эгоцентричный, самолюбивый и очень сентиментальный. В его документах это качество проходит красной нитью. Особенно в последнем письме, предсмертном, которое он адресовал своему сыну Михаилу Булдакову. Оба были женаты на сестрах Шелиховых.

– Бывало, что вспыльчивость и эгоизм ему мешали?

– Думаю, да. Он, наверное, мог повести себя по-другому в ситуации с главенством в первой русской кругосветной экспедиции на судах «Надежда» и «Нева», которая вылилась в скандальный конфликт с Иваном Федоровичем Крузенштерном.

– Это вопиющая история. В ней, впрочем, повинны все участники.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

– Все, начиная с Александра I, который назначил руководителем Резанова, не поставив при этом в известность Крузенштерна, организатора и инициатора этого предприятия. Экспедиция уже началась, а Резанов не спешил объявлять о своих полномочиях. А когда сообщил, его не приняли всерьез. Резанова не признают, начинают травить, причем больше других в этом отличается известный Толстой Американец. Резанов впоследствии жаловался, что он даже не решался покидать собственную каюту, провел несколько недель, не выходя на палубу.

– Но свою миссию первого русского посла в Японии он выполнил?

– Прибыв в Нагасаки – единственный японский порт, чей рейд могли посещать иностранные суда, – он полгода ждал ответа от императора. В конце концов ему сообщили, что в установлении торговых отношений России отказано. Япония продолжала свою изоляционистскую политику. При этом Резанов, который должен был к этому быть готов, оказался эмоционально не готов. Он очень сильно обижается на Японию, тре-

Камергер
Н.П. Резанов.
Рисунок
из японской
рукописи

Русский корабль
в Нагасакской
гавани.
Японская
гравюра.
Начало XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

бует, чтобы ее владения не простирались далее Хоккайдо, и, уже оказавшись в Русской Америке, дает указание Хвостову и Давыдову, своим ближайшим помощникам и военно-морским офицерам на службе у РАК, совершить военную экспедицию на Курильские острова и Сахалин. Потом, правда, уже прибыв в Охотск на обратном пути из Нагасаки, он, видимо, поняв, что перегнул палку и что с него за это взыщут, дал иную инструкцию, которая ограничивала визит Хвостова и Давыдова на Сахалин разведкой позиций японцев. Но они не знали, какому приказу следовать, и последовали тому, к какому готовились, совершив два набега и уничтожив несколько японских факторий на Сахалине и Южных Курилах. Российский император не забыл этих прегрешений. Резанов умер в 1807 году, с него уже спроса не было. Но когда Хвостов и Давыдов были представлены к орденам во время последней русско-шведской войны (1808–1809), Александр I отказал им в наградах. Конечно, для людей военных это был сильный удар.

– Разругавшись с Крузенштерном, Резанов отправился инспектировать российские поселения на Аляске. Это была его личная инициатива?

– Он имел все полномочия от Российско-американской компании провести такую инспекцию. В 1806-м он прибыл в Новоархангельск (теперь Ситка), которому вскоре суждено было стать столицей Русской Америки. Увидев, что там голод, Резанов решил добыть продовольствие в Калифорнии, где, как русские знали, было достаточно развито сельское хозяйство. Откуда знали? Еще в 1803 году американскому капитану О'Кейну пришла идея соединить возможности американ-

ского и российского бизнеса. Американцы предоставляли свое судно для партии кадьякских эскимосов или алеутов под руководством русских приказчиков из РАК, и эта русско-американская экспедиция отправлялась к берегам Калифорнии, как Верхней (ныне одноименный штат США), так и Нижней (ныне штат Мексики), занимаясь нелегальным промыслом каланов. Испанцы не разрешали, но американцы с русскими нагло у них под носом это делали. Благодаря этим экспедициям в 1803 году русские люди Тимофей Тараканов и Афанасий Швецов заключили первую торговую сделку с калифорнийскими испанцами, купив несколько мешков муки в обмен на товары из России. Товары повез с собой и Резанов, рассчитывая приобрести на них продовольствие. В залив Сан-Франциско корабль «Юнона» с Резановым вошел довольно нагло. С берега в рупор ему кричали. На судне делали вид, что не понимают, отвечая *Si, si* – «Да, да» по-испански. А корабль шел через Золотые Ворота в залив Сан-Франциско. Пристав к берегу, Резанов начал объяснения с властями. При этом ему пришлось пойти на мистификацию. Во-первых, он объявил себя участником русской кругосветной экспедиции, что было не совсем правдой. Он уже распрощался с Крузенштерном и в Америку отправился самостоятельно, по линии РАК. А надо сказать, что накануне экспедиции во все европейские столицы были разосланы письма о содействии. В Испанской Америке знали об этом и были вынуждены его судно принять именно как судно экспедиции. Более того, Резанов объявил себя главой российских колоний в Америке, каковым он также не являлся. Испанцы поверили, но, невзирая на это, отказали ему в продовольствии. Существовал жесткий запрет продавать что-либо иностранцам, и пришлось очень долго испанцев уламывать. В письме Румянцеву Резанов объясняет свой успех тем, что он вошел в родственные отношения с комендантом Сан-Франциско Хосе де Аргуэльо, сосватав дочь его Марию Конселпсон. Я не уверен, что это было решающим моментом, но он должен был как-то объяснить свой нетривиальный поступок. И он подает его как действие во имя государства, как жертву, совершенную для успеха миссии и давшую ему огромные возможности.

– То есть он представил себя каким-то супершпионом...

– Поездка Резанова, конечно, имела разведывательные цели, и то, что он так удачно *внедрился*, было в его глазах большим плюсом в оправдание его отношений с семьей Аргуэльо. И он действительно составляет очень подробное описание экономического и военно-стратегического положения Калифорнии. Как заправский разведчик, дотошно объясняет, где какие войска, какие расстояния, какова она в экономическом отношении, социальном и прочее...

– Русские мореплаватели, посетившие Калифорнию вслед за Резановым, указывали на то, что испанским хозяевам на нее наплевать и что неплохо бы прибрать ее к рукам. Каков был главный посыл донесения Резанова?

– Это отчет, главная тема – описание. Одна из важнейших задач, которую он ставит, – организация торговли с Калифорнией. Он пишет, что это выгодно, что нужно добиваться у мадридского двора разрешения на торговлю. Но идея, что ее можно просто захватить, у него тоже возникает. Он считал, что достаточно небольшого военного контингента – и Калифорния наша.

– Насколько серьезным было это намерение?

– Даже невоенному человеку было понятно, что ни полка, ни даже бригады не хватило бы, чтобы занять и тем более закрепить за Россией Калифорнию. Это прожектерство. У Испании были большие силы в других колониях, их можно было перебросить. Но вернемся к письму Резанова. Другим его мотивом, на мой взгляд, было снять с себя возможные обвинения в измене государству. Судите сами: человек женится на дочери испанского администратора, военного, в то время как у России с Испанией не самые дружественные отношения.

– И все происходит бесконтрольно. Туда плыть год! Он не знает, как в России трактуют его поступки...

– Конечно! Эти обвинения он стремился от себя отвести. В письме Румянцеву стилистически, различными фактами, которые он привнес во второй вариант, иной трактовкой взаимоотношений с Марией Концепсьон Резанов доказывал, что все это делалось в интересах империи.

– А как было на самом деле?

– Я не исключаю, что между ним и Кончитой возникли отношения романтического характера. Резанов был вдовец, около 40 лет, в расцвете сил. На него жаловались монахи, посланные с православной миссией на Аляску, что у него была малолетняя наложница-тлинкитка на Ситхе. Доказать сейчас это трудно, но факт, что внимание к особам юного возраста он проявлял, очевиден. (Кстати, и женился он на 15-летней Анне Шелиховой.) С другой стороны, он человек импозантный, а Калифорния была дырой... Мария Концепсьон так и говорила – край мира, Богом забытая земля. Резанов очень быстро почувствовал в ней желание отсюда вырваться и в конце концов сделал ей предложение, зная, что оно не будет отвергнуто. Но это только гипотеза, потому что, когда мы говорим об отношениях людей, которые уже ничего о себе сказать не могут, мы должны быть очень деликатны.

– В колонизации Калифорнии были заинтересованы только Резанов и Баранов, государство этот план не принимало?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

– Не государство было инициатором этой экспансии, скажем так. Александр I гарантировал поддержку поселению РАК в Калифорнии еще до его возникновения. Но когда испанцы выступили с протестом, правительство «забыло» про это, а глава МИДа Карл Нессельроде направил в РАК запрос, с какой это стати русские оказались в Калифорнии. И компании пришлось напоминать, что сам император разрешил ей основать здесь свое поселение и обещал помощь в случае проблем. Испанцы слали гонцов к Ивану Кускову, первому правителю этой колонии. Мол, русские, уходите отсюда. Кусков оттягивал время, и так год за годом Росс продолжал существовать, пока к его существованию не привыкли. Нужно учесть, что, сражаясь с Наполеоном, Испания уже не могла и не хотела ссориться с союзной ей Россией. То есть, конечно, русских надо выдавливать, но чтобы отношения были дружественными.

– И РАК этим пользовалась...

– Александр I не желал конфликтов на Тихом океане, и уже в 1817 году РАК была вынуждена отчитываться, почему существует крепость Росс. Примерно в то же самое время император отказывается от добровольного присоединения к России гавайского острова Кауаи. Боясь захвата Кауаи объединителем Гавайев Кameamea, король Кауаи был готов перейти в подданство России. Российско-американская компания заключила с ним соглашение, монополизировав торговлю сандаловым деревом и построив королю три крепости, над которыми подняли российские флаги. Но Александр I отказывается от Кауаи, так как не хочет проблем с Англией. Поэтому и заключаются договоры о границах русской Аляски, которые не нравятся РАК.

– А на Аляску никто не претендовал?

– Как сказать... Я думаю, Англия не отказалась бы от факторий на Аляске. Эта земля не казалась никчемной даже тогда, но не была настолько важ-

Красноярск.
Старособорная
площадь
с видом на дом
Родюкова,
в котором умер
Н.П. Резанов

Памятник
Н.П. Резанову
в Красноярске.
Установлен
в 2007 году

ной, чтобы из-за нее вступать в конфликт с одной из ведущих держав мира, Россией. Однако определенность была нужна, и границы русской Аляски были установлены. В 1824 году был заключен договор между Россией и Соединенными Штатами, в 1825-м – между Россией и Англией. Теперь это пределы штата Аляска. Там, где сейчас он соседствует с Канадой, проходила российско-английская граница. РАК претендовала на большее, но ее проигнорировали.

– **А что русская Калифорния?**

– Она в эти договоры не попала. Крепость Росс оказалась в каком-то странном положении. Испанцы, потом мексиканцы претендуют на эту территорию, но в реальности ею управляет РАК. Государство контролировало Русскую Америку через

Воскресенский
собор с видом
на могилу
с памятником
Н.П. Резанову.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

РАК до 1860-х. Но уже при Александре I поощрять экспансию оно не захотело. Наполеоновские войны и Европа для Александра I и Николая I оказались намного важнее дел тихоокеанских. Много проблем для империи существовало в европейской части и на Кавказе. Иметь дополнительные в Тихом океане было опасно.

– **«Калифорнийский поход» провалился. Потом и Аляску потеряли. Получается, весь американский проект был напрасным. Или у него все-таки есть какой-то положительный смысл?**

– Американский проект – это история усилий. Иногда героических, иногда бескорыстных. Кроме того, русские первыми создали промышленные предприятия на Аляске, построили в Калифорнии первую верфь, посадили первые виноградники. Все калифорнийское виноградарство берет начало с колонии Росс. Вообще, испанскую Калифорнию нельзя было не сравнивать с русской. В испанской не было ни одного ремесленника. В наших владениях постоянно что-то ковали, чинили, строили, а испанцы делились на военных и монахов. Калифорния – застойный глухой угол испанской колониальной империи. Неслучайно Кончита не хотела выходить замуж после Резанова. Знакомство с ним задавало высокую планку, ниже которой она не могла опускаться. И она осталась незамужней, а в конце своих дней ушла в монастырь.

– **Американцам известна история Кончиты и Резанова?**

– Вряд ли ее знает каждый. Но Форт-Росс существует как исторический памятник, как парк и музей. Однако когда возникли финансовые проблемы, его решено было закрыть. Губернатора Шварценеггера пришлось уговаривать, подключились наши дипломаты. В конце концов российский капитал стал субсидировать его существование. Сегодня Форт-Росс получает от России больше средств, чем от США.

АЛЕКСАНДР БУРЬИ

БЕСЕДОВАЛ

КОНСТАНТИН КРАВЦОВ

С ОЛЬГОЙ СТЕФАНОВОЙ
Я ПОЗНАКОМИЛСЯ БЛАГОДАРЯ
«ЖИВОМУ ЖУРНАЛУ», А ЧЕРЕЗ
НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ
ЗА ЧАШКОЙ КОФЕ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ
ЕЕ ЗИМОВКИ, РЕЗУЛЬТАТОМ КОТОРОЙ
СТАЛ ФИЛЬМ ОБ АНТАРКТИДЕ.
ОН ТАК И НАЗЫВАЕТСЯ – «ЗИМОВКА».

ЖЕНЩИНА В АНТАРКТИДЕ – СЮЖЕТ абсолютно новый. В публицистической литературе о зимовках упоминаний о женском присутствии на них я не встречал. Как и о зимовках мужа с женой, что на других станциях – особенно аргентинских и чилийских – история обычная. Но у нас это как-то не принято. Исключения из правил составляют жены начальников станций, Ольга же – молодая красивая девушка, тележурналист и кинорежиссер – зимовала одна. Здесь наверняка есть богатый материал для психологической прозы, но еще интересней та составляющая, что могла бы стать основой для прозы религиозно-философской, так как именно в этом ключе рассматривает Ольга Стефанова Антарктиду. Последняя стала ее духовной родиной, где Ольга бывает почти ежегодно, связав себя с «Белой невестой», как называют наши полярники открытый Беллинсгаузеном материк, нитью некоего исключительного родства.

Ольга была в Антарктиде шесть раз, в предпоследний – обошла вокруг Антарктиды на «Академике Федорове», провела месяц на станции «Прогресс», двадцать дней – на станции «Мирный». В следующий сезон был перелет с «Прогресса» на «Восток» и четыре дня в этом самом суровом, самом невозможном для человеческой жизни месте на Земле. Достаточно сказать, что именно там зафиксирована самая низкая из температур – 89,2 градуса... Но сначала о кино, которое и привело москвичку на южный материк. Началось все с репортажей для телепрограмм, когда Ольга училась на втором курсе журфака МГУ, за которым последовал факультет кинодокументалистики ВГИКа. Потом появился первый фильм – «Свет Белого моря», о последних зрителях маяков: теперь все электрифицировано, человеческого присутствия на маяках не требуется. Второй – «Беслан. Право на жизнь» – был попыткой понять, что изменилось в людях за год после трагедии, какие они вынесли уроки из своего страшного опыта. Фильм получился глубоким и пронзительным, и так случилось, что его посмотрел Рубен Татевосович Есяян, Герой России, летчик-испытатель и командир экипажа Ил-76ТД, много лет летающего в Антарктиду. Во многом благодаря его ходатайству Ольга и оказалась впервые на ледяном материке. Но этого бы не случилось так скоро, если б не цепочка обстоятельств, которую в целом можно назвать случайными совпадениями, а можно счесть – как наша героиня – чудом. В 2008 году, снимая свой третий фильм, «В лето 7515-е от сотворения мира», об ученых, исследующих вулкан Кудрявый на курильском острове Итуруп, среди заплесневевших книг, оставленных в избушке прежними исследователями, Оль-

га нашла томик об Антарктиде. С нее все и началось. Но как туда попасть?

– Чем больше я про это читала, тем больше понимала, что женщин в Антарктиде и Арктике особо не бывает, – говорит Ольга. – Откладывала звонок в Российскую антарктическую экспедицию, боялась, что откажут. Пошла разговаривать с мастером, руководителем студии. Долго проговорили, дал добро, выхожу со Студии Горького, звонит мобильник: вас беспокоят из авиационного комплекса «Ильюшин», нам вас посоветовали как документалиста, мы собираемся в этом году десантировать рекордное количество бочек на станцию «Восток» в Антарктиде – такого еще не было, нам хочется, чтобы это кто-то снял. Денег нет, финансировать не можем, но можем вас туда взять – не хотите ли? Но когда мы встретились с заместителем генерального директора АКБ «Ильюшин» Николаем Дмитриевичем Таликовым, я явно не оправдала надежд: он ожидал увидеть маститого режиссера и попытался свести все на нет, но я уже вцепилась мертвой хваткой, не отпускала, доставала звонками. Тут-то и пришел на помощь Рубен Татевосович, взявший меня на борт.

И вот – Антарктида, ледяная пустыня, во всем противоположный остальным пяти материк. Незабываемые пять дней на станции «Новолазаревская» с последующим полетом на станцию «Восток», но без посадки – полярникам сбрасывали платформы с грузом, и самолет возвращался на

бережье. Но открытием был не только шестой континент.

– Меня поразили люди, их открытость, готовность помочь, желание сказать друг другу какое-то доброе слово, искренняя благодарность друг другу за все, – вспоминает Ольга. – Я окунулась в это на пять дней, пообщалась с полярниками, с летчиками и настолько этим прониклась, что у меня не было уже никаких сомнений, что на зимовку нужно, что меня там ждет фильм, жизнь, что Господь меня туда ведет, что сердце туда рвется. Вся моя жизнь до того проходила в суете, беготне, в огромном количестве каких-то знакомств, дел, каких-то ночных посиделок, бесконечных тусовок, и в общем-то в тишине я не была никогда. Мы в фотоальбоме «Храм в Антарктиде. Десять лет», автором которого стал Петр Задилов, опубликовали рассказ протоиерея Андрея Ткачева «Полчаса тишины». Начинается он с того, что автору вспомнилась заметка из какой-то советской газеты о том, что у буржуев все так загажено выхлопными газами, что там продают свежий воздух. И вот автор представляет, а что если бы вот так продавался билет на полчаса тишины. Купил билет, заходишь в комнату и молчишь. Что произойдет с человеком за эти полчаса? Вначале просто улягутся ритмы, в которых человек живет, потом начнут приходить образы когда-то обиженных тобою людей, когда-то совершенных ошибок, дальше – больше. Вот, наверное, для меня зимовка была годом тишины, моментом, когда жизнь остановилась, когда мне не нужно было никуда бежать, дни, события, люди не сменяли друг друга с такой скоростью, как в Москве. И в этой тишине ты наконец оказался впервые наедине с собой, ты впервые увидел свое нутро, каково оно. И в моем случае я могу сказать, что всю жизнь до Антарктиды – и до сих пор этот процесс не кончился, но просто началась борьба с ним – я жила в придумках о себе, о людях, о смыслах. Никаких реальностей у меня внутри на самом деле не было. О том, кто я, какая я, зачем меня Господь создал. И представления мои о себе были очень лестными. Мне казалось, что я очень уживчивый человек, что я бесконфликтная, что со мной легко найти общий язык и вообще я люблю людям помогать, в общем, очень много хорошего я о себе думала. Когда спустя три месяца зимовки, первой эйфории, первых «ах» и «ох», когда время остановилось, а пространство замерло, все сковало льдом, выпал снег и началась ночь – ну, это была не полярная ночь, а такие полярные сумерки, просто темнело очень рано и рассветало ненадолго – и когда в этом замершем мире ты стал понимать, что ты совсем неуживчив, что прощать тебе тяжело и так далее, тогда впервые стало от себя тошно. Ты даешь себе слово больше этого не делать, в дневнике себе пишешь – все, с этого дня я этого больше не делаю, а завтра делаешь, не можешь остановиться и понимаешь, что сам не сможешь, и только к Богу можно кричать, чтобы что-то остановилось.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

– *То есть Антарктида как опыт самопознания и богопознания в чем-то сродни монашескому?*

– Да, но только с тем отличием, что все равно мы все знали, что этот год закончится и все мы поедем на Большую землю и что все это временно, не до конца наших дней.

Зимовала Ольга на станции «Беллинсгаузен», близ которой с 2004 года стоит единственная на всем шестом континенте церковь, где не прекращается богослужение. И вот ответ на праздный, но нередко звучавший с появлением проекта «Храм в Антарктиде» вопрос, а нужна ли там церковь:

– Это было огромное подспорье. Я не представляю, как бы я жила этот год без исповеди, всего того, что дает Церковь.

– *А кто служил в храме?*

– Иерей Сергей Юрин. Это была уже вторая его зимовка, а за первую он успел выучить испанский язык. Станция находится рядом с чилийской станцией, и полярники дружат между собой. К нему на службу приходил чилиец Кристиано – католик, к концу зимовки принявший православие. Кристиано принял православие, а отец Сергей выучил испанский язык, вообще очень полюбил латиноамериканцев, причем настолько, что, вернувшись в Россию, получил в Аргентине приход и уехал в Буэнос-Айрес. Вокруг отца Сергея народ вообще группировался, с ним искали общения, народ тянулся на горку. Горкой полярники называют место, где стоит храм, причем горка эта носит имя Ирины. Почему – я не знаю, так на картах отмечено: гора Ирина.

– *А с полярниками как вы нашли общий язык? Какие они вообще – полярники?*

– Есть много аспектов, о которых я могу рассказать, есть несколько категорий – многие пытались этих людей классифицировать, скажем так. Бывают случайные люди, которые разочаровываются, не уживаются, уезжают и больше никогда не возвращаются. Бывают те, кто приезжает один раз, получают то, за чем приехали, и тоже больше не возвращаются, но вспоминают это все с благодарностью за прожитое. Бывают разные неприятные случаи, когда люди начинают конфликтовать и уезжают, чуть ли не проклиная все на свете, и тоже в Антарктиду больше никогда не возвращаются. А есть категория людей, которые ходят из года в год или с какими-то интервалами, возвращаясь туда снова и снова. Кто-то назвал это вирусом Антарктиды: побывав там, не избавишься от него никогда. Я приставала к полярникам с этими вопросами, приставала к очень многим, но, наверное, было бы уместнее рассказать словами их самих.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Вот, например, дядя Саша Калинин, повар, рассказывал мне о том, что это все равно как семья. Мы собираемся на зимовку, и ты знаешь того, сего знаешь, и каждый раз ты рад, что вы собрались вместе, рад, что вместе проживете кусочек этой жизни. Это очень размеренная жизнь с постоянным графиком, который поделен на свои отправные точки. Кто-то считает зимовку банями – один раз в неделю: сколько бань осталось до конца зимовки. Кто-то считает воскресными яичницами, потому что яйца быстро заканчиваются, их экономят, готовят яичницу раз в неделю по воскресеньям. Каждый день – завтрак, обед, ужин: это режим жизни. Вся работа – тоже монотонна, рутинна, это не великие открытия каждый день и не какие-то научные свершения – это в общем-то процесс наблюдения, непрерывного, постоянного, монотонного наблюдения за погодой, за температурами, за водой, за льдом, за природными явлениями. С одной стороны, это ученые: метеорологи, аэрологи, геофизики, магнитологи. С другой – есть люди, которые обеспечивают станции: врачи, радисты, системные администраторы, повара, дизелисты, механики-водители. И это тоже постоянное, рутинное поддержание жизни, потому что ветра, потому что низкие температуры, потому что все постоянно ломается. В общем, это ритм, в который человек входит и за год к нему очень привыкает. Тоже, наверное, сродни монашескому ритму жизни.

– Когда я попал на Афон, он мне чем-то напомнил Антарктиду, с той лишь разницей, что на ней станции, а там – монастыри...

– Да, полярная республика: на каждой станции свой устав, каждая станция похожа на страну,

которой она принадлежит. Так вот, о семье. За год казалось, что ты узнаешь человека до конца, все знаешь про его близких, про его семью, про его жизненную историю, и все байки ты слышал по миллиону раз и все его недостатки знаешь, знаешь, где на него можно положиться, а где нельзя. Мы уезжаем на Большую землю, а через год возвращаемся и радуемся друг другу как семье, что мы в нее вернулись – это наша вторая семья, наш второй дом. Потом у меня был второй герой – Володя Смирнов, эколог, который долго пытался в Антарктиду попасть. Попал и дальше все четные экспедиции – его. И он говорит: если считать домом место, где ты проводишь большее количество времени, то для меня дом – Антарктида, в Россию я выезжаю в отпуск. Все рассказывают по-разному. Кто-то рассказывает, что здесь нет проблем, какие есть на Большой земле, мы не сталкиваемся с какими-то постоянными житейскими неурядицами, которые надо решать, и это тоже привлекает: вот твоя койка, вот твой стол, вот твой дом, твоя кают-компания, утром завтрак, днем обед, вечером ужин – у тебя не болит голова об этом, ты занят своим делом. Но я считаю неправдой, что только это ведет туда людей, не может так быть. Часто говорят про деньги – да, безусловно, финансовый стимул. В Антарктиде редко встретишь москвичей, там полярники в основном из регионов, многие из Петербурга, и там, в регионах, найти такую зарплату, как в Антарктиде, хотя она не слишком высокая, но найти и такую там сложновато. Но опять-таки я многих людей спрашивала, и многие говорили мне, что я нашел бы в Питере работу себе еще и не за такие деньги, и предложи мне за большие

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

деньги работать в Питере и за эти деньги работать в Антарктиде – я выберу Антарктиду, я не могу без нее жить, она меня тянет. Что тянет? Мне кажется, помимо всех вышеназванных причин есть что-то очень важное, без чего бы не тянуло. И это – открытость между людьми, очень простые и понятные отношения. Там каждого видно как на ладонке. Люди действительно учатся друг друга прощать, любить, учатся жить друг с другом вместе. Там все говорят про взаимопомощь и взаимовыручку, что без нее никуда.

Допустим, идет человек по каким-то своим делам, а другой человек занимается ремонтом тягача, ему чем-то нужно подсобить. Он окликнет проходящего: подойди, помоги! И тот, невзирая на то, куда он шел, подойдет и поможет, никто никому никогда не откажет. Соседи друг другу всегда помогают, можно занять картошку, топливо, пригласить друг друга на какой-то праздник, устроить баню, поход на рыбалку, и это такие простые, евангельские ценности, что, когда человек с ними соприкасается и понимает, что ими можно жить, он уже ничего другого не хочет искать, он находит в этом какой-то свой мир. Хотя, безусловно, нельзя сказать, что это такая благодатная зимовка, на которой все так хорошо. Нет, это все происходит через конфликты, через преодоления. Но все равно это главное – оно живое там. Люди забывают, что такое деньги, их нет в обиходе, между людьми не денежные отношения, и не деньги определяют политику жизни на станции. Безусловно, многое зависит от начальника, от коллектива; бывает, люди живут душа в душу и долгие годы

вспоминают об этом, а бывают такие зимовки, что превращаются в сущий ад. О них даже рассказывать страшно, да и не нужно, наверное. Они тоже есть.

– Наши полярники часто называют Антарктиду «Белой красавицей», «Белой невестой»...

– Да. Белая и чистая, с одной стороны, а с другой – горнило, потому что и ночь, и пурга, и холода, и изоляция – все это накладывает отпечаток на человека. Например, на «Беллинсгаузене» очень много низкой облачности, когда уходят все цвета, когда нет контрастности, когда все такое черно-белое вокруг и начинаешь реально скучать по живому цвету – это своего рода испытание. И у каждого что-то живое, с Антарктидой связанное. Да, конечно, всех потрясает и влечет эта первозданность, когда пингвины ходят у тебя под домом, как курицы во дворе. Ты первые несколько дней удивляешься, ахаешь, бегаешь с фотоаппаратом, а потом привыкаешь, и это все родное, свое – и пингвины, и котики, и тюлени. Я помню: засидишься, зазимуешься, заковыряешься в своих делах, потом раз вдруг – солнце, и все побежали: биологи – на свои точки, гидрологи. Вышел вдохнуть, что-то поснимать, просто прогуляться, вышел на Дрейк (пролив Дрейка. – Прим. авт.), и там этот простор, это солнце, там красотища: льды сверкают, слоны морские лежат, пингвины ходят. И ты стоишь и просто надышаться этим не можешь, и такая благодарность переполняет – Господи, как у Тебя все красиво, как хорошо! И тянет куда-то к небесам, стоишь и думаешь: Боже мой, вот же он, мир, вот же она, жизнь.

– Но ведь люди там, случается, гибнут. Счет погибших советских и российских полярников перевалил уже за сотню...

– Безусловно. Я объехала все кладбища в Антарктиде. Мне так этого хотелось, так об этом мечталось... Почему-то все погибшие в Антарктиде – в сердце очень родные. И так получилось, что, когда я стала собирать их фотографии, стала приходить в мою жизнь информация о них – кто как погиб. И случаев действительно очень много трагичных. Вообще, только русские хоронят в Антарктиде, других могил нет.

– Почему так происходит? Проблемы с транспортировкой? Ведь у каждого погибшего если не семья, то близкие...

– А знаете, я бы хотела быть похороненной на острове Буромского в Антарктиде. И, например, капитан Иван Ман и участник первой экспедиции Павел Синько завещали похоронить себя в Антарктиде, и туда привезли их прах и там развеяли. Поэтому все далеко не так однозначно. На острове Буромского покоится более сорока полярников, все они поминаются на литургии в храме на «Беллинсгаузене», и именно в их память этот храм и строился.

– Изначально, насколько я знаю, была идея поставить часовню, а решение о храме принял патриарх Алексий.

– Вообще, что касается идеи строительства храма, как она зародилась – я знаю несколько версий, у кого она возникла первой. И такое чувство, что она возникла одновременно у многих людей. Например, полярники – в том числе Олег Сахаров, начальник станции «Беллинсгаузен», – рассказы-

вали, что было время, когда станцию хотели закрыть, и полярники мечтали, что, если будет построен здесь храм, станция уже не погибнет.

– Каждая станция запомнилась чем-то своим?

– На каждой было что-то свое прожито, но если говорить о любимых, то, наверное, это «Беллинсгаузен», «Прогресс» и «Восток». «Прогресс» – потому что на нем было прожито больше, чем где-то еще, не считая зимовки, почти полтора месяца. Думаю, проживи я то же время на другой станции – она тоже была бы любимой и запомнившейся, потому что на каждой станции случается это погружение в ее традиции, в ее природно-погодные условия. На каждой станции свои достопримечательности. В «Мирном» – колония императорских пингвинов, остров Буромского – одно из моих любимейших мест в Антарктиде, а на «Прогрессе» – оазис, Холмы Ларсеманн, по которым можно гулять белыми ночами. О появлении в Антарктиде оазисов ученые спорят до сих пор. Это места, где можно встретить какую-то растительность в Антарктиде: мхи, лишайники. И это места, на которых очень удобно строить станции, потому что там есть выходы коренных пород. Иными словами – проталины. Что-то подобное происходит на ледовом материке, как следует из рассказа Ольги, и с душами: они оттаивают для иных, подлинно человеческих взаимоотношений. И православная, из алтайской лиственницы и сибирского кедра церквушка на антарктическом холме Ирина олицетворяет этот переход, а Ольга Стефанова – свидетельствует о нем как о собственном опыте *перемены ума*. Потому-то и «трудно отпускает Антарктида». Да и отпускает ли вообще «Белая невеста»? 🍷

В РАЙСКОМ РОЗОВОМ САДУ

АВТОР

ИРИНА ШЕВЧЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

НЕДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ, ТАМ, ГДЕ СЛИВАЮТСЯ КЛАЗЬМА И ВОХНА, ЕСТЬ НЕБОЛЬШОЙ ГОРОДОК, В КОТОРОМ ДАЖЕ ЗИМОЙ РАСПУСКАЮТСЯ ПРЕКРАСНЫЕ РОЗЫ, ПИОНЫ И ХРИЗАНТЕМЫ.

НЕТ-НЕТ, ИМ ВО ВСЕ не уготована печальная судьба увянуть через пару недель на холодных подоконниках в домах местных жительниц. Своих хозяек эти великолепные цветы радуют долгие годы. И не только в Павловском Посаде, где вот уже 220 лет делают известные на весь мир платки.

ПОЧЕРК МАСТЕРА

При слове «производство» в воображении обычно возникает образ огромного серого здания-коробки, заполненного унылыми людьми, стоящими у конвейера. В Павловском Посаде все иначе: фабрика, на которой выпускаются знаменитые платки, – это нарядный красно-белый дом, никак не ассоциирую-

щийся с понятием «мануфактура». Ну, что ж, начало неплохое, а вот что мы увидим внутри? Как обычно – скучные цеха и усталые лица?

Оказалось, и здесь предчувствия нас обманули. Когда мы добрались до мастерской художников, где начинается жизнь любого павловопосадского платка, то услышали из-за двери взрывы заразительного смеха...

Сегодня в мастерской работает всего лишь десять человек, только один из которых – представитель сильного пола: за-

Нарядное здание павловопосадской фабрики

Наставница
и ученица

служенный художник России и главный художник фабрики Виктор Иванович Зубрицкий. А ведь еще в начале прошлого века все было иначе. Тогда считалось, что только мужчина сильной, уверенной рукой может создать четкий рисунок для платка, так что слабый пол на мануфактуре не жаловали. Теперь все иначе: большинство художников – женщины. Именно они ежедневно корпят над созданием кроков – рисунков-шаблонов для будущих платков. Среди художниц в мастерской царит оживление: приехал фотограф! Из Москвы! И значит, нужно показать себя и свои работы во всей красе! И пока веселые красивые женщины прихорашиваются и горделиво позируют перед фотокамерой моего коллеги, Виктор Иванович, беззлобно посмеиваясь над своими подопечными, рассказывает про жизнь-бытие павловопосадских мастеров. Он говорит, что художники приходят сюда сами – по зову сердца. Они приезжают из разных уголков страны и, если удастся продержаться на работе хотя бы недолгое время, остаются здесь навсегда. Какие бы учебные заведения они ни оканчивали, всем все равно приходится переучиваться. «Нужно почувствовать старинную павловопосадскую традицию, прожить ее внутри себя, – объясняет Вик-

тор Иванович. – Нужно создать свой собственный почерк». Но и здесь действует непреложный закон: опытные мастера всегда помогают начинающим художникам, «ставят» правильную технику. Вот, например, и сейчас в мастерской работают две девочки-стажерки, недав-

Виктор
Иванович
со своим
шедевром –
Житие Василия
Грязного,
запечатленное
на платке

но пришедшие на фабрику. На огромном ватмане они кропотливо и старательно выводят простыми карандашами цветы, а их наставницы строго поглядывают: все ли стажерки делают правильно? Ведь для того, чтобы получился шедевр, который позже расцветет на платке сказочными узорами, недостаточно нарисовать несколько цветочков по углам квадрата. Павловопосадский рисунок создается по определенным канонам, и подобной технике учатся годами друг у друга. Так традиция изготовления знаменитых шалей Павлов-

Знак чистоты и благочестия

В Средневековье на Руси женщина не могла появиться на людях «простоволосой» – это считалось постыдным. Платок являлся символом женской чистоты и смирения. Ношение головных уборов превратилось в традицию: в зависимости от времени года подбирался определенный цвет платка – в Великий пост в знак траура по Христу надевали черный, после Пасхи – ярко-красный, а в день Святой Троицы предпочтение отдавали зеленому. Строго различалась и манера ношения головных уборов девушек и замужних женщин. Последние закрывали волосы полностью. Прародителем платка, известного только с XVII века, был убрус, который носили еще за пять столетий до этого. Убрус представлял собой простое льняное полотенце, украшенное кружевом и традиционной вышивкой цветов или птиц. Его надевали поверх специальной мягкой шапочки – подбрусника, который надежно прятал волосы от посторонних глаз. Первые роскошные шали попали в Россию после Отечественной войны 1812 года. В начале XIX века интерес к ним у наполеоновской знати был необычайно высок: сам император дарил своей супруге Жозефине кашемировые шали тончайшей работы, каждая из которых стоила целое состояние. Наиболее обеспеченные аристократы брали с правителя пример и тоже приобретали «кашмиры». Столь роскошный дамский аксессуар был по достоинству оценен и русскими модницами. Мода на тонкотканые кашемировые шали не знала границ. Не останавливало ни то, что на их изготовление уходило несколько месяцев, ни то, что стоили они огромных денег. Поговаривают, например, что такая шаль была самым дорогим предметом из всего приданого Натальи Гончаровой. Все изменила промышленная революция. В начале XIX века француз Жозеф Мари Жаккар представил на суд публики свою машину для вязания, ныне известную как жаккардовый ткацкий станок. Это изобретение несколько удешевило процесс изготовления шали. Чуть позже стали применять технологию набивного рисунка: изготавливались специальные формы, которые обмакивались в краску, прижимались к полотну, и узор отпечатывался на ткани, для удобства разрезавшейся на квадраты. В это время Павловопосадская мануфактура и налаживает производство своих легендарных платков.

ского Посада не прерывается десятилетиями и передается из поколения в поколение.

Сложно представить, сколько платков нужно создать, чтобы стать настоящим мастером. Как говорят на самой фабрике, собственный почерк мастер вырабатывает лишь годам к сорока. При этом теряется этот почерк мгновенно, поскольку требует постоянной, фактически ежедневной практики. Художницы уверяли, что если какой-то мастер переходит на другое место работы, то довольно быстро разучивается писать в павловопосадской технике. Идеи новых узоров вынашиваются довольно долго. Своеобразная «норма» на фабрике – шесть кроков в год. Действительно не густо, зато понятно, почему каждый платок становится шедевром. При этом каждый новый узор обсуждается на художественном совете предприятия, где и принимается решение: быть новому платку или нет?

Можно не задавать вопрос, откуда художники черпают вдохновение. Конечно, в родной природе. Причем идея нового узора может прийти в голову совершенно неожиданно. Вот, например, художница Татьяна Сухаревская однажды гуляла в Царицыне, и вскоре его архитектурные мотивы появились на кроке нового палантина. А другая ее коллега как-то залюбовалась на улице рябиной и решила украсить шаль яркими красными гроздьями. Красота получилась!

Одна из самых трудных задач для художников – восстановление утраченного рисунка. Как объяснила Татьяна Сухаревская, мастеру дается старинный павловопосадский платок либо его фрагмент или картина с изображенной на ней укутанной в шаль русской красавицей. И вот по таким «образцам» нужно создать копию, сохранив при этом уникальные колоритные особенности. Кропотливо прорисовывается деталь за деталью, подбираются максимально близкие к оригиналу цвета... Так созданному, к примеру, лет сто назад платку дается новая жизнь.

В небольшом музее фабрики хранятся даже столетние шали

НЕ ЖЕНСКОЕ ЭТО ДЕЛО!

А напротив мастерской – вход в небольшой фабричный музей, в котором художники тоже ищут вдохновение. Здесь рядом с современными платками в толстых деревянных застекленных рамах висят огромные, размером 2 метра, уже поблекшие от времени раритетные купеческие шали позапрошлого столетия. Сейчас платки таких размеров уже не производят – непрактично! Нынешние модницы предпочитают более компактные варианты.

Нас заинтересовали массивные узорчатые плиты на старинных досках. Как объяснил помощник директора по связям с общественностью Евгений Обухов, эти детали – как раз тот самый главный «ингредиент», без которого раньше, до внедрения на

мануфактуре машинного производства, изготовление знаменитой шали было невозможно. Такие тяжелые серо-черные пластины были двух видов – «цветки» и «манеры». Именно с их помощью одноцветное шерстяное полотно превращалось в яркий, цветастый платок. На такие формы переносился рисунок, созданный художниками. «Цветками» на ткань наносились краски по узору, а «манером» набивался контур на платке. Изготовить «манеры», кстати, было довольно сложно: сначала на дереве выжигался узор, который затем заливали свинцом. Когда «цветы» и «манеры» нового узора были готовы, можно было приступать к нанесению рисунка на платок. Тогда расстилался огромный кусок одноцветной ткани, так ска-

Те самые «цветки» и «манеры»

зять, «заготовка» платка, вокруг него расставлялись емкости с красками. Работники мануфактуры обмакивали «цветы» и «манеры» в краску и с силой ставили «печатать» на нужном месте. Затем бежали за новой порцией краски, а если было нужно, то и за новой формой. Каждый цвет и каждый узор печатались с помощью отдельной доски, количество которых порой составляло несколько десятков! Всего же, по подсчетам специалистов, для создания одного платка таким способом приходилось ставить на ткань до 400 «печатей»! Вот потому-то, говорит Евгений Обухов, в печатном цехе раньше, как и в мастерских художников, работали только мужчины. Женщине «печатать» платки было просто не под силу.

И СКОМНОСТЬ, И БОГАТСТВО

Для создания первых павловопосадских платков использовался цветочный рисунок, а настоящим символом мануфактуры стала столь необычная для русских крестьян роза. Кстати, роза и по сей день сохраняет свое первенство среди всех павловопосадских узоров, не уступая лидерство даже невероятно модным восточным огурцам – «пейсли». Популярность прекрасного цветка в дореволюционной России была неслучайна: она связана с традиционным крестьянским мировосприятием и мечтами о сказочной и безбедной стране Муравии, в которой на изумрудных полях и лужайках волнуется море распустившихся благоухающих роз. Впрочем, павловопосадская мануфактура была известна и до

Изначально на фабрике работали только мужчины

того, как здесь начали изготавливать знаменитые шали. Еще в 1795 году зажиточный крестьянин Иван Лабзин открыл в Павловском Посаде фабрику по выпуску шелковых платков. А в середине XIX века его правнук Яков Лабзин в партнерстве со своим шурином и другом, бывшим раскольниковым Василием Грязновым начинают выпускать шерстяные платки с красочным набивным рисунком. Для того времени технология производства была необычайно сложной и замысловатой, но все же обходилась гораздо дешевле, чем ручная вязка или ручная роспись платков. Придуманные художниками мануфактуры красочные цветочные узоры принесли платкам невероятную популярность. Их начали продавать на ярмарках, и даже не самые богатые люди могли позволить себе купить матери, жене или дочери новый красивый платок. Фабрика процветала, Василий Грязнов стал купцом 1-й гиль-

дии, но не раз порывался оставить дело и уйти в монастырь. Он был очень популярен в народе, благодаря своей благотворительной деятельности. При фабрике была открыта богадельня на 60 человек и больница, за счет производства содержалось несколько школ. Вместе с Лабзиным Грязнов, переписывавшийся с митрополитом Московским Филаретом, вынашивал идею создать монастырь на фабричной земле. Но в 1869 году он умер. Проводить его в последний путь собрались тысячи людей, а вскоре на его могиле стали происходить чудеса исцеления. В 1999 году Василий Грязнов был канонизирован Русской православной церковью в лике местночтимого святого Московской епархии как праведный Василий Павловопосадский. И это, пожалуй, едва ли не единственный случай, когда купец и создатель мануфактуры оказался причислен к лику святых.

Как выживала традиция

Цветастые павловопосадские платки имели огромный успех: их носили и крестьянки, и купчихи, и мещанки, и даже аристократки. Между прочим, предприятие Грязнова и Лабзина являлось официальным поставщиком царского двора! И даже после того, как в стране установилась советская власть, мануфактура, так приглянувшаяся императорской фамилии, продолжала жить. Фабрику национализировали, переименовали в Старопавловскую, а имена создателей производства всеми способами старались предать забвению. Так, над Василием Грязновым, которого в 1919 году православная церковь хотела, но не успела канонизировать, устроили даже показательный посмертный суд. А чуть позже даже сняли фильм, где он был представлен как мироед и разбойник, наживающийся на своих рабочих.

В советское же время расширилась и линейка платочных рисунков: наряду с традиционными цветочными узорами печатались совершенно неожиданные пропагандистские композиции, прославляющие революцию, а чуть позже – успехи коллективизации и индустриализации. Однако знаменитые розы по-прежнему оставались визитной карточкой фабрики, а лучшими художниками считались те, кто пришел сюда работать еще до 1917-го.

Следующий переломный момент наступил в 1941 году. С началом Великой Отечественной войны фабрика стала работать на нужды фронта, вместо платков здесь изготавливали ткань для плащ-палаток. Возродился платочный промысел лишь к 1945 году, но и тогда появившиеся шали, сделанные не из чистой шерсти, а из ее смеси с хлопком, с простым рисунком в клетку, не могли конкурировать с довоенными шедеврами. Стране тогда было не до красоты.

И все же именно в это тяжелое для страны время появилась целая плеяда талантливых художников, годы учебы которых совпали с годами войны. Именно им чуть позже и было суждено возродить платочный промысел.

В середине XX века производство стало действительно массовым, ручная набивка начала вытесняться фабричной. Громоздкие деревянные формы для печати рисунков ушли в прошлое, на смену им пришли новые технологии, позволяющие создавать множество платков за одну рабочую смену. С той поры способ производства претерпел мало изменений.

Разноцветный
конвейер

ПУТЬ ПЛАТКА

В производственном цехе стоит оглушительный шум: здесь десятки ткацких станков превращают желтоватые шерстяные нити в полотно для будущих платков. Кстати, пряжу, поступающую на фабрику, перебирают руками, смотрят, чтобы в производство не попало ни одного черного волоска: иначе ткань может быть испорчена.

Затем сотканые длинные полосы шерстяного полотна перевозят в следующий цех, где ткань отбеливается. Кремово-желтый оттенок исчезает, а полотно становится белоснежным. Именно на такую ткань наносятся знаменитые павловопосадские узоры. Несколько видов обработки, промывка – и нанесенный цвет в точности соответствует шаблонному, задуманному художником!

Когда одобренный художественным советом рисунок прини-

мается к печати, его передают в руки колориста и технолога, которые подсчитывают количество оттенков и определяют, сколько шаблонов понадобится для одного платка. Для печати каждого отдельного цвета требуется новая форма, то есть количество будущих шаблонов совпадает с количеством красок на будущей шали или палантине. Колористы по шаблонам подбирают цвета, смешивают в огромных емкостях в нужных

Во время печати
платка нужно
быть предельно
внимательным

Платок уже
почти «созрел»

пропорциях краски, и каждая новая партия платков по цвету и рисунку в точности совпадает с замыслом художника. Любое отклонение считается браком.

И вот мы в печатном цехе, где простая ткань превращается в прекрасный платок. Работники цеха, как и в прежние времена, в основном мужчины. Они расстилают длинное белое полотнище на бесконечном столе, устанавливают первую форму и наливают необходимую краску в соответствующее отделение, после чего специальный ролик-ракесть за считанные секунды прокатывается по ткани и оставляет на ней отпечатки одного-единственного цвета. Затем операция повторяется – с новыми красками и новыми шаблонами. И после успешного цикла таких вот «прокатов» разных форм, наполненных разными красками, появляется целая партия одинаковых платков.

Теперь цвет необходимо закрепить на ткани. Как рассказывает Евгений Обухов, в некоторых семьях павловопосадские платки передавались из поколения в поколение – от матери к дочери, причем цветы и узоры на них не выцветали. А все потому, что широкие ленты ткани с отпечатанным рисунком отправляются в «зрельник», где при высоких температурах (в этом цехе работники в любое время года ходят в легких халатах и шортах) будущий платок обрабатывается паром и специальными растворами. После чего краска крепко-накрепко фиксируется на ткани, а цвета становятся ярче.

НЕЗАМЕНИМЫЕ РУКИ

Но без ручной работы, как и много лет назад, на фабрике все-таки не обходятся. Конечно, машинное производство заметно облегчило изготовление платков, однако полностью заменить труд человека оно не может: прежде чем попасть на прилавок, готовые платки обрабатываются вручную.

В этих цехах – женское царство. Здесь шерстяные полотнища разрезают на отдельные платки, убирают лишнее и на широких столах тщательно проглаживают. Теперь можно приступать к самой загадочной операции...

Всем известно: неповторимый облик павловопосадской шали придают не только яркие узоры, но и обрамляющая платки причудливая бахрома. Мастерицы вручную обвязывают края самых больших и роскошных шалей шелковыми или шерстяными нитями, причем делают это настолько искусно и ровно, что с ними не может сравниться ни одна машина. Между прочим, процесс такой обвязки весьма не-

Плетение бахромы – своего рода искусство

прост: на одну шаль у опытных мастериц уходит не менее двух часов.

Кстати, в Павловском Посаде немало женщин могут связать такую бахрому, это умение передается из поколения в поколение по женской линии уже не один десяток лет. Например, зимой, когда работы по хозяйству становится меньше, а спрос на теплые шерстяные шали возрастает, обвязка платков в горошке и окрестных деревнях становится особенно популярным способом дополнительного заработка. Обвязка бахромой – самая последняя операция, после завершения которой можно смело называть платок готовым.

Последние приготовления: вскоре у каждого нового платка появится своя хозяйка

Где только не увидишь сегодня знаменитые павловопосадские шали и платки! Они популярны не только в России, но и за рубежом: редкий приезжающий в нашу страну иностранец не стремится увезти домой настоящий расписной русский платок. Кстати, за границей павловопосадские узоры хорошо известны. Многие мировые дома моды не раз обращались к стилю *a la russe*, используя в качестве основного мотива дизайна именно павловопосадские платки или узоры. Да и отечественные дизайнеры не обходят платки вниманием. Художники фабрики особо гордятся тем, что, например, Вячеслав Зайцев нередко создает целые коллекции на тему павловопосадских платков. Модельер, кстати, использует шали и в готовом виде – так произведения мастеров из Павловского Посада оказываются на подиумах. Правда, одно печалит мастеров фабрики: как же можно живую шаль изрезать! У нее ведь есть своя душа, пришедшая из сказочного райского сада страны Муравии и воплотившаяся в павловопосадском платке...

КАЛУЖСКАЯ ОТЧИНА

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ДРЕВНИЕ ОБЕРЕГИ, ДИКОВИННЫЕ И ШУТЕЙНЫЕ ВЕЩИЦЫ, ВЫШЕДШИЕ ИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДМЕТЫ БЫТА... ВСЕ ЭТИ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ВЕЩИ МОЖНО УВИДЕТЬ В УНИКАЛЬНОМ МУЗЕЕ, СОЗДАННОМ СОБИРАТЕЛЕМ СТАРИНЫ И ЭКСПЕРТОМ ПО КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РФ СЕРГЕЕМ ИВАНОВИЧЕМ НЕЛЮБОВЫМ.

УНИКАЛЕН МУЗЕЙ ЕЩЕ и тем, что находится в экопоселении – деревне XXI века, состоящей из родовых поместий. Созданное Сергеем и его супругой Маргаритой экопоселение Родное хоть и находится в 35 километрах от Калуги, отрезано от внешнего мира лесным бездорожьем. Проехать сюда мож-

но только в сухую погоду. Ну а у Сергея Ивановича есть вездеход, созданный в свое время для мобильных медотрядов и прошедший боевое крещение в Афганистане. В случае чего и водную преграду преодолеть сможет.

Помимо поместья Нелюбовых в Родном еще 10 усадеб единомышленников. Все сооружения

в хозяйстве Нелюбовых – бревенчатые срубы. Даже гараж и собачья будка добродушного гиганта Булата – и те деревянные. По границе усадьбы стоят резные дубовые столбы. Березовую аллею украшают дореволюционные литые скамьи – их чугунные элементы подняли со дна реки Оки, а Сергей Иванович восстановил дубовые сиденья. Никаких электрических столбов – электропитание обеспечивают солнечные батареи. На фасаде дома Нелюбовых укреплен большой плакат с фотографией родителей. И надпись: «Родина начинается с родителей». Здесь трепетно относятся к предкам. И музей Нелюбовых посвящен прародителям, называется он «Вотчина», то есть «отчина» – наследие, оставшееся от отца.

КОПОУШКА, ЛЕВ И ДИНОЗАВР

Музей уместается в небольшом рубленом домике, но экспонатов, кажется, здесь хватит на несколько музеев. Начинается экспозиция с оберегов вятичей X–XII веков. Искусно выполненные подвески в виде ложечки – символа достатка, гребенки – символа чистоты, конька – символа счастья. Такие обереги носили в древности женщины, прикалывали их на одежду в области сердца или прикрепляли на арочные подвески в волосах – уши тогда не прокалывали, а вплетали украшения в прическу или очелье. Мужчины на кожаных по-

ясах носили воинские подвески-символы: топоры, ножи, медвежьи зубы... А вот привеска с изображением странного животного с гривой, вокруг которого в узоры орнамента вплетены три большие буквы «ЛЕВ». А вот кольца-обереги со свастичными знаками и сложнейшим серебряным плетением – великолепные памятники ювелирного искусства древнерусских мастеров.

«Эта вещь не имеет прямых аналогов и потому уникальна, – показывает Сергей Иванович странную подвеску, напоминающую изображение лох-несского чудовища. – Соллярные знаки на ней русские,

Транспортер переднего края (ТПК) достался хозяину «Вотчины» от рязанских десантников

Кованый ключ с секретом – передвигающейся вдоль ключа гайкой

нет никаких сомнений, что это – оберег наших предков. А само животное очень похоже на одну из разновидностей динозавра».

Одна из самых интересных частей экспозиции – древние замки. Просто поражаешься, какими же изобретательными были в старину мастера. В ключах X–XII веков используется не современный поворотный принцип, а отжимание пружины. Это сложный механизм, основной элемент которого – система расходящихся пружин, фиксирующая засов либо дужку. Сергей Иванович утверждает, что отмычку для такого замка сделать почти невозможно, нет никаких находок подтверждающих, что их вообще пытались вскрывать. Более поздние, поворотные ключи также делали с остроумными секретами. Здесь и простые хитрости, защищающие сундук бабушки от внука, – вряд ли кто-то из детей додумается раскрутить гайку на ключе, чтобы суметь открыть им замок. А небольшой кованый замок для ларца в виде лошадки сам по себе произведение искусства. При этом замок выдерживает нагрузку в полтонны, а как открыть его, даже имея в руках ключ, никто из тысяч посетителей музея пока так и не догадался. Есть в коллекции и замочный «жук»: его вставляли в замочную скважину и блокировали таким образом возможность вставить в замок любой ключ или отмычку. «К числу музейных диковин относится коллекция миниатюрных ложечек для чистки ушей от серы с говорящим названием «копоушки», – показывает Сергей Иванович стенд с причудливыми предметами из бронзы и кости. – Другие бытовавшие названия: уховёртки, ухокóпки, чистоушки, вертоушки, ушники... Пользовались ими поголовно все и в деревне, и в городе – у одних копоушки были из серебра, у других из меди, кости. Копоушку часто носили на цепочке рядом с крестиком, а иногда и на поясе. А на

этой копоушке отлита шестистрочная надпись: «Пояс игумена Офонася исп. (исповедника)...» – то есть она висела на поясе игумена Афанасия, жившего в XIII–XIV веках. Самые древние копоушки в коллекции датируются X веком».

В шутку Сергей называет себя «главным копоушечником» России. Уже более двух десятков лет он собирает и изучает эти предметы. Многие исследователи и коллекционеры не раз обращались к нему за консультацией. Он даже написал книгу «Большие тайны маленькой копоушки». Правда, издать ее пока не удастся – появляются все новые и новые находки, требующие делать дополнения и уточнения в работе.

Копоушки. Экспонаты, отобранные из нескольких сотен копоушек, – самые изящные и редкие экземпляры

Ковш-долгоруk – необходимая вещь при варке пива в тысячелитровых чанах

«ЧАЮ КУШАТЬ – ХОЗЯЙКУ СЛУШАТЬ»

Коллекция предметов домашнего обихода XVIII–XIX веков весьма разнообразна: светец с лучиной, похожие на секиры сечки для шинкования капусты и моркови, большая ступа для зерна, дубовая домашняя мельница, ухват на колесиках для выкатывания двухпудовых чугушков из печи, приспособление для быстрой посадки саженцев в лесу «ямкорылец» – предшественник «меча Колесова». Сделанные без единого гвоздя деревян-

ные грабли для сена настолько удобные и легкие, что хозяйка музея Маргарита порой использует их по прямому назначению: современные аналоги часто ломаются, да и работать ими несравнимо тяжелее. Внутренне смотрится почерневший «долгоруk» – гигантский деревянный ковш с длинной рукоятью. В XIX веке в деревнях варили пиво в огромных глиняных чанах – «кубовиках» на тысячу литров. Из-за сильного жара во время варки подойти к чану близко было невозможно.

Пробовали варево, а также добавляли нужные ингредиенты, используя вот такой долгоруk. Ковш сохранился в идеальном состоянии, без единой трещинки – вырезан он из цельного куска березы, а сам черпак не что иное, как комель дерева. Сергей Иванович обращался к резчикам с просьбой сделать копию такого долгорука для друзей. Но современные мастера только развели руками. Сказали, что в старину для такой работы заготовку сначала особым образом вываривали – иначе ковш

Гири XVIII века с гранеными «юбками» и отметками-ямочками для слабовидящих людей

обязательно треснет. А технология вываривания, к сожалению, утрачена.

В былые времена гостей встречали хлебом-солью на особом подносном блюде. В музее есть такие блюда из липы, на которых вырезаны хлебные снопы, коса и цеп – знаковые фигуры крестьянской культуры. Окаймляют блюда пословицы: «Ржаной хлебушка – калачу дедушка», «Чемъ хата богата, темъ и рада», «Чаю кушать – хозяйку слушать».

О самоваре, стоящем на низенькой табуретке, Сергей Иванович рассказывает с особым трепетом: «Чтобы разжечь самовар, его иногда выносили из избы на улицу. Ставили на небольшой фигурный табурет, изготовленный специально для розжига, а затем при помощи сапога или самоварной трубы раздували огонь. Так вот этот табурет – вещь редчайшая, я нигде больше ничего подобного не видел. Даже опытные музейщики не знают, что такое табурет для розжига самовара».

А еще в музее хранится обширная коллекция памятников русской метрологии. Всевозможные гири – даже петровских времен, на некоторых из них стоят отметки для незрячих людей – ямочки, соответствующие весу. Собраны все меры объема

жидкостей, включая редкий «мерзавчик» – 1/200 ведра, «малороссийские пурки» для пшеницы и ржи, русский складной фунт из 96 золотников и много-много всего другого.

«В любой национальной культуре есть нечто такое, что можно считать ее визитной карточкой, ее символом. В Калужском крае это в полной мере относится к традиционным безменам, – показывает Сергей Иванович не-

Табурет для розжига самовара – один из самых любимых экспонатов создателя музея

что, напоминающее богатырские булавы. – Конструкция этих ручных весов проста и оригинальна. На одном конце у них многогранная латунная гиря, далее деревянная точеная рукоять, переходящая в бронзовую вагу со шкалой делений и крюком на конце. На крюк подвешивали продукт и уравнивали безмен на кожаном ремешке или веревке, перемещая ее по градуированной шкале. По своей форме калужский безмен очень напоминает булаву, что делает предмет могучим и красивым. Наверное, поэтому на гири некоторых безменов часто встречаются глубокие вмятины и даже пробоины – следы использования не по назначению. Ими можно было не только взвесить, но, при необходимости, и «отвесить». Характерно, что на местных безменах на каждой из четырех боковых сторон гири выгравированы место и дата изготовления. Например: «Калуга – 1818 года – марта – 24 дня». В других регионах страны тоже использовали сходные по конструкции безмены, но их форма отличалась. Калужский же безмен с конца XVIII до середины XIX века отличал особый почерк, в котором сочетались классическая простота формы, самобытность и роскошь украшения гири орнаментами, рисунками и надписями. В ходу старинные безмены были до середины XX века. Некоторые деревенские бабушки, от которых я получал эти экспонаты, пользовались ими даже в послевоенные годы».

Показательно, что, когда в 2002 году Владимир Путин впервые приехал на Калужскую землю как президент страны, ему вручили вот такой безмен – как символ края. Ну, и как символ равновесия, баланса и стабильности. Власти области обращались за помощью к Сергею Ивановичу, и он подыскал для президента достойный экземпляр.

Есть в музейной коллекции совсем маленький безмен, для взвешивания чая и специй, раз-

борный безмен, который можно положить в карман и взять с собой на рынок. Есть и внушительный деревянный, вырезанный из комля березы, в виде... фаллоса. А найден сей забавный безмен был в деревне Мошонки...

В музее хранится и целая коллекция шутейных вещей: четырехчастный сосуд-графин, из которого так просто не выливается содержимое; шаровидный графин для водки, в котором вместо жидкости видно лишь огромное яблоко; колокольчик, на вид почти неотличимый от трехфунтовой гири. Хотя, быть может, гирька-колокольчик не только шутейный, но и обережный предмет. С давних пор на Руси укрепилось в сознании, что колокольный звон очищает пространство от нечистой силы. И необязательно колокольный – любой звон. Вот купец и звонил этой гирькой в лавке, чтобы в его дело никакая нечисть не мешалась. Для этих же целей, видимо, сделаны и кольца-бубенчики на кочерге. Народное поверье утверждало, что черт может пролезть в дом через трубу. Поэтому, открывая топку и орудия кочергой, звенели бубенчиками, отпугивая черта.

А вот изящную колбу-мухоловку, думаю, многие и сейчас хотели бы занять у себя в хозяйстве. Но, увы, таких уже более ста лет не делают. В музее мухоловка выполняет сразу две функции – и экспозиционную, и практическую. Удивительно, что насекомые туда попадают даже в отсутствие приманки-варенья. На отдельном столе собраны вышедшие из употребления предметы-головоломки, назначение которых хозяин предлагает отгадать посетителям. Сколько ни бились, ни одного мы так и не разгадали. Были близки к разгадке только тогда, когда обсуждали предназначение большого чугуна жука с рогами. Сто лет назад такой жук лежал в прихожей едва ли не в каждом доме – об него снимали галоши. Тогда ведь на любую обувь надевали галоши – на вален-

Сергей Иванович объясняет разницу между боевым (в правой руке) и рабочим (в левой руке) топором

Сырная кнопка. Такие предметы бытовали повсеместно и сохранились в разных вариантах исполнения

ки, ботинки, даже на женские туфли. Сергей Иванович с давних пор использует «галошно-го жука» по прямому назначению – сапоги на нем снимает. Говорит, очень удобно. Из других головоломок сразила большая красивая серебряная кнопка. Оказывается, с ее помощью в старину разрезали сыр. Раньше сыр покупали большими

головками, покрытыми жирной восковой оболочкой. Считалось, что трогать сыр руками негигиенично. Поэтому в головку в качестве упора для пальцев вставляли специальные сырные кнопки и только после этого резали.

Есть в музее экспонаты, над которыми ломают голову даже специалисты. Например, полая уточка из черной глины с отверстиями в клюве и хвосте. Датировается она XVI–XVII веками. Эксперты долго не могли понять предназначение уточки, пока коллекционер Михаил Суров из Вологды не нашел в рукописях одного из монастырей Вологодчины описание этого предмета. Назначение оказалось действительно уникальным: через отверстие в хвосте всасывали ртом воздух, собирая таким образом клювом уточки талую воду с подоконника...

МУЗЕЙ НАЧИНАЕТСЯ С КОЛЛЕКЦИОНЕРА

В доме у Нелюбовых выставка продолжается. Отдельные экспозиции посвящены рукоделию, пуговицам, наперсткам, предметам письменности. Последняя коллекция экспонировалась на международной выставке «В начале было слово», посвященной 1150-летию славянской письменности, которая проходила в 2013 году в Москве и Братиславе, а в 2014 году в Праге. В каталог выставки попали 52 экспоната из «Вотчины»: футляр для чернильных орешков-галлов, книжные застёжки, средневековые подвесные чернильницы, перовник – футляр для гусяного пера, древнерусские писала, которыми писали

на бересте и церах в X–XIV веках, и другие редкие предметы письменности.

– *Сергей Иванович, где вы берёте экспонаты для своих коллекций?*

– Почти все экспонаты местные, найденные на Калужской земле. Основной источник находок – чердаки и подвалы старых домов. Следующая категория – добыча старателей-речников, промывающих грунт на берегах Оки. Река эта с историей, берега ее крутые, за многие века туда смыло дождями бесчисленное количество мелких предметов, случайно оброненных во дворах, на улицах и огородах. Пополняют «закрома» музея и случайные находки, об-

Уточка из чернолощеной глины, с помощью которой в избах собирали с подоконника талую воду

«Галошный жук», возможно, скоро перестанет быть предметом загадкой. В последнее время появились новоделы для бытового использования

наруженные при проведении строительных и земляных работ на личных садовых участках, при сносе частных домов, выкапывании прудов, бассейнов. Как правило, это самые древние экспонаты. Какие-то вещи приходится покупать, какие-то обменивать, а какие-то я получаю в дар.

– *Когда вы начали собирать предметы старины?*

– Я 28 лет своей жизни прослужил на офицерских должностях в разных городах страны. Последнее место службы – Козельский район Калужской области. Там я и сделал свою первую находку – колокол. Точнее, нашли его мои солдаты на окраине одной из деревень во время учебных занятий и выкапывания окопов. Большой бронзовый колокол полностью врос в землю, и достать его оказалось непросто. Я распорядился отвезти находку в часть, но оттуда его вскоре потребовали убрать. Тогда колокол переехал на балкон нашей маленькой однокомнатной квартиры. В свободное время я расчищал находку от грязи, краски и голубиного помета – и чем дальше, тем становилось интереснее. Проступила первая надпись: «5п 13ф». Позднее узнал, что сокращение означает вес найденного колокола – «5 пудов 13 фунтов», то есть около 80 килограммов. Колокол сохранился в хорошем состоянии, с языком, звонил замечательно. Ну а потом жена поставила вопрос: «Либо я, либо колокол». Жить действительно было тесно, ведь у нас появился второй ребенок, а комната всего одна. В те времена, в конце 1980-х, возрождалась расположенная по соседству с нами Оптиная пустынь. Туда я и отдал своего любимца. Наместник обители иеромонах Евлогий в благодарность подарил мне «Толковую Библию» – уникальное издание в трех томах, напечатанное в Стокгольме к 1000-летию Крещения Руси.

Я полюбил колокола, но стал собирать экземпляры поменьше – поддужные колокольчики.

Многие из них очень интересные, с надписями, пословицами, поговорками. Я организовал в Козельском краеведческом музее выставку «Служить перестали, загадками стали», где помимо колокольчиков выставлялись оклады икон, калужские безменны и редкие почтовые открытки с видами Оптиной пустыни. И когда я увидел огонь в глазах посетителей, понял, что нужно продолжать. Тем более и мне такая работа давала новые знания, новый толчок к пониманию нашей истории и культуры.

– *И после этого вы стали искусствоведом?*

– Уволившись из рядов вооруженных сил, я решил получить второе высшее образование. Одно дело просто любоваться предметом и другое – его изучать и знать, как изучать. Я поступил учиться в Академию переподготовки работников искусства, культуры и туризма Министерства культуры РФ по специальности «искусствовед–специалист по антиквариату». Там преподавали лучшие в стране специалисты в разных областях искусствоведения. После обучения я некоторое время работал директором Музея истории УВД Калужской области, где получил хорошую практику и опыт работы. Проводил выставки, знакомился с краеведами, коллекционерами, искусствоведами. Однажды решил подготовить необычную выставку: собрать у калужских коллекционеров старинные предметы, найденные на берегах реки Оки, объединить их по назначению в комплексы, красиво оформить и выставить. Надо отметить, что большинство коллекционеров охотно откликнулись на мое предложение. В короткий срок мы собрали около 500 экспонатов и сделали очень интересную выставку «Сокровища реки Оки и окрестностей города Калуги». После этого на меня обратили внимание в Министерстве культуры РФ и пригласили работать экспертом по культурным ценностям в Москву.

В благоустройстве поместья Нелюбовы приглашали участвовать своих друзей – искусных мастеров по работе с деревом

– *Создается впечатление, что ваша интересная коллекция малодоступна. Насколько часто в музей приходят посетители?*

– Летом в сухую погоду музей посещают до 100 человек в месяц. В остальное время года, когда дорога размыта дождями или засыпана снегом, в среднем 35–50 человек. Основная масса – дети из школ Калуги и близлежащих мест, студенты, путешественники. Для детей, пенсионеров, военнослужащих, жителей экопоселений Калужской области и беженцев с Украины экскурсии проводятся бесплатно. Для всех остальных стоимость билета составляет 100 рублей. Плата эта условная, расходы музея она нисколько не покрывает, много средств уходит на реставрацию предметов, музейное оборудование и ремонт помещения. Узнают о музее главным образом по сара-

фанному радио – через тех, кто уже был здесь. Также мои коллеги – хозяева других частных музеев – рекомендуют своим посетителям побывать у нас.

– *Сейчас открывается все больше частных музеев. Сколько их в Калужской области и какой они направленности?*

– Мне известно о 14 частных музеях области. Все они в основном народно-бытовой направленности, есть также этнографические и орнитологические музеи. Правда, иногда есть только слово «музей», а по сути музея нет. Например, мой знакомый коллекционер собрал без преувеличения самую большую в России коллекцию старинных замков и ключей – несколько тысяч экспонатов. В Тарусском краеведческом музее он вывалил их в один зал и выставил на всеобщее обозрение. Именно

вывалил. Я ему объяснил, что так нельзя делать. Каждый предмет нужно «обласкать», провести его атрибуцию, поднять специальную литературу, описать коллекцию, сопроводить историческим рассказом – где бытовал предмет, как изготавливался, если есть легенда – рассказать ее. Собственно, для этого и необходимо музейное или искусствоведческое образование. Коллекционер – молодой парень, к созданию своего музея он еще идет, надеюсь, у него все получится.

– *Есть ли у вас любимые экспонаты?*

– Каждый любим по-своему. Есть предметы, которые достались непросто, другие, наоборот, очень легко, почти все имеют свою историю. Один из потрясших меня в последнее время экспонатов – деревенский топорик-косарь с рубящей частью в виде человека с крыльями – ангела, как сказал принесший его коллекционер. Конечно, это не ангел – вряд ли кто-то будет рубить мясо или рыбу таким «ангельским» косарем. Нет сомнений, что изображен Икар. И он великолепен, в его силуэте выразительный художественный образ. Так отразился в народном творчестве тот всплеск научно-техническо-

го прогресса и вдохновения, когда люди устремились в небо, изобретая крылья и прыгая с колокольни...

– *Нужно думать, много других удивительных вещей хранится в закромах коллекционеров. Увидит ли их кто-нибудь?*

– Музей начинается с коллекционера. Коллекционером был и великий Третьяков, и, например, вятский и калужский губернатор князь Горчаков, оставивший после себя великолепное собрание книг, живописи, серебра. Коллекционером был и калужский врач Васильев, завещавший свою прекрасную коллекцию картин родному городу. Каждый собиратель проходит несколько стадий в своем развитии. Первая и самая главная: увидел предмет – влюбился в него. Так у меня было с колокольчиками. Вторая стадия – начинаешь изучать литературу, искать нужную информацию в архивах, библиотеках, музеях, «подтягивать» предметы в коллекцию. Третья стадия – публикация собранного материала в газетах, журналах, сборниках конференций и участие в выставках. Последняя стадия – когда экспонаты передаются в музей. Но до этого доходят только 1–2 процента коллекционеров. Например,

Сергей и Маргарита уверены, что их музей учит посетителей понимать и ценить прошлое, нашу историю и культуру

у одного моего знакомого более 150 безменов – и все калужские. Мы с ним общаемся, делимся свежей информацией. Однако сам он человек закрытый, никому показывать свою коллекцию не хочет.

– *Ну а вы сделали музей, доступный для всех. Что, по-вашему, дает людям посещение «Вотчины»?*

– Экспонаты помогают нам глубже изучать нашу землю, культуру и быт наших предков. Мы этот свой корень любим и передаем детям, внукам – всем тем, кто приходит в музей. Старинные предметы помогают сохранить историческую память о нашем прошлом. Я считаю, что, если каждый человек в своей семье сохранит хотя бы один старинный предмет – для этого не нужно быть коллекционером, – просто расскажет о нем своим детям, вложит в их сердца понимание, что его нельзя выкидывать или продавать, тогда мы по крупицам сохраним свою культуру. Сохраним трепетное отношение к прошлому, уважение к предкам – даже через материальные предметы, через отношение к ним и воспитание чувства собственного исторического достоинства. Для меня любой предмет – это реликвия ушедших веков. Вот тот табурет для розжига самовара я сегодня готов был расцеловать, хотя уже много раз брал его в руки. Пожалуй, это – мой самый любимый экспонат. Верхняя крышка табурета в прямом смысле сделана как иконная доска! С арочкой сверху и ковчегом по краю. Возможно, я больше никогда не увижу ничего подобного. Потому что эта вещь утилитарная и простая, она со временем уходила на дрова. А в одной из деревень Калужского края табурет сохранили. Быть может, для того, чтобы мы почувствовали трепетное отношение наших предков к самовару, который никогда не ставили на землю: «Печка – матушка, а самовар – батюшка». ■

ТРОПА В ДИКУЮ ПРИРОДУ

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

В ПЕСЧАНЫЙ БЕРЕГ РЫБИНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА ВКОПАН ОГРОМНЫЙ ЩИТ С НАРИСОВАННЫМИ ОБРАЗЦАМИ СЛЕДОВ ЖИВОТНЫХ, КОТОРЫЕ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ВЫХОДЯТ НА ЭТОТ ДИКИЙ ПЛЯЖ. ТАК СОТРУДНИКИ ДАРВИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА, ЗАНИМАЮЩЕГО БОЛЕЕ 100 ГЕКТАРОВ В ЯРОСЛАВСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТЯХ, ПРЕДЛАГАЮТ ДЕТЯМ СТАТЬ СЛЕДОПЫТАМИ. ЭТА ИГРА ОЧЕНЬ НРАВИТСЯ МАЛЫШАМ, КОТОРЫЕ ГОТОВЫ ЧАСАМИ СРАВНИВАТЬ СЛЕДЫ СВОИХ КРОССОВОК С ОТПЕЧАТКАМИ ЛАП ЛИСЫ И БАРСУКА.

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ ЗДЕСЬ придумали другой «аттракцион»: за полгода до 70-летия Дарвинского заповедника его сотрудники проложили тропу по лесу и берегу, которая знакомит с флорой, фауной и историей заповедника. Тропа тоже посвящена следам. Только тем, что оставили в науке выдающиеся «дарвинцы».

«НАУКОСЕЛО»

Деревня Борок – единственный населенный пункт в Дарвинском заповеднике. Так было все семьдесят лет его существования. У жителей Борка запретов больше, чем досок в заборе. Дрова рубить нельзя, лишь сухостой. Скот держать разрешено, но под сенокос нарезаны небольшие участки в строго определенных местах. В другом

месте косить – ни-ни. А вдруг скормишь корове дикий рис и особую разновидность морозостойкой кукурузы, которые эксперимента ради посадили здесь полвека назад? Опыт признали неудачным, но растения-то прижились. Деревенские научились жить без громкой музыки и строительных работ, которые здесь тоже запрещены. Глухие, сокрытые от цивилизации места (8 километров до ближайшей деревни, где есть магазин и медпункт, а до школы – и вовсе 50 километров) останутся глухими до тех пор, пока существует заповедник. Но Борок живет и здравствует. Потихоньку.

Два десятка домов, 68 человек по последней переписи, и все – либо бывшие работники заповедника, вышедшие на пенсию, либо действующие сотрудники, либо их дети и внуки. «Будущие наши сотрудники», – говорят о последних здесь с улыбкой. И ведь не шутят. В заповеднике что ни семья, то династия. Среди нынешних работни-

АЛЕКСАНДР КОРКА

ков заповедника есть «дарвинцы» в третьем и даже четвертом поколении! В 1945 году, когда заповедник открыли, на работу в природную лабораторию, как в монастырь, отправились (в том числе и не по своей воле) ведущие орнитологи, биологи и ученые других специализаций. Многие ради этого оставили столичные НИИ и московские квартиры, некоторым научные тру-

ды по материалам «дарвинских» исследований принесли мировую славу. Яркий пример – биолог Вячеслав Немцев. Приехав в Дарвинский заповедник в 1948 году, прожил здесь остаток жизни, создал первую в СССР ферму глухарей, стараясь одомашнить эту птицу, придумал искусственные гнездовья для уток и методы по привлечению в них самих птиц. В заповеднике говорят, что

Новая тропа дает
возможность
туристам изучать
заповедник
самостоятельно

Немцев понимал птичий язык. А еще он собрал коллекцию бабочек, которая до сих пор считается крупнейшей на северо-западе России. Глухариные вольеры Немцева, ныне пустые, можно увидеть в качестве экспонатов во время прогулки по новой тропе, проложенной сотрудниками заповедника.

Вячеслава Немцева, пожилого неразговорчивого мужчину, можно встретить на тропе и сегодня, но это сын и полный тезка давно умершего ученого. О прошлом говорить не любит, а о будущем – всегда пожалуйста, поскольку это его работа. Вячеслав Вячеславович – начальник «дарвинской» метеостанции. «Раньше люди с легкостью обходились без метеорологов – были народные приметы, и очень точные, я вам доложу, – говорит он. – Но техногенные процессы изменили многие природные процессы и уничтожили многовековые народные наблюдения. Они же сегодня бесполезны в городах, но

Дарвинскому заповеднику присвоен статус биосферного резервата ЮНЕСКО

у нас в заповеднике работают. Вы спрашиваете – когда придет настоящее зимнее похолодание? У нас через три-четыре недели. У вас не знаю».

Это теплое, с легким оттенком заносчивости «у нас» – в заповеднике у всех на устах. Они все семьдесят лет прожили коммунальной в своем «наукоселе» (если есть «наукоселу»?). Старшие в промежутках между одомашниванием глухарей, выведением змей с особым ядом для медицинских целей, попытками вырастить на Русском Севере сибирский кедр и виноград учили младших в школе и ставили для них спектакли и концерты в деревенском клубе. А младшие помогали в глухарятниках и серпентариях, а после окончания столичных вузов возвращались в Борок – в научную келью родителей и продолжали их работу. Потому что в заповеднике прививали не только кедр к сосне (одна такая кедрососна стоит у входа в администрацию), но и любовь детям к этим лесам, водоемам и болотам и ответственность за них.

– Я родилась здесь и выросла, я – в третьем поколении «дарвинцев», – рассказывает жительница деревни Борок Татьяна Филипповна Каунихина, угощая нас чаем с пирогами в своей уютной избушке. – А сын в четвертом – он здесь начальник отдела обеспечения. Он и по линии своего отца тоже четвертое поколение – дедушка моего первого мужа был в здешних местах лесничим. Моя бабушка стояла у истоков создания заповедника и работала здесь первым секретарем. Мама трудилась в научном отделе. Я родилась здесь в 1954 году и, выучившись на зооинженера в Балашихе, приехала сюда на глухарятник. Сорок лет ему отдала.

Рассказывая о детстве, она вспоминает известных ученых не по научным трудам, а по ролям в любительских спектаклях. Легендарный биолог Мира Львовна Калецкая, изучавшая фауну прибрежной зоны и специали-

АЛЕКСАНДР КОРКА

Заповедник охраняет не только крупных животных и птиц, сохранность муравейников тоже под контролем

зировавшаяся на лосях, запомнилась ей сочным исполнением Солохи в любительской постановке «Ночи перед Рождеством». Первого директора заповедника, Алексея Леонтьева, еще в 30-е годы обосновавшего в ходе многочисленных экспедиций необходимость создания здесь охраняемой зоны, Татьяна Каунихина называла попросту «дядей Лешей». «Мы детьми очень боялись его, – понижая голос, говорит она. – Внешне, помню, на Хрущева был похож. Кстати, тоже кукурузой занимался, выво-

дил северный сорт. Строгий был, решительный, гонял нас от кустов с ягодами. Как он идет, мы с ребятами врассыпную». Еще бы не гонять детвору, ведь она то и дело устраивала набеги на экспериментальную черноплодную рябину, выведенную самим Мичуриным и подаренную заповеднику одним из его сподвижников! Дикую канадскую черноплодку Мичурин скрестил с вишней. Ничего вкуснее, по признанию Татьяны Филипповны, она не пробовала до сих пор. А вологодский абрикос, о выведении

Сын и полный тезка биолога с мировым именем Вячеслава Немцева возглавляет «дарвинскую» метеостанцию

АЛЕКСАНДР КОРКА

М.В. БАБУШКИН

Скопа – гордость Дарвинского заповедника, именно ее изображали на гербе заповедника

О.А. ДЕМИНА

которого в Дарвинском заповеднике в 60-е годы кричали советские газеты (Леонтьев скрестил маньчжурскую сливу с обычным абрикосом), Татьяна Каунихина ела совершенно легально. «Директор раздавал сотрудникам в мешочках по килограмму или по два, а семечки просил приносить ему, – вспоминает она. – Тоже вкусные были. А потом, году в 1969-м или 1970-м, стояла очень морозная зима, и все наши знаменитые абрикосы погибли. Это, конечно, была трагедия для всего заповедника».

СПЯЩИЕ МЕДВЕДИ И РУЧНЫЕ ЛЕБЕДИ

Заповедник назван в честь Чарльза Дарвина. Обезьян, как вы понимаете, здесь не встретишь. Зато живет, зимует, гнездится или пролетает мимо около 300 видов животных и птиц. Многие из жителей заповедника в такой численности и плотности расселения не встречаются более нигде на планете. Например, хищная птица скопа, гордость и символ Дарвинского заповедника – именно ее изображали с рыбой в ког-

тях на официальном гербе. И каждый экскурсовод, вышедший с группой туристов на берег Рыбинского водохранилища, может в любой момент, обведя небо глазами, указать на подвижную точку: «Вон скопа летит». Повезет, и орлан покажется – еще одна гордость заповедника.

– Конечно, животные прекрасно знают о существовании заповедника, – говорит научный сотрудник, бывший директор Дарвинского заповедника Андрей Кузнецов. – Понимают, что это место, где на них не охотятся и где можно жить и размножаться. Особенно медведи. У этого животного и интеллект высокий, и живет он долго, накапливая опыт. Если зимой прогуляться по нашей территории, можно встретить множество медвежьих берлог. А на соседних территориях, не охраняемых заповедником, охотники не могут найти ни одной берлоги. Наши медведи идут туда по весне, кормятся там на овсяных полях и в малинниках, а зимовать возвращаются к нам и здесь залегают в спячку.

Дарвин дал имя заповеднику, потому что разработал эволюционную теорию, а заповедник создали для наблюдений за изменениями во флоре и фауне на землях, прилегающих к рукотворному морю – Рыбинскому водохранилищу. Две трети заповедника заболочено (это обстоятельство, как здесь

У орнитолога Андрея Кузнецова нет недостатка в объектах изучения – в заповеднике встречается более 230 видов птиц

говорят, помогло спасти его от закрытия во время массовой ликвидации заповедников при Сталине и Хрущеве – земля была бесполезной для народного хозяйства), почти весь он покрыт густым лесом. Но это особый лес. Уже более десяти лет его охраняют не только российские законы – заповедник получил статус международного биосферного резервата ЮНЕСКО. Его не только рубить нельзя, даже заходить туда без письменного разрешения руководства заповедника и паспорта в кармане воспрещается.

Заповедник открылся летом 1945 года, спустя два месяца после Победы. То, что государство в период разрухи и забот о хлебе насущном и крыше над головой для сотен миллионов граждан вспомнило об охране природы и лесных обитателей, поражает гостей заповедника больше, чем рассказ о домашнем лебеде, воспитанном «дарвинцами», который еще недавно разгуливал по двору перед административным зданием вроде кошки или собаки.

Лебедь Глаша попала к сотрудникам научного отдела птенцом: во время одной из экспедиций нашли птицу на обочине. Видимо, птенец отбил от семьи. Поначалу хотели вернуть птенца, сели в лодку, поплыли искать лебедей. Но те, увидев людей, улетели. Так что пришлось Глашу забрать с собой.

– Поначалу Глаша жила у меня дома в тазу с водой, – рассказывает орнитолог Кузнецов. – Главная проблема была в том, чем кормить птенца. В природе лебедь питается личинками водных насекомых, а где их взять? Мы наловили слепней – не ест. Потом догадались бросать их в воду, и она тут же стала их хватать. Потом перешла на вареные яйца, творог, рыбу.

Когда Глаша подросла, ей построили домик рядом со зданием администрации. Летать научилась сама, сама добывала корм. Улетала – иногда не-

АЛЕКСАНДР КОРКА

Заповедник создан для наблюдений за природой прилегающих к Рыбинскому водохранилищу земель

АЛЕКСАНДР КОРКА

дели на две, но всегда возвращалась. Очень любила, когда угощали ее кашей – не важно какой. Охраняла дом почти как собака, чужих не пускала. Терпеть не могла купающихся, налетала на них, хлопая крыльями. «Понимала все, – вспоминает Андрей Кузнецов. – Однажды одна из посетительниц, фотографируя сидящую Глашу, попросила ее расправить крылья и стала махать руками. Глаша как прыгнет на нее и ну лупить ее крыльями и клювом. Женщина бегом, лебедь за ней. А вот... не дразни».

Глаша прожила в заповеднике больше года. Однажды улетела во время сезона охоты и не вернулась. Должно быть, попала на охотников...

НА ПРОТОПТАННЫХ ДОРОЖКАХ

Новую тропу, над сооружением которой сотрудники заповедника работали не один год, можно, не опасаясь впасть в ложный пафос, назвать дорогой в дикую природу. Она тянется почти километр и выложена аккуратными деревянными дощечками. С помощью указателей, табличек и надписей можно самостоятельно знакомиться с главными богатствами заповедника. Старые тропы, более протяженные, требуют помимо резиновых сапог и специальной одежды профессионального проводящего – можно на медведя или волка нарваться или нарушить спокойную жизнь заповедника, даже не желая этого.

АЛЕКСАНДР КОРКА

Хотя за всю историю существования заповедника не было зафиксировано ни одного случая нападения животного на человека. А ведь тех же медведей, к примеру, сотрудники ежегодно встречают в заповеднике десятками. «Дарвинцы», правда, уверяют, что медведи европейской части России довольно добродушные существа. Именно эту породу часто используют в цирках. По предположениям ученых, это объясняется тем, что медведи и люди прошли эволюцию совместно. Агрессивные особи

были в процессе эволюции истреблены человеком, а выжили миролюбивые медведи, избегающие встреч с человеком. Почуввав человека, медведь обычно уходит. Встречи возможны в тех случаях, когда ветер дует в сторону человека и медведь не может его почуять заранее.

– Наиболее опасны встречи с медведицей, которая пугается любого крупного живого существа, – рассказывает Андрей Кузнецов. – Даже медведя опасается, поскольку часть самцов – каннибалы и могут по-

На тропе можно увидеть уникальные растения и познакомиться с исследованиями сотрудников заповедника

По словам ученых, животные знают о заповеднике и нередко приходят туда зимовать или переждать охотничий сезон

просто съесть медвежат. Как мы поступаем в этих случаях – говорим с медведем уверенно и громко и медленно пятимся назад: «Миша, я тебя не трону, ухажу». Нападают медведи редко, но могут рыкнуть и сделать два-три угрожающих прыжка – уходи, дескать. Бежать ни в коем случае нельзя, в этом случае у хищника может сработать инстинкт. Как у кошки на бумажку, как у щуки на блесну. Волки у нас тоже живут, нам известны две семьи. Волки, в частности живущие в нашей полосе, по природе трусливые. Увидев человека, они в большинстве случаев убегают. Долгая жизнь вблизи людей научила волка опасаться человека, даже маленького и слабого на вид. Волк знает – этот может выстрелить. И не только выстрелить. Не секрет, что главный враг дикой природы – человек. И не обязательно беспринципный браконьер, навредить может даже самый добрейший натуралист. Сотрудники рассказали поучительную историю про гагара. Эти водоплавающие вяют гнезда возле озер или рек, на берегах которых нередко отдыхает и человек. И вот рыбак или купальщик, помахивая удочкой в руке или полотенцем на шее, идет берегом домой и никого не трогает. Завидев его, испуганная мама-гагара ныряет из гнезда в воду, а на ее яйца мгновенно налетают вороны, которые сутками караулят гнезда. Ученые полагают, что это – одна из основных причин, которая привела к серьезному сокращению, почти уничтожению, популяции гагар. Вот почему в заповеднике запрещено шуметь и вот отчего плакат, на котором изображен человек с поднесенным ко рту пальцем, встречается тут довольно часто: «Не подходите к гнездам и норам. Соблюдайте тишину». В тишине здесь предстоящим летом намерены и 70-летие заповедника отметить – выйдет пара научных книг и праздничная газета. И никакого духового оркестра с фейерверком. 📌

КРЫМ КРЫМЫЧ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

АНТОН ЧЕХОВ ПИСАЛ ЖЕНЕ В 1901 ГОДУ ИЗ КРЫМА: «В ЯЛТЕ НЕЛЬЗЯ РАБОТАТЬ, НЕЛЬЗЯ И НЕЛЬЗЯ. ДАЛЕКО ОТ МИРА, НЕИНТЕРЕСНО». С ГЕНИЕМ СПОРИТЬ БЕССМЫСЛЕННО И НЕПРИЛИЧНО. ДА И НЕ О ЧЕМ СПОРИТЬ. РАБОТАТЬ НЕИНТЕРЕСНО И ВООБЩЕ НЕЛЬЗЯ НЕ ТОЛЬКО В ЯЛТЕ, НО И В ЕЕ ОКРЕСТНОСТЯХ: ЛИВАДИИ, МАССАНДРЕ, ГАСПРЕ, МИСХОРЕ, ОРЕАНДЕ, КОРЕИЗЕ.

ЭТУ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ разделяли, пожалуй, и члены императорской фамилии. Причем задолго до того, как в Крым поселился Антон Павлович.

Иначе не объяснить, почему именно в Большой Ялте покупали и строили себе дачи-дворцы многие великие князья и все государи, начиная с Александра I. Одной природной красоты и ласкового моря недостаточно для объяснений. В других местах полуострова хватает и моря, и красот, и лечебного воздуха. Алушта, Кара-Даг, Новый

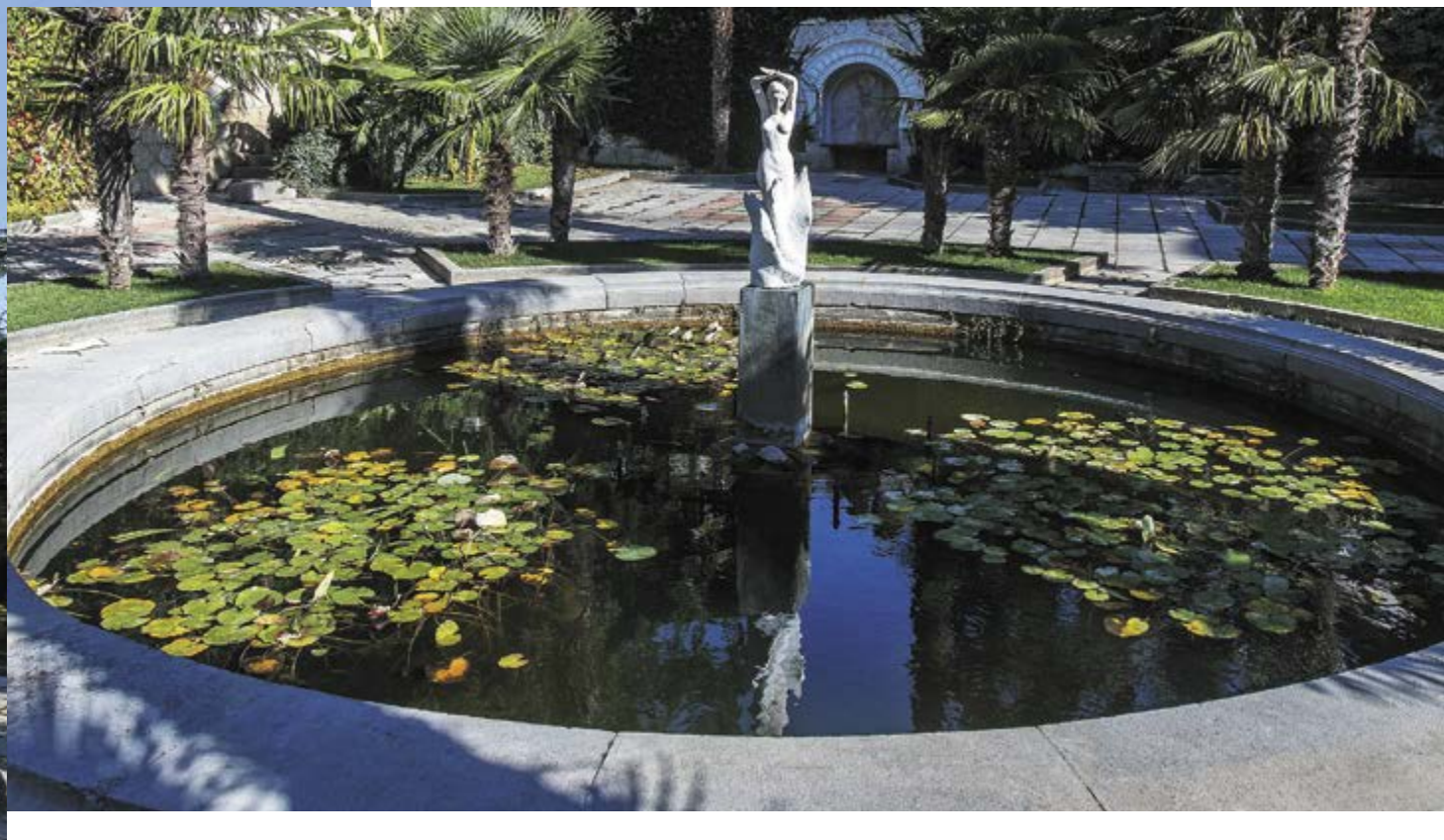
Свет, Форос, Фиолент... Но строились, а построившись, отдыхали в окрестностях Ялты.

Крымские таксисты – народ специфический. Как и всюду в туристических местах, совмещают несколько функций, в том числе функцию экскурсовода. Как водители, они, безусловно, хороши. Горные дороги – отличный тренинг. А вот гиды из них обыкновенно никудышные. Испорченные к тому же представлениями, будто всякий прибывающий в Крым ничегошеньки о нем не знает. Поэтому предположение, что нам предстоит сложный и длинный маршрут по бывшим резиденциям Романовых в ялтинской округе, вызвало белозубую, но полную скепсиса улыбку рулевого.

– А что тут сложного? – пояснил он, хлопнув дверцей. – Воронцовский дворец в Алушке. Ливадия. Ну, там, где Сталин с Черчиллем и Рузвельтом засе-

Окончание. Начало см.:

«Русский мир.ru» №11, 12 2014 года и №1 2015 года.

Аллея веерных пальм и фонтан у главного входа в бывшую резиденцию великого князя Петра Николаевича – дворец Дюльбер

дали. «Ласточкино гнездо», само собой... А чего еще-то?

«Чего еще-то» включало в себя резиденции Дюльбер, Харакс, Кичкинэ, Ореанда, Чаир, Ай-Тодор, Верхняя Массандра, Курпаты. Позже выяснилось, что наш механизированный гид об этих местах знал и выводил к ним с точностью портового лоцмана, но в голове не держал. Не слишком баловал своим вниманием романовские дачи советский турист. Да и нынешние путешественники предпочитают проверенные экскурсионные точки. Тем более что до сих пор далеко не все резиденции доступны простому смертному.

ДЮЛЬБЕР, ТО ЕСТЬ ПРЕЛЕСТНЫЙ

В этом убеждаемся у ворот санатория «Дюльбер» в сердце поселка Мисхор. Считается, что здесь – самое теплое место в Крыму. Может, и так, но прием

весьма прохладный. Равнодушный охранник начинает реагировать только после того, как из кармана извлекается международное удостоверение «Пресса». О том, чтоб проехать в бывшую резиденцию великого князя Петра Николаевича, внука императора Николая I, и речи быть не может. А насчет пройти... Предлагается дошлепать до стойки администрации в громадном бетонном 9-этажном корпусе, нависающем над парком, и там расплатиться.

Оказывается, осмотр парка и дворца вполне возможен. Но за скромную плату в 80 рублей. Деньги у регистрационной стойки взимаются без всяких там квитанций или билетиков, зато с очаровательной улыбкой. И брошенной уже в спину фразой: «Реклама нам нужна!» Что ж, раз так – получите.

В 1893 году великий князь Петр Николаевич прикупил под Ялтой 13 десятин земли, а в 1895-м принял решение – строить на участке дом. И непросто дом, а целый дворец в мавританском стиле. Князь всерьез увлекался восточной архитек-

турой, подолгу бывал в Северной Африке и весьма удачно под свою идею подобрал архитектора из местных – ялтинца Николая Краснова, набившего руку в строительстве домов на склонах гор. Выяснилось, что и зодчему восточная эстетика не чужда. Короче, альянс состоялся, и уже через два года на склоне появилось белоснежное чудо. Модерн в магрибской традиции! В конце строительства был момент, когда казалось, проект осуществлен не будет. Из-за финансовых проблем: у князя закончились свободные средства. Однако после продажи другого имения проблема рассосалась, и Дюльбер состоялся.

Во время Великой Отечественной войны дворец сильно пострадал, реставрация была сделана плохо, и с тех пор здание выглядит куда печальнее, чем в начале XX века. А с появлением 9-этажного соседа общий вид испортился еще сильнее. Хотя парк по-прежнему прекрасен. И высокие старые пальмы у входа во дворец полны намеков. А на арке главного входа араб-

Шотландская вилла Харакс, принадлежавшая великому князю Георгию Михайловичу

ской вязью надпись: «Да благословит Аллах всякого входящего сюда».

При процедуре оплаты нас строго предупредили, чтоб внутрь дворца, а нынче санаторного корпуса, ни с фотокамерой, ни без – не соваться. Мол, там люди лечатся и отдыхают. Вот такое случилось фундаментальное противоречие. Всякого – да не всякого!

Честно говоря, не очень-то и хотелось. Отдыхающие больные – не лучшее зрелище в бывших великокняжеских апартаментах. Говорят, после появления в Крыму большевиков в 1918 году, на крыше дворца поставили пулемет. Дабы отпугивать непрошенных гостей с красными бантами. Долго отпугивать не получилось, и в 1919 году хозяин Дюльбера великий князь Петр Николаевич с женой и тремя детьми покинул имение навсегда, сумев эмигрировать в отличие от многих других Романовых. Не исключено, что здешние традиции гостеприимства были заложены именно тогда. А развились в советское время, когда Дюльбер превратился в зону отдыха высокопоставленных деятелей компартий разных стран.

ХАРАКС, ТО ЕСТЬ КРЕПОСТЬ

С предубеждением, рожденным не на пустом месте, приближаемся к воротам, отделяющим общедоступную территорию Гаспры от зарешеченного санатория «Днепр». За этим – очередным – забором находится бывшая резиденция великого князя Георгия Михайловича, опять-таки внука Николая I, – Харакс.

У входа раскинулся скромный фруктово-овощной развал, несколько палаток с сувенирами, чем Дюльбер похвастаться не может. При виде охранника возникает рефлекс: «Низзя!» Оказывается – можно. Но

за официальную плату. Деньги взимаются тут же, в обшито-пластиком будке, в которой коротают рабочее время защитники санатория и обремененные финансовыми обязательствами дамы. И на душе как-то спокойнее. Будет чем отчитаться за командировку.

При таком настроении моему бессменному товарищу по путешествиям фотографу Александру Бурому и пудовый кофр с аппаратурой носить легче. Поэтому позволяем себе прогулку мимо самого дворца и спуск к морю, зовущий широкой лестницей вниз по склону. А склон крут. Ступени широки...

Вечно живое
дерево в парке
имения Кичкина

В 1869 году сын императора Николая I великий князь Михаил Николаевич, человек в империи весьма уважаемый, создавший новую русскую артиллерию и окончательно успокоивший Кавказ, облюбывал соседнее имение Ай-Тодор. Третье по величине после государевых Ливадии и Ореанды. Он подарил его супруге, Ольге Федоровне, урожденной принцессе Баденской. Впоследствии имение распочковалось, и малая часть досталась сыну главного фельдцейхмейстера – великому князю Георгию Михайловичу. Он-то и задумал в 1904 году построить рядом с мысом Ай-Тодор скромную резиденцию. Назвал ее по имени существовавшей здесь некогда римской крепости I века – Харакс.

К этому времени тот самый ялтинский архитектор Краснов, уже построивший Дюльбер, а также дворец Чаир в чудесном, покоренном розовыми кустами парке, что подарил великий князь Николай Николаевич-младший супруге, стал непрекаемым авторитетом по части царской архитектуры в Большой Ялте. Георгий Михайлович мудрить не стал и заказал Красно-

ву проект своей виллы. К восточным мотивам князь был равнодушен, тяготел к суровой шотландской архитектуре. И работа Краснову вновь удалась. На пустынном склоне он создал комплекс построек, напоминающих классическую шотландскую деревню, а на пути к морю разбил парк и широкую, перемежающуюся ступенями аллею. Сам дворец, собственно, и не дворец вовсе. Именно что – вилла. Или загородный дом какого-нибудь Брюса или МакГрегора. Компактный, разноэтажный, сложного силуэта и очень соблазнительный.

Что происходит на верхних этажах виллы Харакс, выяснить так и не удалось. А на первом этаже – весьма достойный ресторан, в главном зале которого соответствующий антураж и даже хоры для небольшого оркестра под потолком. Как встарь. Кухня впечатляющая, но по ценам вполне сопоставимая с московскими элитными заведениями. Впрочем, все это – на глазок. Позднее утро к обеду не располагает, впереди ждут Ливадия и Массандра. Хотя спуск к смотровой площадке заставляет задуматься о брэнном.

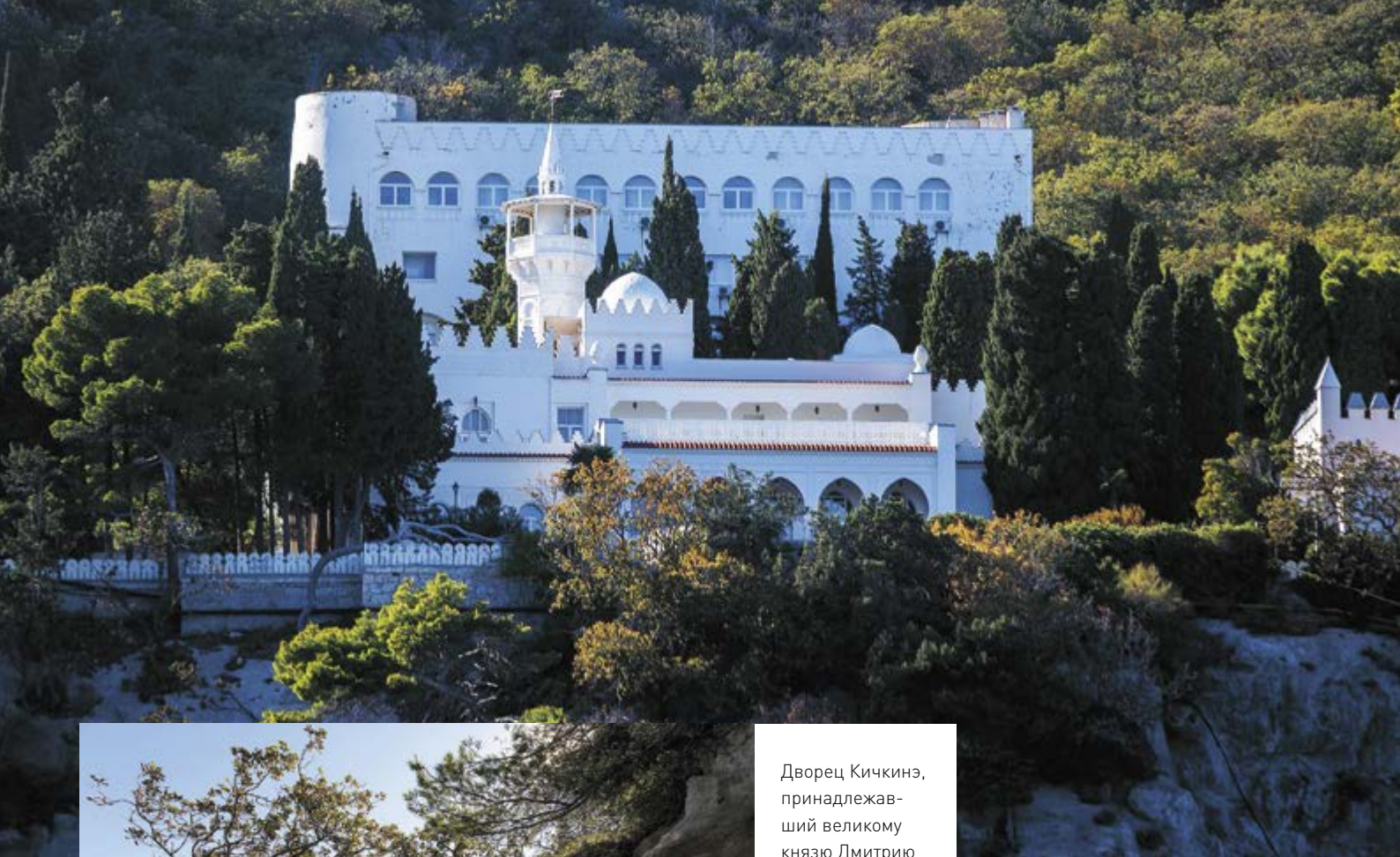
Попытка вернуться к Чаиру с мечтою посмотреть архитектурные достопримечательности на корню пресекается водителем-гидом:

– Старых зданий там нет. Там только розы. Или не слышали песню?..

Мы, конечно, выражаем сомнение. Так как о существовании дачи Николая Николаевича, где в свое время отдыхали Маяковский и Фрунзе, говорят и сегодня. Но суровое лицо экскурсовода объясняет многое: должны понимать, там и журналистское удостоверение не поможет. Что ж, понимаем...

А жаль! Хотелось бы прочувствовать время. Эта самая дача Чаир стала последним пристанищем на русской земле Главнокомандующего Русской армией 1914–1915 годов в Первую мировую войну великого князя Николая Николаевича и его близких. Потом был французский Антиб. Но это уже не то.

Иная судьба ждала хозяина Харакса. Великий князь Георгий Михайлович был расстрелян в январе 1919 года в другой крепости, Петропавловской, в Петрограде.

Дворец Кичкинэ, принадлежавший великому князю Дмитрию Константиновичу, с морской стороны. Вырубленная в скале лестница, ведущая к пляжу

КИЧКИНЭ, ТО ЕСТЬ МАЛЮТКА

Дело за полдень. Севастопольское шоссе, короткими и крутыми рукавами сваливающееся к прибрежным поселкам, петляет как антилопа. Исчезнуть из системы координат мешают только основы скал по левую руку да по правую – мелькающее сквозь деревья и крыши море. Глубоко синее, тугое и бесконечное.

Вот оно – еще одно славное пристанище семьи Романовых. Кичкинэ. Вилла на кусочке земли в Гаспре неподалеку от столь популярного «Ласточкина гнезда». У царя Николая Павловича было много сыновей: Александр, Константин, Николай, Михаил. Отсюда и внучатые ветви, одна из которых – Константиновичи. У великого князя Константина Николаевича выросло тоже четыре сына. Третий по старшинству – Дмитрий. Так

вышло, что рос он по большей части в Крыму, в династическом имении Ореанда. Потом наследовал кое-что из крымских угодий батюшки, продал ради близкого сердцу дела, а незадолго до Первой мировой решил обустроиться на полуострове еще раз. Однако со свободными землями в Большой Ялте было уже затруднато. Потому и удовлетворился великий князь скромным пятячком на крутом берегу в Гаспре. Всего-то 2,5 десятины. А десятина – чуть более гектара. Разве сравнить с угодьями того же Харакса, не самого большого имения царственных родственников – 70 десятин?

Но архитектор из Ялты Николай Тарасов задачу осилил. Построил мини-дворец в восточном стиле. Белый, легкий, изящный, будто парус на мачте корабля. С минаретом-имитацией вместо грот-мачты.

Дмитрию Константиновичу делить пристанище было не с кем. Он был холостяком и детей не имел. Зато очень трепетно относился к многочисленным племянникам и племянницам старшего брата, Константина. Здесь, в Кичкинэ, нашла семейное счастье племянница Татьяна, вышедшая замуж за грузинского князя Константина Багратиона-Мухранского. Здесь же княгиня Татьяна вместе с дядей пережила смерть брата, князя императорской крови Олега, и мужа, единственных представителей императорской семьи, погибших на фронтах Первой мировой войны.

Попасть на территорию «Малютки» очень просто. Приехал – и попал. Само здание чудесно. Но еще удивительнее вид, открывающийся с лестницы, прорубленной в скалах и ведущей к берегу. И с нескольких смотровых площадок по пути. Смотрим налево, в сторону Ялты, а вдаль утыкается носом в воду тот самый Аю. Или, если угодно, Медведь-гора. По другому поводу излагал Владимир Высоцкий, но и тут уместно: «Весь мир на ладони – ты счастлив и нем»...

А Ливадия, резиденция Александра II, Александра III и Николая II, – вот она, совсем близко.

ЛИВАДИЯ, ТО ЕСТЬ ЛУЖАЙКА

После первого присоединения Крыма, в 1783 году, к России все земли – от мыса Фиолент до Феодосии – находились под контролем Греческого батальона, своеобразного воинского формирования из крымских греков, по структуре и обязанностям чем-то напоминавшего казачью систему Дона. Его расформировали только в 1859 году. За это время командиры батальона успели обзавестись солидной земельной собственностью. В частности, командир батальона Теодосиос Ревелиотис, более известный в России как Феодосий Ревелиоти, обрел кусок земли вблизи селения Ялта. Кусок немаленький – более 200 десятин. По одним данным, Феодосий покинул сей мир в 1831 году, но эта дата весьма условна, так как в 1834-м от его имени была подписана купчая, по которой земельный надел перешел в собственность одного из крупнейших представителей польской знати, графа Льва Потоцкого, преданно служившего русскому престолу на дипломатическом поприще. Граф скончался в Петербурге в 1860 году. Имение наследовала его супруга, потом – дочери. Но

вскоре они, уступив просьбам управляющего Департаментом уделов Министерства императорского двора, продали свои доли царской семье.

Первой официальной владелицей Ливадии стала супруга Александра II Мария Александровна. Это был подарок императора. Весьма обоснованный. К этому времени врачи поставили диагноз – у царицы чахотка. А климат Крыма боролся с этой распространенной среди знати болезнью весьма убедительно. Впервые августейшая семья посетила Ливадию в конце лета 1861 года.

Потоцкий много чего успел построить. И царская семья охотно пользовалась новым имением. Не чурался Ливадии и следующий император – Александр III. Более того, именно

На пути к главному входу в Большой Ливадийский дворец императора Николая II

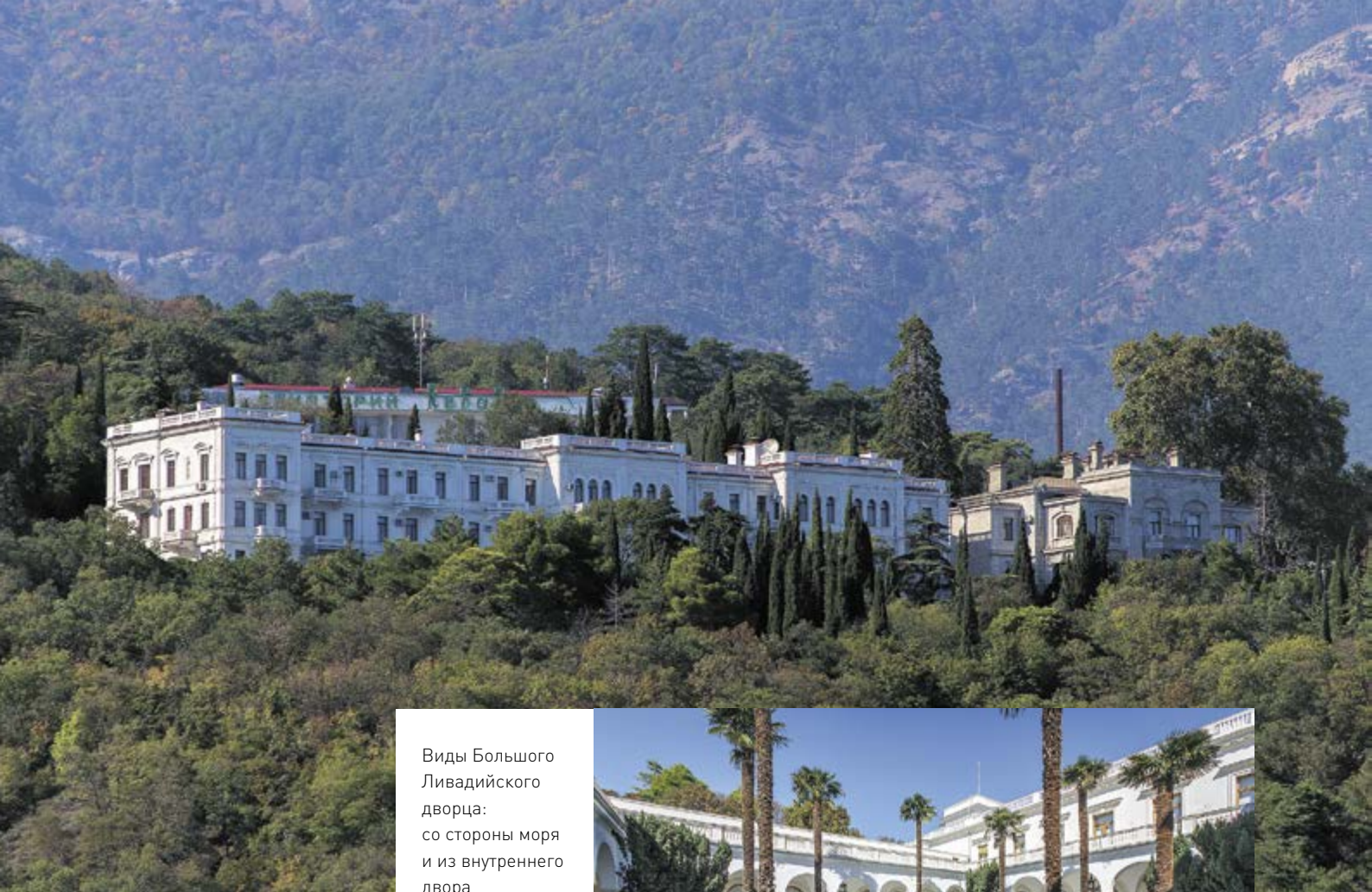
Восковые фигуры трех лидеров антигитлеровской коалиции – Сталина, Черчилля, Рузвельта – в главном зале переговоров на Ялтинской конференции 1945 года в Ливадии

в этом имении он закончил свои земные дни в 1894 году. Несмотря на это печальное обстоятельство его сын – Николай II – также симпатизировал «Лужайке». При нем был заново построен Большой дворец, который до сего дня является одним из главных туристических мест Крыма.

...У длинной аллеи, ведущей к Большому дворцу, – сувенирные развалы. Первый, что попадает на пути, – это мобильная лавка по выдавлыванию изображений на медных и стальных болванках размером с медаль. Интересуемся ассортиментом. – Николай Второй, – отвечает мастер. – Из меди – 300 рублей, из простого металла – 150...

Во дворе дворца народу полно. Вокруг внушительные стенды, оповещающие о текущих выставках и экспозициях. Матерого вида экскурсоводши сбивают туристов в стайки. Помимо посещения основной экспозиции предлагаются еще две локальные истории: империи Российской и нечто живописное. На круг – 900 рублей с носа. Недавно одна экзальтированная коллега из Питера публично возмущалась в сетях на тему повышения стоимости билетов в Эрмитаж до 500 рублей. Инте-

Виды Большого
Ливадийского
дворца:
со стороны моря
и из внутреннего
двора

ресно, каков был бы градус ее гражданского пафоса, окажись она вместе с нами в Ливадии? Ну, это так, к слову. Хотя слово – не воробей. И этот самый воробей с ценником на крымские достопримечательности далеко не улетит. Пристрелят из рогатки.

В любом случае Ливадия выгодно отличается от прочих романовских мест, исключая, пожалуй, Верхнюю Массандру, наличием всяческой сувенирной продукции и – главное – замечательных книг в тему.

После монеты с изображением Николая II и анонсов Имперской выставки шоковое состояние наступает сразу, едва вступишь внутрь музея. Из коридора поворачиваешь направо – и в большой зале перед тобой три персонажа в креслах: Сталин, Черчилль, Рузвельт. Лишь в эту секунду понимаешь, что не императором единым...

К слову, именно это весьма сложное в архитектурном смысле здание не видел ни Александр II, ни его царственный сын. Строил дворец уже царственный внук. Прежний дворец уже не устраивал Николая II

Парк в Ливадии,
разбитый на
склоне горы
Могаби, –
шедевр садово-
паркового
искусства

ни по размерам, ни, что важнее, по экологическому состоянию. Строительство нынешнего Большого дворца поручили все тому же архитектору Краснову. Сроки фантастические – 17 месяцев! И, что удивительно, Краснов и его команда справились. А ведь помимо основного здания стро-

или и вспомогательные. Одна новая кухня насчитывала 90 помещений! В первых числах октября 1911 года в обновленную Ливадию на новоселье прибыл император с семьей. Иное дело, что пожить в любимой крымской резиденции царю удалось лишь четыре раза.

Кабинет императора Николая II в Большом Ливадийском дворце

В июне 1914-го царская семья покинула «Лужайку» навсегда. Во время одного из визитов начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал Александр Мосолов поинтересовался у государя, не хотел бы он перенести столицу в эти места. Николай II чистосердечно ответил, что не раз думал об этом. Кто-то из свитских вступил в разговор с вопросом, где же тогда будет заседать Дума. Царь не без юмора отреагировал: «На горе Ай-Петри»...

На втором этаже дворца в жилых комнатах много чего настоящего осталось. Мебель, светильники, книги, учебная доска царевен в комнате для занятий. Восковая троица в первой зале первого этажа тоже придает колориту. И пусть Ялтинская конференция 1945-го привела не совсем к тем результатам, о которых эти трое договаривались в Ливадии, но ведь тоже – событие. Также – история!

Архитектор Николай Краснов успел вместе с семьей покинуть Крым в 1919 году, укрывшись от новой волны красного террора на пароходе «Бермудиан», шедшем на Мальту. Умер замечательный зодчий в Белграде в 1939-м.

МАССАНДРА, ТО ЕСТЬ НЕУДОБНАЯ ЗЕМЛЯ

Те, кто назвал это место неудобной землей, сильно ошиблись. Видать, не слишком разбирались в том, о чем поспешно судили. Генерал-губернатор Новороссии светлейший князь Михаил Воронцов видел ситуацию в Массандре иначе. Да и не только в Массандре. Крым расцвел в середине XIX века во многом его усилиями. Довольно побывать в Воронцовском дворце в Алушке и отведать крымского муската в массандровских подвалах, чтобы убедиться: князь Михаил

Женщина-сфинкс. Одна из 35 скульптур в парке дворца в Верхней Массандре, установленных в начале XX века. Копия из античной коллекции Императорского Берлинского музея изящных искусств

Семенович, несмотря на груз государственной службы, умудрился совершить на полуострове экономическую революцию.

...Дорога лезет в гору. Далеко внизу остались ялтинские крыши и овал бухты с белыми ресничками пены на тонких волнах. Верхняя Массандра на то и верхняя. У поворота к дворцу из машины надо вылезать. Дальше – «кирпич». И солидные штрафы. Даже таксисты не рискуют. Особенно заезжие.

– Местные увидят, что нарушаю, тут же позвонят гаишникам, – поясняет наш присмиривший гид-водитель.

Пешком по тягуну – метров шестьсот-семьсот. Но едва трогаясь – удача, сверху спускается маленький электромобиль, которому на «кирпичи», очевидно, наплевать. Парень хипповатого вида ссаживает на потрескавшийся асфальт пассажиров и готов к вопросу. И вопрос ясен, и ответ устраивает. Едем. За очередным поворотиком на обочине замер БТР. Правда, не камуфлированный, а очень даже весело раскрашенный, будто индеец, вырвавший топор войны. На нем еще более хипповатый парень в бандане с калашом в руке провожает наш электрокар ленивым взглядом. Волей-неволей приходит мысль, что, может, более и нет никакого Массандровского дворца. А вместо него организовали на горе какой-то нелепый аттракцион.

Видимо, давно привыкнув к ситуации, шофер-хиппи поясняет: «Это для экстремалов. Кому-то дворцы нужны, а кому-то хочется на горных дорогах протрестись. Разный турист пошел. А на автомат внимания не обращайтесь. Муляж для куража...»

Остроконечные крыши и донжон дворца выныривают из крон могучих дубов, словно напоказ. Откуда в крымских предгорьях рыцарский замок времен какого-нибудь Людовика?

Строительство дворца тут задумал еще сын генерал-губернатора Новороссии и наместника Кавказа князь Семен Воронцов. После того как от бури погиб

Замок-дворец
императоров
Александра III
и Николая II в Верхней
Массандре

обычный барский дом. Французский дух нового проекта неслучаен: Семен Михайлович поручил разработку проекта французскому архитектору Бушару. Не прошло и двух лет, как дворец-замок подняли под крышу. Но сначала умер архитектор, вскорости и сам заказчик. Почти десяток лет стоял недострой, пока в 1889 году все имение вместе с постройками не выкупил департамент царских уделов. Александр III сразу влюбился в это место. Да и супруга Мария Федоровна с радостью приезжала сюда. Ливадия напоминала царю о некоторых семейных осложнениях в жизни его отца,

и, не исключено, он был готов поменять «Лужайку» на здешние «неудобные земли», где на 600 десятинах уже были разбиты огороды, табачные плантации, цветники, виноградники и прочая. Но какой-то рок висел над Верхней Массандрой. Едва был согласован с императором план внутренней отделки, как из Ливадии пришло скорбное известие: государя Александра III не стало. Архитектор Месмахер, которому было поручено достраивать дворец после приобретения имения царской семьей, бился над задачей вплоть до 1902 года. Дело продвигалось мед-

Уникальный
камин
коричневого
мрамора в одном
из покоев
дворца

ленно еще и потому, что Николай II воспринимал Массандру весьма холодно. Всем было видно, что ливадийская близость к морю плюс ожидание тамошнего нового Большого дворца государю куда дороже. Верхнюю Массандру сдали по акту в марте 1902-го. Обошлась она лично императору почти в миллион рублей. Но замок остался пустым. Во всех смыслах. Ни людей там не оказалось, ни мебели и прочих атрибутов, свойственных царским резиденциям. Чудесный камин из редкого коричневого мрамора никого не грел. А экскурсии, причем за плату, начали водить в Верхнюю Массандру еще до Первой мировой войны. Замок на «неудобной земле» настолько прекрасен, интерьеры настолько безукоризненны, что люди поднимаются сюда до сих пор. Наше электротакси вновь как нельзя вовремя. Узкая дорога петляет вниз, мимо бронетранспортера и дремлющего на бронепарня в бандане. По всему видно, экстремалы тут редкость. Не те места, пусть и «неудобные».

**ОРЕАНДА,
ТО ЕСТЬ СКАЛИСТАЯ**

Кажется, все. Гид-водитель выныривает на трассу. Явно с облегчением. 40 километров серпантина, а там – родной Форос, обед, вернее, уже ужин... Что-то тревожит. Так бывает, когда после большого дела чувствуешь, что упущено нечто важное. Под спудом впечатлений и ощущений, подъемов и спусков, декоров и видов, колонн и башен стигнуло из памяти еще одно романовское. И не просто еще одно – первое по календарю. Ореанда!

Незадолго до смерти ее присмотрел еще Александр I Благословенный. Так и говорил окружению: «Я скоро переселюсь в Крым. Буду жить частным человеком. Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку». Не успел. Умер. Имение перешло к его младшему брату, Николаю Павловичу. Нельзя сказать, чтобы Николай I разделял устремления своего предшественника на троне, но Крым без внимания не оставлял. Во

Столовая зала
Массандровского дворца, интерьер которой составила мебель из редких пород дерева

время визита в поместье Ореанда в 1837 году распорядился сделать Ялту уездным городом. И началось...

Машина уже промчалась мимо съезда на Ореанду. Слыша наш разговор о том, что неплохо бы заглянуть и туда, гид-водитель страдальчески смотрит в зеркало заднего вида. И вспоминает

ся бессмертный Чехов: «В Ялте нельзя работать...»

А если и приходится, то недолго. Не для этого создано Богом Южное побережье Крыма. Не для этого. Хотя...

Здесь Антон Павлович написал «Даму с собачкой», «Вишневый сад» и «Три сестры». В Ялте. В Крыму. 📍

Угодья вокруг
Массандровского дворца,
где некогда
находились
табачные
плантации
и виноградники

МЕДВЕЖИЙ УГОЛ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ПО ПЕРВОЙ КОМАНДЕ МЕДВЕДИ, СТОЯЩИЕ СТРОЙНЫМИ ШЕРЕНГАМИ, ВСКИНУЛИ ПАЛКИ «НА ПЛЕЧО». ПО ВТОРОЙ – НАЧАЛИ ВЫПОЛНЯТЬ РУЖЕЙНЫЕ ПРИЕМЫ. ПО САМЫМ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫМ ПОДСЧЕТАМ, БУРЫХ БЫЛО ОКОЛО ТЫСЯЧИ. ЗАТЕМ РАЗДАЛАСЬ КОМАНДА: «НА РУКУ!», И МЕДВЕДИ ОПУСТИЛИ ПАЛКИ, БУДТО ПЕРЕХОДИЛИ В АТАКУ.

СМОТРЕЛО ЭТО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ столько людей, что на Базарной площади яблоку было негде упасть. Самые лучшие зрительские места, по распоряжению капитан-исправника, выделили французам – прямо перед медвежьим полком, у стены городской ратуши. Пленные французы, присланные в город Сергач в 1813 году, после бегства Наполеона из Москвы, вели себя высокомерно и воинственно. Вот и решили в городке сбить спесь с иноземцев парадом дрессированных медведей...

В России издавна существовал доходный промысел: медвежья потеха. По ярмаркам водили дрессированных медведей. У них был стандартный репертуар: «ружье на плечо», «как малые ребята горох воруют», «как у Мишки голова с похмелья болит». Специализировались на промысле нижегородские крестьяне. Они-то по приказу капитан-исправника и организовали в Сергаче парад для «мусью»...

Остатки медвежьего промысла дожили до самого начала коллективизации. Последнее выступление ручного медведя видели в нижегородском Лукоянове в 30-е годы, где мишку после выступления угощали ватрушками. Ну а затем хозяин посадил медведя в деревянную клетку без дверцы, установленную на сани, в которые была запряжена старенькая лошадь, и покинул Лукоянов. Медведь то вылезал из клетки и топал по снегу за саними, то вновь залезал в клетку – отдыхать. Такой и запомнили в Лукоянове эту печальную картину: по снегу бредут две тени – человек и медведь. Куда тянулись их последние следы, растаявшие вместе со снегом после далекой зимы 1933 года? Наверняка на тихую окраину Сергача, до которого от Лукоянова 100 верст. В тот самый городок, который славился учеными медведями и где так напугали пленных наполеоновских вояк...

МЕДВЕДИ НА УЛИЦАХ

На совершенно пустой автобусной станции в Лукоянове две скачущие кассирши обсуждали новость: воскресный рейс в Сергач, скорее всего, отменят вовсе. Не ездит туда никто. И правда: в автобусе я сначала оказался единственным пассажиром. Только перед Лопатино в салон вошли два рослых, широкоплечих парня. Да и те сошли, не доехав до Сергача. За все время поездки на пустынной дороге, идущей через густой лес, нашему автобусу встретились лишь пара машин. Так что в Сергач я приехал в гордом одиночестве. Занесенный снегом городок встретил укутанными в платки

женщинами и здоровенными мужиками в сдвинутых на затылки треухах, лузгающими семечки на автобусной остановке. Павильон ее был украшен гербом Сергача: в верхней половине – марширующий красный олень, в нижней – стоящий на задних лапах медведь. Медведей в Сергаче и сегодня достаточно. У поворота на автостанцию сидит медведица с двумя медвежатами. На каждой автобусной остановке – все тот же герб с медведем. Центральную городскую площадку для концертов и праздников скульптуры медведей сторожат аж с двух сторон. У стойки администратора в гостинице продаются магнитики

Раньше на окраине Сергача на медведей с рогастиной ходили...

с достопримечательностями Сергача – сплошь с медведями. Улыбчивая девушка за стойкой с готовностью перечислит вам места, где в городе можно увидеть изображения или скульптуры медведей... В дендропарке, напротив здания лесхоза. У хоккейной площадки. Перед зданием районной администрации. У районной библиотеки, что стоит на месте бывшей Базарной площади, есть симпатичный медвежонок. «В микрорайоне Юбилейный мишки из пушки стреляют! Да их в последнее время столько развелось! – заключает администратор. – На нового наткнешься – вздрогнешь!»

В сергачском дендропарке зеленого цвета только штакетник. Все остальное – и ели, и лиственницы, и пирамидальные тополя – покрыто снегом. Из-за него не сразу и разглядишь на развилке двух аллей стоящего на задних лапах медведя. На плечах его снег, на бровях снег, на носу снег. В лапах балалайка... В открытой пасти – тоже снег.

Я решил прогуляться до районной библиотеки. Спуститься к ней надо по склону, пройдя по центральной улице со старинными особняками. Потом пройти мимо старой кирпичной стены. Вот и библиотека. Тихо тут. Лет сто назад с центральной улицы сюда сворачивали сани, топал в валенках окрестный люд на ярмарку, и орали во всю глотку зазывалы. Сегодня о бывшей шумной Базарной площади здесь ничего не напоминает. Торчат покосившиеся трубы, подслеповато щурятся окошки древних деревянных домишек, да редкие прохожие в валенках протаптывают тропинки в сугробах. А ведь именно где-то здесь, если верить роману Павла Мельникова-Печерского «На горах», в первый день Масленицы и сбивали спесь с французов...

В Сергач партия пленных французов прибыла из Лукоянова. Отнеслись местные жители к ним хорошо, а помещики

Стоящий на задних лапах мишка изображен на гербе города

по русскому обычаю приютили их и даже «приголубили». Как пишет Мельников-Печерский, кормили «мусью» блинами с медами и даже пиры устраивали. Один из пленных сказал своим радушным хозяевам: «Не забудет Наполеон своего сраму, новое войско сберет, опять на Россию нагрянет, а у вас все истощено, весь молодой народ забран в полки – неodobровать вам, не справиться». Но капитан-исправник, который тут случился, ответил, что это беда невеликая, мол, полки медведей на французов пошлем. Пленники посмеялись. А исправник уверил их, что ему к весне полк медведей велено обучить и что его новобранцы маленько к службе уж привыкли – военный артикул дружно выкидывают. Через день готов показать парад. Обо всем этом Мельников-Печерский поведал детально: «А медвежатники по белу свету шатались только летней порой, зимой-то все дома. Повестили им от исправника, вели бы медведей в город к такому дню. Навели зверей с тысячу, поставили рядами». Кстати, письма этих французов о том, что есть в России город Сергач, где медведи по улицам ходят и воевать готовятся, вспомнили во время Крымской войны французские карикатуристы и выпустили открытки с марширующими с ружьями русскими медведями.

Сейчас от того места, где прошел ставший знаменитым на всю Европу медвежий парад, остался только крутой спуск и овраг. Ратушу, к стене которой прижимались бледные от страха французы, снесли. Деревянная церковь, настоятель которой протестовал против парада, сторела. Не ради памяти, а для детей, которые ходят в библиотеку, установили здесь у крыльца симпатичного медвежонка. Детишки обычно гладят мишку, после того как в библиотеке им расскажут об истории родного городка и месте косолапых в его жизни...

В Сергаче немало старинных домов, об углы которых терли спины косолапые артисты в перерывах между выступлениями

По преданию, во время расцвета промысла на весь город был один колокол, который могучие медвежатники вручную перетаскивали во время праздников с храма на храм. А сегодня колокол заматает снегом...

«СЕРГАЧСКИЙ БАРИН»

...Плотная толпа зрителей, состоящая из охочих до необычных развлечений ребятишек, бабенок, хихикающих и щелкающих орешки, парней и мужиков, со знанием дела обсуждающих предстоящее действо, обступила мужика в старой шляпе, с широким ремнем на поясе, к которому была привязана железная цепь, и с огромной палкой-орясиной в правой руке. Вот он подбросил палку в воздух, а медведь ловко поймал ее обеими лапами. «Ну-ка, Михаил Потапыч, покажи честно люду, как бабы на барщину ходят?» Медведь прихрамывает и, опираясь на палку, медленно делает несколько шажков, возбуждая хохот зрителей. «А как старухи в бане парятся,

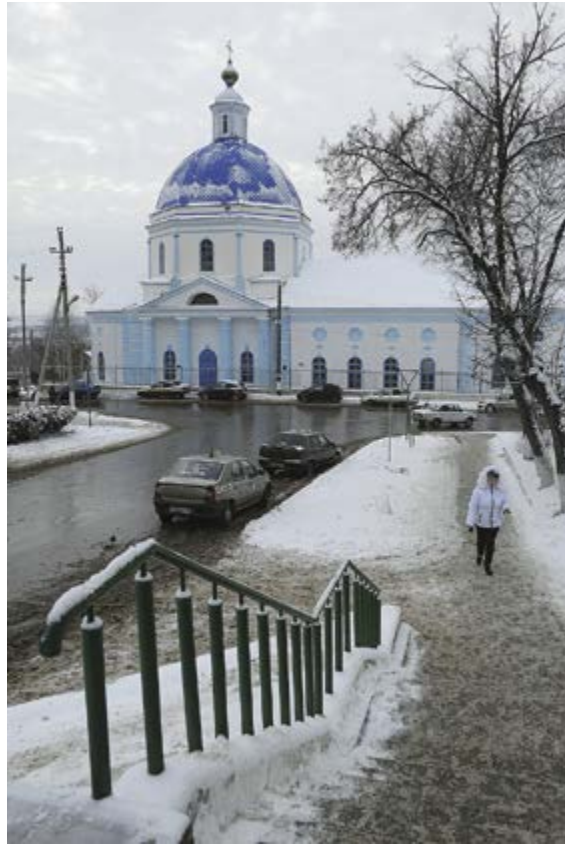
на полке валяются? А веничком во как!» – приговаривает хозяин. «Мишка опрокинулся навзничь и, лежа на спине, болтал ногами и махал передними лапами. Эта минута была верхом торжества медведя, смело можно было сказать ему: «Умри, медведь, лучше ничего не сделаешь!» Ребята закатились со смеху, целой толпой присели на корточки и махали руками, болезненно охая и поминутно хватаясь за бока...» – вспоминает в рассказе «Сергач», написанном в 1854 году, этнограф Сергей Максимов. Все эти фокусы медведь исполняет почти без сопротивления. Еще бы: в носу у него железное кольцо с цепью, за которую дергает и дергает хозяин. И вот финал спектакля уж близко. «Приободришься же, Михайло Потапыч... Поклонись на все четыре ветра да благодари за почет, за гляденье, может, и на твою сиротскую долю кроха какая выпадет». Мишка хватается с хозяйской головы шляпу и, немилосердно комкая, надевает ее на себя, к немалому удовольствию зрителей... – продолжает Максимов. – ...Мохнатый артист, снявши шляпу и ухватив ее лапами, пошел по приказу хозяина за сбором. Вскоре

посыпались туда яйца, колобки, ватрушки с творогом, груши, репа и другая посильная плата за потеху».

Но не этот отрывок можно считать первым описанием «сергачского барина» в русской литературе. «Бе же в граде том научением дьявольским множеством скомрахов, иже хождаху по стогнам града с бубны и с домрами и с медведьми», – говорится в Житии Ивана Неронова, ревностного защитника «старой» веры. Да и протопоп Аввакум рассказал в своем Житии, как он выгнал из села скоморохов с «плясовыми медведями».

...После смерти боярыни Морозовой, которой принадлежали все здешние земли, Сергач с округой отошел в казну. Приблизительно в те же годы здесь начало развиваться поташное производство, леса стали вырубать. Считается, что именно тогда и начал здесь развиваться медвежий промысел: взрослых медведей убивали, а медвежат разбирали по домам «на потеху». Кто надумал их учить различным фокусам – неизвестно. Ясно только, что методы обучения гуманностью не отличались. Прирученные медведи, которых стали называть «сергачскими барами», умели «кашу ложкой хлебать», «на гармони играть», показывать «пьяного мужика», «как девка перед зеркалом румянится», как «красна девица жениха высматривает»... Медведи из Сергача могли показывать до 50 трюков. В представлении участвовала «коза» – человек в шкуре и маске с рогами, избравший козу. Для того чтобы раззадорить медведя, он бил в бубен или стучал в барабан. Обычно в роли «козы» выступал подросток. Вожаков медведей называли «ходебщиками», «медведчиками», «медвежатниками» или «поводчиками». Как правило, они знали наизусть много сказок, прибауток, частушек, которыми развлекали публику во время представления. Ну а сами представления часто именовали «медвежьими комедиями».

Мимо храмов плясовых медведей ходебщики старались не водить. Церковь на варварский промысел смотрела неодобительно

МЕДВЕЖЬИ КОМЕДИИ

В 1830 году Сергей Львович Пушкин выделил сыну-поэту наследство: 200 крепостных душ в сельце Кистеневе Сергачского уезда Нижегородской губернии. Александр Сергеевич дважды побывал в Сергаче – 19 сентября и 4 октября 1830 года. К моменту приезда Пушкина в Сергач пленных французов там и дух простыл. А вот медведей было довольно.

Александр Сергеевич остановился у местного помещика Приклонского, приходившегося Пушкиным родственником. Конюхом в поместье работал некто Иван Брусов, брат которого Афанасий занимался ловлей и воспитанием медведей, приносил барину по заказу медвежьей шкуры, живых лис или медвежат.

Приклонский позвал Афанасия развлечь гостя рассказами, как он учит медведя плясать, какие приключения он пережил, путешествуя с ученым медведем по Австрии, Германии и Польше. Через две недели Пушкин снова побывал в Сергаче, чтобы срочно заложить имение в селе

Кистеневе и взять ссуду в банке. И вновь остановился в доме родственника. Приклонский опять позвал Афанасия Брусова, чтобы развлечь гостя. Так что неоконченная «Сказка о медведях» и знаменитый медведь на цепи в повести «Дубровский», возможно, навеяны поэту рассказами сергачского ходебщика...

Между прочим, ходебщики не только устраивали цирковые представления, но и оказывали иные услуги: например, предлагали лечить медведями заболевших или изгонять из дома нечистую силу. Об этой стороне промысла писал А. Коробкин в «Нижегородских губернских ведомостях» за 1863 год.

Он насчитал в Нижнем Новгороде 45 ходебщиков и констатировал, что промысел находится в упадке. «Народ тертый, бывалый, осторожный, скупой на рассказы... Ни одного медвежатника не привелось вызвать на подробный рассказ истории этого промысла», – писал Коробкин. Он подробно описал дрессировку медведя и упомянул, что «со своим ученым зверем они (медвежатники. – Прим. ред.) пробираются, избегая больших городов, особая от глаз полиции, становых приставов бояться как черти ладану... Избродят Украину, Венгрию, даже Кавказ и тем же медленным осторожным шагом двигаются к дому. Из похода выносят 200–300 рублей...». Коробкин предположил, что сергачские ходебщики осознают варварский характер своего промысла и желающих заниматься им становится все меньше.

Есть предание, что как-то раз в Сергаче пьяные медвежатники выпустили своих мишек на волю, а те напугали санный поезд. Возмущенные путешественники пожаловались властям. Этот случай, как считают в Сергаче, лег потом в основу стихотворения Некрасова «Генерал Топтыгин»: на ямской станции медведь залез в сани, а люди ревущему медведю честь отдавали. Кстати, в 12-м томе Свода законов Российской империи

Экспозиция в Сергачском краеведческом музее: ходобщик и его ручной медведь, он же кормилец большой крестьянской семьи

в статье 200 упоминалось о том, что медведи на дорогах пугают проезжающих, а «вожатые, напившись пьяными, что часто случается, бросают медведя, который может бросаться на людей и причинять зрителям увечья и самую смерть...».

Сотрудник Сергачского музея Нина Солдатова нашла в фондах Нижегородской губернской управы письма исправника Нежинского уезда Черниговской губернии. В 1850 году он задержал двух крестьян, водивших по селу Малая Кошелевка медведя, – Василия Маркова (35 лет) и Семена Данилова (19 лет). Исправник отобрал у них паспорта и отправил под конвоем в Сергач с запретом водить медведя по улицам. Позже в Нижегородское губернское правление было послано распоряжение выводить (то есть уничтожать) медведей. А в 1851 году Нижегородское губернское правление запретило жителям содержать диких животных без разрешения полиции. Ровно через десять лет в городе Меховее Радомской губернии царства Польского были задержаны с медведем жители Сергача Иван Макаров и Илья Стулов, которых выдворили в родной город. А 30 декабря 1866 года «медвежьи комедии» как народный промысел были запрещены высочайшим повелением. Окончательный срок прекращения промысла был установлен в пять лет...

СКРЫТЫЕ МЕДВЕЖАТНИКИ

В Сергаче еще жив грустный рассказ о том, как в 1870 году пришли солдаты в город и согнали всех ручных медведей в овраг. Овраг этот между Сергачом и селом Ключево есть и сейчас. С медведями расправились, после чего промысел фактически перешел на нелегальное положение. Но в 1887 году в «Нижегородских губернских ведомостях» сообщалось, что в Андреевке насчитывается около 150 ручных медведей, в Грибанове – примерно 50, в Ключеве – до 120 (указанные села – соседние с Сергачом. – Прим. авт.), а в самом Сергаче – около 90 животных. Так что «медвежьи комедии» игрались и на рубеже XIX–XX веков. В то же время предок жительницы Сергача Токаревой побывал с ученым медведем в Лондоне. До 1910 года жил ручной медведь в доме у жителей Сергача Жуковых. До 1914 года водил медведей Николай Зудов.

Старая фотография не существующей ныне Базарной площади, на которой был устроен парад медведей для пленных вояк разбитой армии Наполеона

В 20-е годы умер медвежатник Китаев, ходивший с медведем до 90-х годов XIX века. Покойный создатель Сергачского музея, краевед Вячеслав Андреевич Громов, был правнуком медвежатника Петра Ручина. Сохранился его рассказ о том, как он встречался с медвежатником по прозвищу Сарвай и видел у него пустую железную клетку для медведя, с которым тот некогда выступал.

Старые медвежьи клетки в Сергаче наверняка и сейчас можно было бы разыскать, если бы не скрытность ходобщиков, верно подмеченная полтора столетия назад А. Коробкиным. Вот и Галина Александровна Фокина долго отказывалась от встречи. По ее словам, в Сергаче помимо нее есть немало людей, предки которых занимались дрессировкой медведей и ходили с ними по ярмаркам. В местном музее даже могут показать список фамилий жителей города, в которых течет кровь представителей этого необыкновенного промысла. А вот прапрадедом Галины Александровны и был тот самый Афанасий Брусов, который рассказывал о своем промысле Александру Сергеевичу Пушкину.

Во время той беседы Афанасий поведал великому поэту и такой случай. Однажды ручной медведь отвязался от столба во дворе и вошел в дом, где висела люлька с маленькой девочкой. Когда сбежавшие из избы домочадцы позвали Афанасия, чтобы он вывел из дома своего ученика, тот уже успел и посуду покрушить, и люльку с ребенком покачать. Но младенца не тронул. Внук этой девочки взял в жены потом Марию Трубкину, со слов которой мать Галины Александровны Фокиной и записала семейное предание об Афанасии Брусове и его встречах с Пушкиным.

«Мама говорила мне: «Галя, сохрани!» – вспоминает Галина Александровна, рассказывая о записях, хранящихся в семье. – Пусть внуки знают, кем были их предки!» Но ни сын, ни

Сотрудница Сергачского музея Нина Солдатова у медведицы с медвежатами (скульптор – Александр Шлиманов)

дочь, ни внуки Галины Александровны не проявляют к Афанасию Брусову никакого интереса. Им более интересен мед Галины Александровны. Она – прямой потомок известного сергачского медвежатника – занимается пчелами. Каждое лето вывозит улья за город, а зимой держит в своем доме. Живет она на том самом месте, где стоял дом ее предка, построенный на деньги от промысла. Отсюда-то и бегал в дом Приклонских Афанасий на встречи с Пушкиным и уходил на гастроли с медведем в дальние страны. Но поскольку ее об этом никто не спрашивает, а она сама не рассказывает, то скульптуры медведя у ее дома нет.

ПОСЛЕДНИЙ «ПОВОДЫРЬ»

...Я примостился у скульптуры медведя, несущего вахту рядом с городской администрацией, наблюдая, как снег медленно замедляет площадь. Проходившая мимо женщина в берете покосилась на меня, на медведя, на постамент, где стояла оставленная кем-то пустая бутылка, и пробормотала: «Не видать Шли-

Последние 25 лет престарелый скульптор живет заботами о сергачских медведях, чем и заслужил славу последнего медвежьего «поводыря»

манова. Некому за медведями присматривать!»

Как выяснилось, еще недавно со скульптурами медведей возился странный старичок: он вытирал медвежьи лапы, утирал морды, убирал мусор, что-то шептал в уши медведям.

Я нашел этого последнего «поводыря» в стареньком деревянном домике на улице Пушкина. Сергачский скульптор Александр Васильевич Шлиманов по поручению главы района создал для города медвежьи скульптуры. Ему даже было предложено выбрать места для их установки. Оказывается, в последнее время Александр Васильевич не может больше выходить на ули-

цу и очень переживает за своих мишек. Первым делом он у меня поинтересовался, целы ли его медведи.

«Сergач исторически город медвежатников, силы у молодежи много, ради озорства могут спихнуть мишку в кусты», – пожаловался он. Такое, как выяснилось, уже происходило. Поэтому сделал он своих медведей не пустотелыми, а монолитными. Но все равно, пока мог, каждый день, в любую погоду обходил он всех своих косолапых в Сергаче, проверяя: на месте ли? Бутылки и банки с постаментов убирал. Отколотые уши, носы, лапы восстанавливал, царапины замазывал и подкрашивал краской в тон. Правда, недавно медведей без разрешения автора выкрасили в красный цвет, что скульптору не понравилось. Не нравятся ему и новые деревянные, топорно сделанные мишки. Они, по его мнению, не годятся для улицы или парка. Горожане, правда, такого трепетного отношения к мишкам не разделяют. Но Шлиманов не успокаивался. «Наши предки с медведями в Индию ходили! А эти что?» – жаловался он на улицах прохожим, равнодушно проходившим мимо его скульптур. Он мог бы рассказать своим землякам, что за годы странствий ходебщики так свыкались со своими мишками, что не бросали своих постаревших кормильцев на произвол судьбы. Медведи доживали свой век в домах медвежатников почти на правах старых родственников. Вот и Шлиманов так же полюбил своих косолапых, пусть и не настоящих. Не бросал их, пока не обезножил. Так что, увы, некому теперь сергачским мишкам слова ласкового сказать, окурочек из лап вынуть или отколотое ухо подправить...

Теперь Шлиманов дома лепит медведей из пластилина и с надеждой поглядывает на заполненные книжные полки. Ведь что бы ни случилось, а никогда уже не исчезнут сергачские ходебщики и их косолапые артисты из русской литературы, русских пословиц и поговорок. ■

МОСКВА – ВОЛГА: ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ РЫБИНСК

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЕДВА ПО ШЛЮЗУ ШЕКСНИНСКОЙ ПЛОТИНЫ СПУСТИШЬСЯ ИЗ РЫБИНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА В ВОЛГУ, КАК СРАЗУ С «МОРЯ» ПОПАДАЕШЬ В ГОРОД. ГОРОД, СТОЯЩИЙ НА БОЛЬШОЙ РЕКЕ, – ОТКРЫТЫЙ, РАСПАХНУТЫЙ, С ПАРАДНОЙ НАБЕРЕЖНОЙ ПО ПРАВому БЕРЕГУ, ОГРОМНЫМ, В ЧЕМ-ТО НАПОМИНАЮЩИМ ИСААКИЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИМ СОБОРОМ И КВАДРАТНЫМ БАСТИОНОМ БЫВШЕЙ ХЛЕБНОЙ БИРЖИ, КОТОРЫЙ СВОЕЮ МАССОЙ ДЕРЖИТ ВЕСЬ БЕРЕГ.

И СРАЗУ ДЕЛАЕТСЯ очевидным, что путешествие наше пошло к концу: позади остался морок Волголага и вообще территория, подвласт-

Окончание. Начало см.:

*«Русский мир.ру» №7–12 2014 года
и №1 2015 года.*

ная Волгострою. Позади осталось мучение реки, естественное русло которой в 30-е годы было так драматически изменено. Волга будто сама вырывается на вольный простор из створов Шекснинского шлюза и, полноводная, действительно некоторое время свободно течет на восток. Если бы мы путеше-

ствовали на катере, легко представляю себе желание стряхнуть с себя всякое помышление о прошлом и, причалив у купоросной (с Череповца какую-то химию сбросили) кромки воды, вверить себя настоящему, пройти по Крестовой, свернуть на Гаванскую, пропустить распахнутую дверь с надписью «Бристоль», зайти в паб «У Ильича», где показывают без звука старые гайдаевские комедии и крутят очень хороший джаз, или в бар «СтакАНЫ» – индикатор местных темпераментов. И так, дрейфуя по пахнущим речным ветром улицам города, мимо бывшей лоцманской биржи и бронзового Ленина, взбравшегося на постамент памятника Александру II, дожидаться вечера, когда весь город вываливается на набережную, юные дамы жмутся к юным кавалерам, демонстрируют немислимые пируэты байкеры, а большие пар-

ни на крутых машинах, как идиоты, вихрем несясь вдоль променада, включив на полную громкость ужасающее «техно»... И все же потом, в гостинице, когда этот звук стартующих, как самолет, автомобилей не будет давать заснуть, захочется в конечном счете завершить дело нашей экспедиции последним рассказом – о Рыбинске.

БОГОСПАСАЕМЫЙ ГОРОД

То, что рыбинцы – купцы, что весь исторический центр Рыбинска есть классический купеческий город, давно стало общим местом. Тут как бы сама природа поспешествует торговле: раньше от Астрахани до Рыбинска суда поднимались своим ходом. А вот дальше Волга делала колено и превращалась в очень шаловливую речку с мелями и перекатами. Большие корабли заходить сюда не смели. В Рыбинске все перегружа-

Набережная Волги всегда была лицом Рыбинска

Здание хлебной биржи

лось на малые речные баржи, и эти баржи с хлебом растаскивались по всей Центральной России – конной ли тягой, бурлацкой ли артелью или туером (судном, которое ходило по специальной цепи, проложенной по дну Волги от Рыбинска до Твери) через все печально известные «тараканьи» или «собачьи» лазы и прочие мели и перекаты. Первоначально на месте Рыбинска была Рыбная слобода, где жили вольные ловцы, которые в XVI–XVII веках занимались поставкой красной волжской рыбы к царскому столу. Однако перенос столицы в Петербург и строительство Вышневолоцкой (1709) и Мариинской (1810) водных систем изменили специализацию города: именно Рыбинску пришлось решать задачу снабжения Северной столицы. А для этого надо было весь вал товара, который шел с Нижней Волги и Закаспия, перекупить, перегрузить, отправить (а протяженность каналов Мариинской системы была более тысячи километров) и доставить. Вот на этих-то операциях и делались миллионные состояния, строился город, создавался капитал, мельницы, пароходства, верфи. Недаром протоиерей Родион Путятин, в XIX столетии прозванный ры-

бинским Златоустом, считал Рыбинск Богоспасаемым городом: так прилег он к месту, что только знай – не ленись! Все богатство со всей России через него перетекает – только поворачивайся! И поворачиваться здесь умели! В летний аврал купец «впрягался, как в бурлацкое ярмо». Умели работать. Каждый купец знал цену времени и счет дням от весеннего половодья до осеннего ледостава. Эта портовая, речная, торговая работа определила и облик города, и характер самих рыбинцев. Как писал Евгений Ермолин, главный метафизик журнала «Угличеполе», Рыбинск – «это русская Голландия и Англия, русская Америка». Духовный опыт Верхнего Поволжья – отрыв от почвы, уход за предел. Рыбинцу «тесно дома, в узких, обжитых границах повседневности. Его манят неслыханные дали... неизвестные пространства бытия». «Здесьняя порода – редко бунтарская, человек не идет напролом, не пытается свою волю противопоставить миропорядку. Потребность в шире рыбинец реализует в соответствии со здравым смыслом, в реальной действительности, умело и талантливо используя ее возможности, которые оказываются не такими уж и скромными».

ГОСПОДА КУПЕЧЕСТВО

В 80-е еще годы прошлого века знаменитый реставратор Савелий Ямщиков открыл неизвестный пласт живописи: позднее он получил название «ярославский купеческий портрет XIX века». Когда несколько десятков картин было раскрыто и явлено на свет из-под толщи налипшей на них копоти и пыли, открылись парадные портреты купцов и купчих, писанные иногда первоклассными мастерами. Несколько портретов этой серии я нашел в собрании Рыбинского краеведческого музея. И подивился: столичный лоск, живые, волевые лица и несокрушимое достоинство в глазах. И если уж на то пошло, то столица Верхнего Поволжья произвела удивительные человеческие типы среди купечества.

Константин Расторгуев – эталон выборного местного администратора. Человек со стратегическим видением городских перспектив. В 1898 году он был выбран городским головой, каковым и оставался до 1917 года. При его участии в Рыбинске появились водопровод, телефонная сеть, городская электростанция, была реконструирована гавань. Сам он был крупным капиталистом, но купечество изначально, со времен первых бургомистров и ратманов, принимало самое живое участие в управлении городом. И если в других городах в городском самоуправлении нередко задавали тон дворяне, то в Рыбинске дворяне в каком-то смысле желали уподобиться купечеству: так, Владимир Сергеевич Михалков, один из самых ярких и просвещенных представителей своего семейства, владевшего роскошной усадьбой на левом берегу Волги, в 60-х годах XIX века имел три доходных дома в городе и подал в Рыбинскую городскую думу прошение, в котором «просил причислить его к временному рыбинскому купечеству с мотивировкой: «желая производить в городе мою торговлю, дозволенную купечеству 2 гильдии».

Хлебный магнат Ефрем Степанович Калашников. Начал торговать с лотка в Торжке. Но в зрелые годы выстроил в Рыбинске паровую мельницу, где молот чуть ли не лучшую муку в России. С началом посевных работ он рассылал своих агентов по хлебным губерниям, с тем чтобы те наблюдали погодные условия: так, после жатвы он знал, где купить самое луч-

А это – пожарная каланча

В бывшей Рыбной слободе теперь торгуют черникой

шее зерно. Даже старший маклер Рыбинской хлебной биржи А.В. Шишов, «который мог, потеряв зерно между пальцами, сказать, в какой губернии эта пшеничка выросла и сколько на нее пролилось дождей», о пшенице Калашникова высказывался лишь в превосходной степени. Да и не только он. В 1895 году калашниковская мука была удостоена золотой медали Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве, в 1896 году – серебряной медали Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде, а в 1897 году – серебряной медали Международной художественно-промышленной выставки в Стокгольме. Одевался Ефрем Степанович по-европейски, не раз бывал и за границей, и в Петербурге. Дом поставил на широкий, хлебосольный лад. Кухню предпочитал русскую. По большим праздникам принимал у себя архиерея. В театре бронировал литерную ложу у самой сцены.

Родоначальник индустрии Рыбинского края купец Николай Журавлев увидел в Рыбинске не просто идеальный «перевалочный пункт», но место, которому для осуществления своей миссии самому много чего нужно. В 1859 году неподалеку

Памятник
Ленину
на постаменте
памятника
Александру II,
царю-
освободителю

А этот
называется
«Золотая рыбка»

от Рыбинска он выстроил канатную фабрику, которая позднее, после реконструкции, стала крупнейшей в Европе. Следом были возведены механический, литейный и судостроительный заводы. Причем с последним вышел казус: в свое время в Рыбинск приехал министр путей сообщения, ярый сторонник пароходства, и встретил в Журавлеве яростного оппонента. К тому времени рыбинские купцы вложились в так называемые коневодки. Журавлев сразу понял преимущества паровых судов и «противоречил потому только, что лучше других понял преимущества речных пароходов и что с введением их на Волге его конные машины потеряют свое значение и ценность». А к концу 1860-х годов у самого Журавлева ходило по Волге 11 пароходов.

Замечателен и его сын, блистательный англоман Михаил Журавлев. На его средства был оформлен один из залов Музея изобразительных искусств, созданного по инициативе профессора Ивана Цветаева в Москве. Последними (хотя можно было бы и первыми) в этом списке хочется назвать «нефтяных королей» братьев Нобель. Но если в Баку больше известен Роберт, который ведал делами нефтедобычи, то в Рыбинске – Людвиг,

который создал неподалеку от города колоссальную нефтебазу. Идея создать центр по переработке нефти именно в Рыбинске возникла у Дмитрия Ивановича Менделеева, который был близко знаком с семейством Нобель и любил стратегически мыслить, рассуждая о промышленности. Чтобы доставлять нефть от Баку в центральные губернии России, нужен был флот. Знаменитое пароходство «Кавказ и Меркурий» отказало «Товариществу бр. Нобель» в пароходах. Работавший у Нобелей талантливый инженер Владимир Григорьевич Шухов довел до технического воплощения идею нефтеналивного судна и придумал цилиндрическую форму резервуаров для хранения нефти. Она оказалась столь удачной, что некоторые шуховские цистерны прослужили до 1990-х годов. Ну а флот... В начале XX века Нобелями была построена целая флотилия специальных судов для работы на маршрутах Рыбинск – Тверь и Торжок; Рыбинск – Вологда – Архангельск. Поэтому у деревни Лосево, на левом берегу Волги, на покато́м пространстве Нобели приобрели большой уча-

Мост через Волгу ведет из города на слип – бывшее предприятие Нобелей

Туристы пока еще приглядываются к Рыбинску

сток земли, где были выстроены склады и слип: ремонтное предприятие – и одновременно своего рода зимняя гавань. Зимой суда особыми лебедками боком поднимались на берег, устанавливались правильными рядами на клетки, чтобы после ледохода их можно было спустить на воду тем же способом. На слипе зимовало более 40 судов, в том числе и других компаний.

Но сколь ни блистательно было рыбинское купечество, портрет его в кратком объеме журнальной статьи может быть дан только со многими изъятиями и купюрами. Ни слова же не сказали мы об изразцовом короле Василии Аксенове, мечтавшем воз-

родить красоту изразцов допетровской поры и получившем золотую медаль на грандиозной Парижской выставке 1900 года. Или об Иване Дурдине – своего рода философе-цинике или, лучше, разгульном русском декаденте, любителе посмеяться над обывателями – и в то же время авторе монографии «Пивоварение» и директоре-распорядителе заводов «Новая Бавария», которые превратили пиво в напиток, соперничающий с шампанским... И все же каким бы незаконченным ни выглядел портрет рыбинского купечества, им, купечеством, жизнь города не исчерпывается. За два века сумасшедшего развития Рыбинск стал блестящим, мощным городом, сам дух его привлекал к себе дарования, которые искали раскрытия не только в бизнесе.

РЫБИНСКАЯ ГУБЕРНИЯ

В XX веке Рыбинск неожиданно стал крупным промышленным центром, сложившимся вокруг турбинного завода «Сатурн». Это предприятие известно, его все знают, но если перечислять все верфи, цементные и кирпичные заводы и муниципальные предприятия, то

центр получится очень крупный. Рыбинск как бы все время вырывается за уездный, районный формат. И однажды даже вырвался: когда в 1921–1923 годах была образована Рыбинская губерния. Исторически это было вызвано разными причинами, в частности рыбинские большевики были довольно активны, а в Ярославле вообще был упадок после разгрома города в 1918 году. В общем, рыбинские вновь оказались более ушлыми, чем ярославские, и им на время досталась губерния. Этот исторический почти что анекдот нам нужен для того, чтобы подтвердить саму потенцию, само усилие Рыбинска не быть райцентром, быть открытым миру, быть городом со своим характером, со своим лицом. Из всех городов, которые мы объехали за время экспедиции, только Рыбинск обладает самостоятельной и давней, при этом не провинциальной духовной жизнью. То есть как бы посылает своих представителей на верхний уровень культуры. Сейчас это место «наверху» занимают поэты: Константин Кедров, Юрий Кублановский. Ну а в начале XX века занимал, в числе прочих, гениальный фотограф Андрей Сигсон: он первый сумел сфотографировать снежинку.

Охлаждал перчатки, надевал респиратор, чтоб не растопить снежинку своим дыханием. За фотографию снежинки он получил золотую медаль Всемирной Парижской выставки. Но что интересно? За двенадцать лет занятий снежинками он только однажды видел снежинку с двенадцатью лучами. Обычно их шесть. В Рыбинске родился нарком НКВД Генрих Ягода, а также основатели Голливуда, учреди-

Памятник адмиралу русского флота Федору Ушакову, уроженцу этих мест

Уцелевший от пожаров деревянный модерн – достопримечательность города

тели премии «Оскар» братья Иосиф (1878–1961) и Николай (1881–1969) Шенкеры (Шенки). В Рыбинске обрел соборную кафедру один из самых популярных в России XIX века проповедников, Родион Путятин – рыбинский Златоуст. Здесь снискал он славу «народного проповедника» и огромную любовь. Батюшка Родион говорил своим прихожанам: «Бог сроднил меня с вами, во всем мире теперь нет людей, которые бы по духу были так близки мне, как близки вы. <...> Вашим спасением и я спасаюсь, ваша погибель и мне грозит гибелью». В XIX веке «Поучения» Родиона Путятина переиздавались 25 раз! И хотя, как видно сейчас, нет в них ни великой глубины святоотеческих текстов, ни тонкости, с которой разбирают духовную проблематику современные духовные авторы, в них есть, безусловно, одно: отеческая забота, с которой очень добрый и очень чистый душою человек может проповедовать, какое бы столетие ни было на дворе. «Поучения» я нашел в РГБ, почитал и даже делал выписки, но как-то они не пришлись... Но там же, в библиотеке, в грандиозном, если так задуматься, хранилище культуры, я подумал, что попытки Рыбинска расширяться, выйти за свои пределы в конце концов духовно привели к тому, что город сумел-таки забросить несколько семян в эту библиотеку вечности. Вот, например, живописец Борис Григорьев (1886–1939) оказался действительно крупным художником. Он был не только соразмерен таланту тех людей, портреты которых он блистательно написал – тут и Велимир Хлебников, и Всеволод Мейерхольд, и Максим Горький, – он сумел создать собственный живописный мир и потрясти Россию. Потрясти Россию ею же самой. Цикл авторских текстов, графических, живописных и больших живописных работ, который потряс страну, назывался «Расея» (кни-

га недавно переиздана). Эта книга произвела эффект разорвавшейся бомбы. «...Развенчивание мифов, которое стало в эти (1910-е) годы смысловой доминантой в творчестве Григорьева, должно было коснуться и самого главного из них – мифа о народе. XIX век прошел под знаком веры в народ, в его особую правду – нравственную, религиозную или социальную. Миф о ней не рассеялся и к началу XX века, хотя и был поколеблен литературой – прежде всего Чеховым и Буниным. Но от живописи в 1910-е годы никто не ждал ни бытописательства, ни критики – эти качества, казалось, давно остались в далеком передвижническом прошлом. Отчасти поэтому столь ошеломляющее впечатление произвела григорьевская «Расея». «Перед эстетам, совершенно к тому времени отвыкшими вычитывать из картин какие-либо уроки и пророческие назидания, предстало подобие головы Горгоны», – вспоминал Александр Бенуа. Но почему же Горгоны? «Олонецкий дед», «Старуха-молочница», «Девочка» – ничего в них нет «горгонского». Оказалось, напугала главная картина: «Крестьянская земля». «...Григорьев фиксирует не случайно брошенные взгляды, но общее духовное состояние крестьян. Все они, такие разные, непохожие внешне, смотрят одинаково – с выражением тяжелой обиды, глухой ненависти... Как будто рухнули скрепы, примирившие с жизнью... и сознание людей оказалось перед неизвестностью, необходимостью выбора. ...Этот гнев требует выхода, оттого в картине Григорьева все дышит бунтом...». Бунт. Страшное пророчество. В 1919-м художник вместе с семьей на лодке через Финский залив бежал из Советской России. С тех пор споры о нем долго угасли и возобновились только в последнее время, когда в собрании «Русский музей» вышли репродукции большинства его работ.

В Спасо-Преображенском соборе служил Родион Путятин

Хлебников был астраханец, но это не мешало ему чувствовать себя Председателем земного шара. Вот и Григорьев: с какой-то космической высоты он глянул на Русь и увидел... Кстати, сейчас «Расея» Григорьева воспринимается совсем иначе. Теперь, когда пророчество сбылось, когда бунт опрокинул царство, когда в Гражданскую полетели головы этих самых григорьевских мужиков... Теперь, когда народа этого нет, когда даже лиц таких, как у «олонецкого деда», не встретишь, смотришь на картину, как на старую фотографию: где вы, милые? Кого Волголаг прибрал, кого война, кого – колхозные «трудодни»...

Еще одна книга, недавно переизданная, залетела в библиотеку вечности – «Интуиция совести» Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942), самобытного мыслителя-антрополога, которого ошибочно и как-то

слишком по-советски именуют у нас «физиологом». Эту книгу вообще полезно иметь, ибо она написана тончайшим психологом. Искрами гения осыпаны даже записные книжки и пометки на полях книг:

«Человек человеку – величайший секрет, но вместе с тем без устремления понять этот секрет и иметь человека перед собою теряется смысл человеческого поведения и бытия».

«Пережитое нами доброе заставляет нас ждать своего повторения. Но повторения не будет. Итак, добро существует, чтобы не повториться».

«Человек! В твоём прощении твоих ближних не нуждается никто, кроме тебя самого!»

БУРЛАКИ НА ВОЛГЕ

На набережной Волги в Рыбинске установлен единственный в России памятник бурлаку работы Л.М. Писаревского. Бурлацкие ватаги собирались не-

подалеку – на Стоялой улице (странно, что ее не назвали «лежалая»: обычно, в ожидании работы, бурлак засыпал прямо на земле, предварительно написав на пятке мелом цену за работу). Тянули тягу они двумя способами: завозом или бечевой. Как тянули бечевой, известно по картине «Бурлаки на Волге». Первым шел самый главный бурлак – «шишка», то есть самый сильный. За ним – «подшишельные», которые знали дорогу, правильно выстраивали путь. За ними шли «ленивые» – те, кто должен был купцу-хозяину, либо те, кто отработывал долг. Как правило, бурлаками становились отставные солдаты, беглые каторжники или крестьяне, которые выходили на заработки.

Замыкали шеренгу «косные», которые следили за тем, чтобы бечева не цеплялась за камни, коряги и так далее. В артели было до 350 человек.

Работа эта, правда, была адова, и Репин, приступая к своей знаменитой картине «Бурлаки на Волге», имел, конечно же, *чисто передвижническое* намерение сквозь весь покой тихого волжского пейзажа и живописность внешнего облика бурлацкого показать нам все же тяжесть и муку подневольного труда.

И вышел вот какой анекдот с этой картиной. После того как Репин показал своих «Бурлаков» в России, где и вызвал желаемую реакцию, он по дороге в Италию оставил выставку в Вене. И неожиданно получил оттуда письмо И.Н. Крамского: «Кстати, не знаете ли, как о Вас один немец рассуждал, то есть о «Бурлаках» Ваших? <...> Идею Вашей картины он, немец, понял очень глубокомысленно, что вот, дескать, кучка людей вымирающего племени, довольно дикого, близкого к горилле, перед приближением цивилизации (пароход). Каково! А ведь верно, что вы на это скажете? По-моему, и хорошо, и по-немецки. Оно тем хорошо, что неожиданно. Странное дело, или мы умнее

Этот памятник бурлаку, должно быть, единственный в мире

других, или еще не доросли. Отчего, скажите, иностранцы нас так мало знают?» На что Репин бойко ответил: «А немец-то как выразился! Удивительно верен! Везде немец! Гуманные идеи для него мелочь, ему абсолютом подавай, его интересуют только органические да геологические идеи – «философия чистой воды». Случаев узнать немцев у нас еще не было...» Тут я обрываю цитату, ибо случаи такие у нас были, а в XX веке и еще представились, откуда и поговорка: «Что русскому хорошо – то немцу смерть!» По-разному устроены у нас мозги. У нас они, образно говоря, круглые. Тогда как у немцев они, образно говоря, квадратные. Но характерно, что при этом взаимопонимание не исключается!

БЛАЖЕН, КТО ЛЮБИТ РОДИНУ СВОЮ

– Такое предприятие в России только одно, во всем мире их четыре, но в силу профиля отечественного нефтегазового сектора завод по производству кабелей нужен в России, и вот мы его пустили. Это такой один хороший пример прямых иностранных инвестиций.

И второй – это совместное предприятие по производству газовых турбин большой мощности для энергетических наземных станций. General Electric, Объединенная двигателестроительная корпорация и «ИнтерРАО». Там у них доля 51 процент и 49 процентов у наших...

Потом «Сатурн»: за год образовался целый новый завод. Там сосредотачиваются новые виды производств. На нем 500 тысяч

Старое здание «нобелевской» больницы

евро стоит одно рабочее место. Но мы это и подразумевали: появление новых производств, создание рабочих мест, дорогостоящих рабочих мест.

– А сколько таких мест?

– Сто семьдесят пять.

Мне понравился наш разговор с и.о. главы городской администрации Леонидом Можейко.

На нехватку бюджетных денег он не жаловался, наоборот, похвастался, что бюджет у Рыбинска больше, чем у таких областных центров, как Новгород и Псков. И собственный вклад в этот бюджет больше. Ну, и какие-то есть специальные прогрессивные показатели по статьям этого бюджета – они у Рыбинска тоже лучше. Сказал, что видит задачу городской администрации в том, чтобы решать проблемы жителей города. Эта простая мысль показалась достоверной. Проблем много на разных уровнях. Что уже удалось? Создать парк и набережную вдоль Волги. Сделать дороги. Построить (начиная с 2009 года) почти весь комплект городских супермаркетов. Запустить процесс восстановления и повышения престижности исторического центра города...

Понравилось мне и то, что завершить нашу беседу глава го-

рода решил поездкой в фирму «Криста», к ее директору, Юрию Алексеевичу Черныху. Интерес двойной: с одной стороны, вот, пожалуйста – успешная современная фирма. Производит компьютерные программы. Основные заказчики – госсектор, корпоративный сектор, Министерство финансов. А с другой стороны, директор-технарь неожиданно оказывается фотографом. Хорошим фотографом. Страстным и бесстрашным. Сам организует поездки в самые необжитые, бедные, часто опасные точки нашей планеты. Вот, побывал в Эфиопии. После гражданской войны за гостиницу там можно не платить – гостиниц нет. Но зато приходится нанимать охранника.

– Я, – говорит Черных, – эти эфиопские фотографии в коридоре повешу. Чтобы люди видели, как другие живут, и не просили прибавки к зарплате...

Но подлинная страсть Черныха – русская деревня. Причем такая деревня, где совхоз умер – и всё. И люди выживают, танцуют от одной коровы, одной козы или кошки даже... На Севере таких много. И ему в кайф снимать всю эту... ну, нехарактерную уже для города обстановку. И людей. У него все через людей.

Волга
в Рыбинске
зеленая,
а пароходы –
по-прежнему
белые

– Вы пьете с ними? – спрашиваю. – Уж больно они открыты... – Да нет, – говорит. – Я за рулем. Правда, ради вот этого снимка – «Гараж» – пришлось с ребятами выпить. Но обычно иначе как-то находишь контакт. Вот это вот – «Капуста». Совхоз не успел капусту убрать – ну, мужик из-под снега и стянул один кочан. Увидел нас – насторожился. Я своему напарнику кричу: Миш! Ты мешок взял? Будем сегодня капусту брать? Ну, того и отпустило. И я снял.

– Я вот думаю, – усмехнулся Можейко, – как это совмещается в одном человеке? С одной стороны, ставка на собственные силы, успешная фирма, программный продукт, вера в какой-то прогресс – иначе как руководить всем этим? А с другой – вот эти фотографии...

– Человек по большей части существо иррациональное... – произнес Черных.

– Будете делать книгу? – спросил я.

– Да. Я уже сверстал. Триста пятьдесят фотографий.

– Круто. Я бы купил. Как назовете?

– Да вот, думаю.

– Назовите «Расея». Ведь это Расея. Вечная. Неубиваемая.

Блажен, кто любит родину свою.

На этом я хотел бы проститься с читателем. Вместе мы прошли по рукотворному пути Москва – Волга до конца. Можно было бы добавить к уже сказанному и то, и другое еще, но главные впечатления отфильтровались так. Они постепенно накапливались, медленно созревали, но в результате выложились чередой таких вот публикаций-высказываний, так что под конец и добавить-то нечего.

Самое главное сказано в конце. И еще: благодаря этой экспедиции я убедился, что Расея – вечная, неубиваемая – как была, так и есть. По-прежнему. Вот об этом хотелось бы подумать еще раз и кое-что понять. 📍